

ДНЕВНИКЪ
МУРЗЯКИ

ИЗДАТЕ
ТОКМОСЬ
М. Д. ВОЛЬФЪ

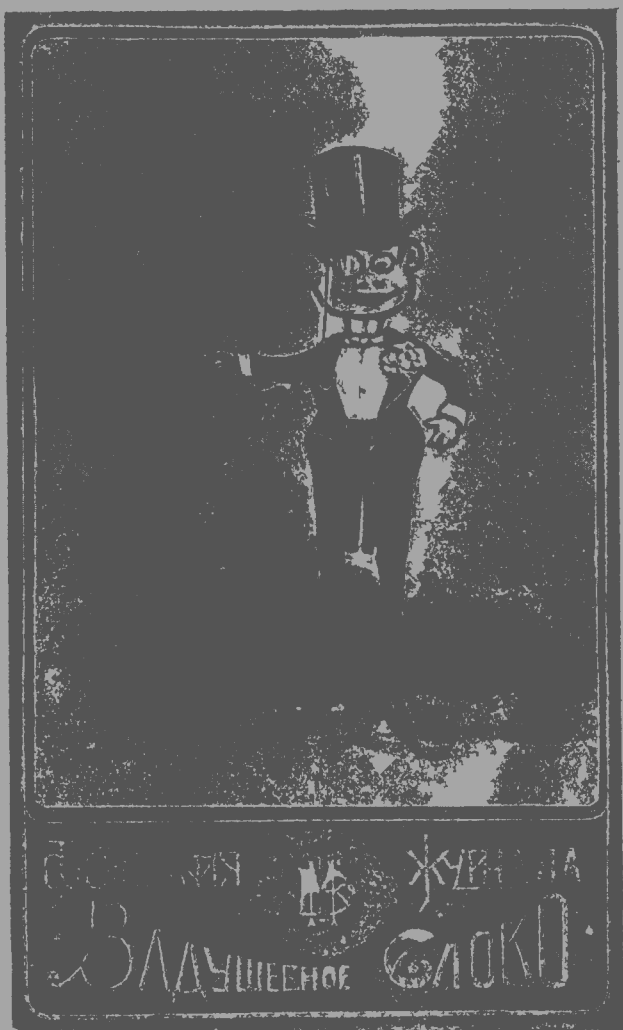
зала № 38
шкафъ 35
полка 4
№ 59 ✓

v 10 \ RC \ 1946761

Проверено 1950

— Это я—Мурзилка.

ПОВѢСТЬ-СКАЗКА
О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ, СТРАНСТВОВАНІЯХЪ,
ШАЛОСТЯХЪ И ПРОКАЗАХЪ
МАЛЕНЬКИХЪ ЛѢСНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧКОВЪ

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

РАЗВЛЕЧЬ и позабавить начинающаго читать ребенка разсказомъ о веселыхъ приключеніяхъ и невинныхъ шалостяхъ сказочныхъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ и, попутно, знакомить его съ достопримѣчательностями разныхъ странъ и жизнью народовъ, вообще съ тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ,—такова цѣль настоящей книги.

Первая часть ея вводитъ юнаго читателя въ общество необыкновенныхъ крошечныхъ путешественниковъ, въ кругъ ихъ игръ и забавъ, во второй же—рядомъ съ разсказомъ о многочисленныхъ походахъ лѣсныхъ человѣчковъ—даются краткія свѣдѣнія обо всемъ, что встрѣчается имъ на пути.

Свѣдѣнія эти изложены въ такой крат-

кой и доступной формѣ, которая, не утомляя ребенка, все же расширяетъ его умственный круговоръ.

Текстъ дополняется рисунками, и наоборотъ, при чемъ самый рассказъ ведется отъ лица одного изъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ.

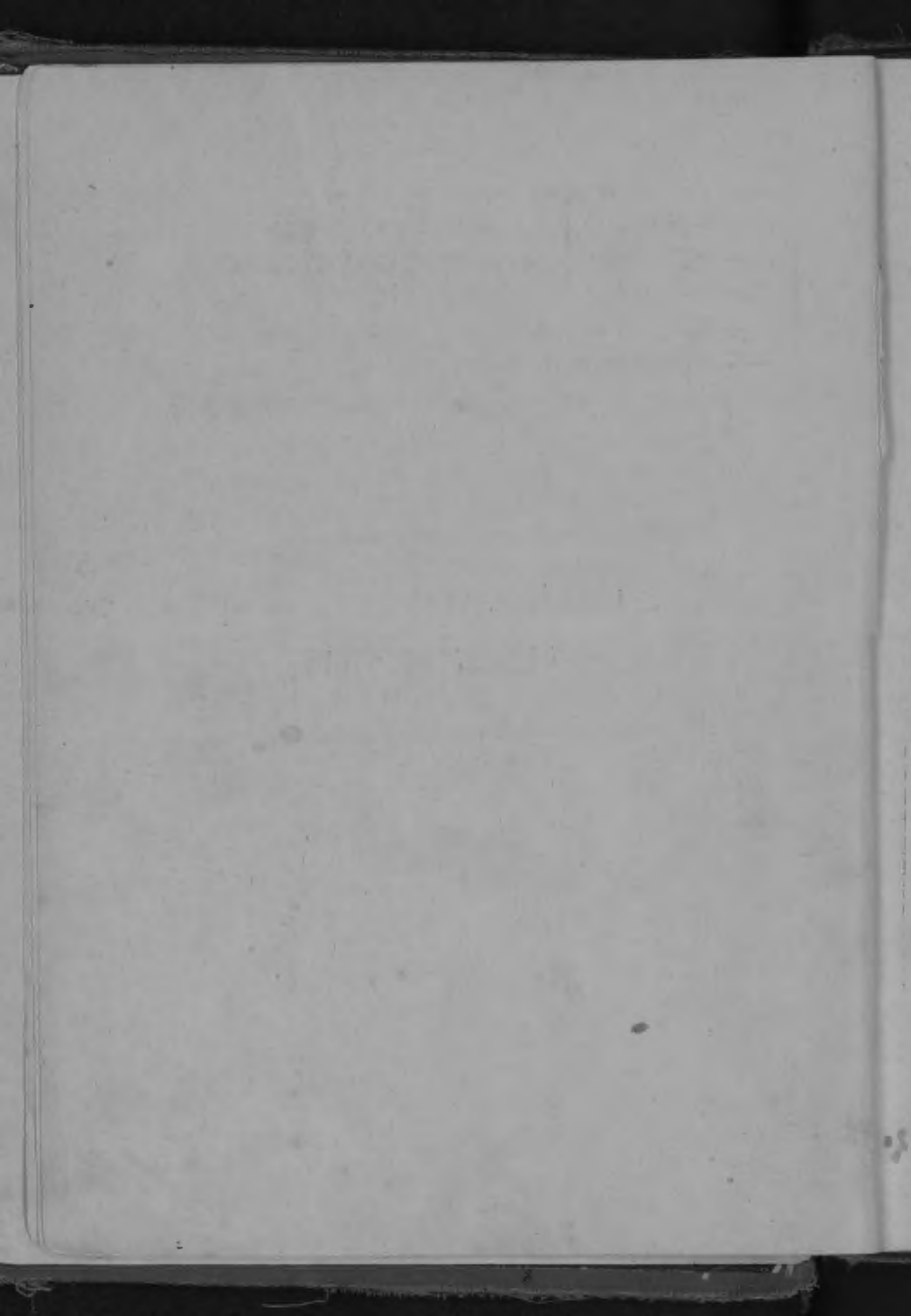
Педагогическая цѣль и значеніе этого сказа будутъ конечно ясны всякому взрослому, кто удѣлитъ вниманіе книгѣ. Дѣти же, несомнѣнно, вынесутъ изъ нея то, что и имѣли въ виду авторъ и художникъ—забаву и поученіе.

ДНЕВНИКЪ
МУРЗИЛКИ.

I.

Что мы такіе.

Въ глубокой чащѣ лѣса, подъ перистыми листьями папоротника, зашевелились какія-то маленькія, крошечныя существа. Они двигаются съ мѣста на мѣсто, то скрываются, то опять показываются, шумятъ, звенятъ тоненькими голосками на разные лады...

Издали кажется, что это какія-нибудь лѣсныя букашки, мошки или жучки, но на самомъ дѣлѣ это вовсе не букашки, а маленькіе лѣсные человѣчки-эльфы, которые уже много лѣтъ живутъ въ лѣсу, подъ листьями папоротника. Отъ времени-до-вре-

мени они оставляютъ дремучій лѣсъ и отправляются путешествовать по бѣлу-свѣту, людей посмoтpѣть, полезныя дѣла творить, добрымъ людямъ помогать, а иногда и пошалить, и попроказничать.

Показываться людямъ не любятъ лѣсные человѣчки — вѣдь всѣ люди такіе страшные великаны сравнительно съ лѣсными эльфами, изъ которыхъ самый большой не больше мизинца ребенка! Да и люди, навѣрное, недолюбливаютъ лѣсныхъ человѣчковъ, потому что эти человѣчки часто шалить, проказничаютъ. И отъ людей прячутся лѣсные человѣчки.

Во время своихъ путешествій у лѣсныхъ человѣчковъ всегда бываетъ очень много самыхъ разнообразныхъ приключеній — иногда веселыхъ, смѣшныхъ, но иногда и грустныхъ. Какъ, однако, ни стараются лѣсные человѣчки, чтобы настоящіе, большіе люди не узнали про приключенія лѣсныхъ человѣчковъ, все-таки о нихъ узнали и даже цѣлую книгу про нихъ

написали. Но лѣсные человѣчки пережили столько разныхъ случаевъ, столько радостей и бѣдъ, что и въ ста книгахъ не умѣститъ всѣхъ ихъ приключеній, всѣхъ ихъ странствованій.

Лѣсные человѣчки-эльфы прячутся въ лѣсу.

Лѣсныхъ человѣчковъ много-премного. Одѣваются они почти такъ же, какъ люди: одни носятъ куртки, другіе кафтанчики, иные фраки; на годовѣ у однихъ колпачки,

у другихъ шапочки или шляпы; на ногахъ у кого сапожки, у кого туфли или штилеты.

У каждаго лѣснаго человѣчка свое имя, а у нѣкоторыхъ и прозвище. Есть между

ними и маленькій китаецъ Чи-ка-чи, есть и Турокъ, Индѣецъ, Эскимось, есть Мельникъ, есть Вертушка, есть Быструнъ, Читайка, Тузилка, Скокъ или Прыжокъ, Мишка-Пискунъ, Шишка, Рыбакъ, Дундундукъ Острая Шапка, Чернушка, Дѣдко-Бородачъ, съ длин-

ной сѣдой бородой клиномъ, Шиворотъ-Навыворотъ, Пучеглазка, Треуголка, Фунтикъ, Микъ, Рикки, Заячья-Губа, есть два брата Знайка и Незнайка, изъ которыхъ одинъ очень много читалъ и поэтому знаетъ все, о чемъ его ни спроси, между тѣмъ какъ другой ничего не знаетъ, есть Чумилка-Вѣдунъ, который слыветъ среди лѣсныхъ человѣчковъ очень строгимъ господиномъ, есть два карлика, изъ которыхъ одного зовутъ Карапузикъ, а другого Микробка, есть ловкій художникъ-живописецъ Мазилка, есть даже

свой собственный врачъ, который искусно лечить лѣсныхъ эльфовъ, когда они захвораютъ, и для этого всегда носить съ собою въ карманахъ цѣлую аптеку; его зовутъ докторъ Мазь-Перемазь. Впрочемъ, всѣхъ и не перечестъ.

Самый умный, самый ловкій, самый способный и самый храбрый среди лѣсныхъ малютокъ—это я, Мурзилка. И одѣваюсь я лучше всѣхъ другихъ, всегда по послѣдней модѣ. Мой фракъ сшитъ по картинкѣ, которую я самъ разыскалъ въ модномъ журналѣ. Моя высокая, лоснящаяся шляпа-цилиндръ куплена въ лучшемъ магазинѣ, въ Парижѣ. Такихъ красивыхъ ботинокъ, какъ у меня, нѣтъ ни у кого, а тросточка, съ которой я никогда не расстаюсь, это верхъ изящества. Въ одномъ глазу я ношу стеклышко, впрочемъ не потому, чтобы я плохо видѣлъ или былъ близорукий, а потому, что я нахожу, что это очень красиво. Когда я иду куда-нибудь въ гости, то всегда въ петлицу фрака втыкаю большую

розу и надѣваю высокіе, бѣлые какъ снѣгъ, воротники, которые очень идутъ къ моему лицу.

Лѣсные человѣчки смѣются надо мною, я это знаю. Они утверждаютъ, что я будто бы щеголь и франтъ, и даже — я этого ни отъ кого не скрываю — прозвали меня «Мурзилча Пустая Голова». Но, конечно, они меня прозвали такъ просто изъ зависти. Развѣ на «пустой головѣ» сидѣла бы такъ хорошо высокая шляпа? Понятно, нѣтъ! А развѣ «пустая голова» умѣла бы такъ красиво одѣваться, какъ я? Несомнѣнно, нѣтъ! А носить такъ изящно стеклышко въ глазу и держать такъ ловко трость, и ходить такъ легко, въ такихъ изящныхъ ботинкахъ съ длинными, узкими носками, развѣ въ состояніи была-бы «пустая голова»? Конечно, нѣтъ!

У меня голова не только не пустая, но, напротивъ, полна самыхъ умныхъ замысловъ.

Чего-чего только я не выдумалъ! Какихъ

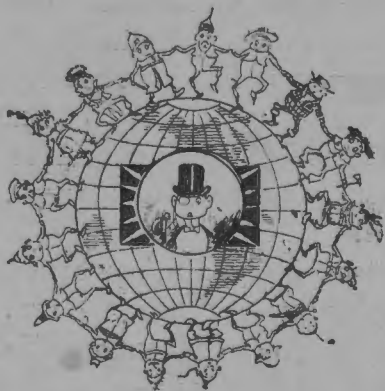
подвиговъ я не совершилъ! Какія чудеса храбрости не проявлялъ! Не смѣяться должны бы надо мною лѣсные малютки, а, напротивъ, гордиться, что среди нихъ такой умница.

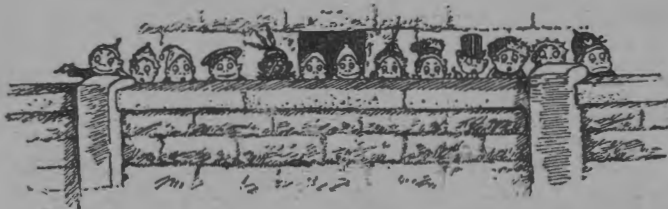

Впрочемъ, когда вы прочтете мой дневникъ, въ которомъ описаны многіе мои подвиги и выдумки, то сами признаете, что Мурзилка умница и храбрецъ. Что я очень храбрый—это знаютъ всѣ, а больше всего докторъ Мазъ-Перемазъ, которому не разъ приходилось перевязывать раны, полученные мною то въ схваткахъ съ индѣйцами, то въ сраженіяхъ съ китайцами, то на охотѣ на страшныхъ дикихъ звѣрей. Но лѣсные человечки завидуютъ моей храбрости и изъ зависти считаютъ меня трусомъ. Они рассказываютъ, будто-бы я испугался однажды даже... майскаго жука и, замѣтивъ его, сталъ бѣжать изо всѣхъ силъ. Бѣжать-то я дѣйствительно бѣжалъ тогда, но только—повѣрьте мнѣ—вовсе не изъ страха и не изъ трусости. Я просто не люблю майскихъ жуковъ. Когда

я вижу майскаго жука, мнѣ все кажется, что онъ приползетъ ко мнѣ и схватить меня за ногу, — а я этого не люблю. Впрочемъ, я даже не убѣжденъ, что тотъ звѣрь, отъ котораго я убѣжалъ, былъ майскій жукъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ въ первую минуту, показалось, что это былъ... носорогъ. Но такъ какъ я не люблю спорить, то и не сталъ доказывать, что это былъ на самомъ дѣлѣ носорогъ.

II.

Прогулка на саняхъ.

Это было въ одинъ очень морозный зимній день, такой морозный, что даже намъ, лѣснымъ малюткамъ, было холодно, и многіе ежились и прятали руки въ карманы, хотя мы, лѣсные человѣчки, мороза не боимся. А что касается меня, Мурзилки, то я даже въ самые лютые морозы гуляю въ моемъ фракѣ и высокой шляпѣ и совсѣмъ не знаю, что такое теплое пальто и теплая фуражка.

Вотъ въ такой-то морозный день, когда вся земля покрылась снѣгомъ, а мы, малютки, цѣлой гурьбой бродили по лѣсу подъ высокими соснами и елями, опушенными инеемъ, вдругъ гдѣ-то издали послышались звуки бубенчика.

— Никакъ тутъ поблизости ѣдутъ санки, — замѣтилъ Дѣдко-Бородачъ.

Я оглянулся и въ мое стеклышко сейчасъ же замѣтилъ большія, просторныя сани.

— Братцы-малютки, — сказалъ я, — вотъ удобный случай всѣмъ намъ прокатиться. Сани огромныя, всѣ мы усядемся и мѣста еще останется.

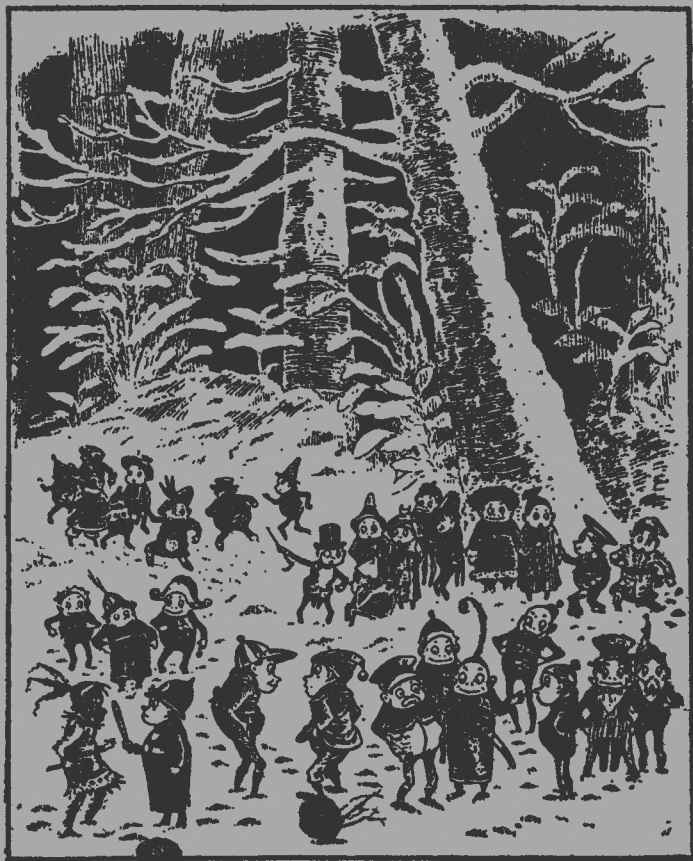
— Да какъ бы людямъ на глаза не попасться, — замѣтилъ Пучеглазка, который всего боялся.

— Мы подождемъ, когда люди уйдутъ, а потомъ сядемъ въ сани да и поѣдемъ, — заявилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Да, да! Вѣрно! — подхватили остальные, и всѣ веселой вереницей помчались по направленію къ усадьбѣ, близъ лѣса.

Въ рощѣ, окружавшей усадьбу, мы увидели большія сани парой. Только-что вернулись съ катанья дѣти хозяина усадьбы. Они выскочили изъ саней и побѣжали черезъ рощу къ дому. Кучеръ на нѣсколько минутъ оставилъ лошадей, чтобы отпереть ворота, и заговорился съ конюхами. Этого времени для насъ, эльфовъ, было достаточно.

— Скорѣе, скорѣе садитесь! — закричалъ

Малютки цѣлой гурьбой бродили по лѣсу...

Скокъ. — Я буду править, я отлично умѣю
править и щелкать бичомъ!

— Нѣтъ, я!—упрямо заявилъ Вертушка.— Я тоже умѣю править!

— Я лучше всѣхъ васъ знаю это дѣло!—увѣрялъ Эскимось.— Я двѣнадцатью собаками правилъ!

— То собаки, а это лошади, горячія лошади!—произнесъ Дѣдко-Бородачъ.

— Братцы, а братцы! Нечего спорить, садитесь скорѣе!—кричали остальные малютки, толпясь вокругъ саней.

Они прыгали и какъ попало усаживались: кто на сидѣннн саней, кто въ ногахъ у товарищей. Вожжи, послѣ долгаго спора, дали Пучеглазкѣ, а бичомъ овладѣлъ Скокѣ.

Нѣсколькимъ малюткамъ не хватило мѣста, но и тутъ мы сумѣли себѣ помочь: въ одинъ мигъ притащили лежавшую въ сторонѣ доску, привязали сзади къ санямъ и усѣлись на нее, крѣпко ухватясь другъ за друга.

Я, Мурзилка, выбралъ себѣ самое лучшее мѣсто съ края, а вотъ доктору Мазь-Перемазь, тому пришлось хуже всѣхъ: онъ ждалъ пока всѣ усядутся, и въ концѣ-концовъ для

него не хватило мѣста; пришлось примоститься сзади на полозьяхъ.

— Ну-съ, готово?—спросилъ Скокъ.

— Сейчасъ! Сейчасъ! Дайте только намъ еще влѣзть!—закричали Эскимось и Микробка.

Наконецъ всѣ усьлись...

Когда, наконецъ, всѣ усьлись (впрочемъ не всѣ, потому что Индѣецъ повисъ сзади), Скокъ щелкнулъ бичомъ, Пучеглазка потрянулъ вожжами, и лошади помчались по снѣжной дорогѣ...

То-то, должно быть, удивлялись въ усадьбѣ, замѣтивъ, что лошади и сани исчезли!

Лошади понеслись стрѣлой по кочкамъ, по рытвинамъ, по глубокому снѣгу. Вдругъ въ одномъ мѣстѣ сани раскатились и стукнулись о большой пенъ. Всѣхъ малютокъ, примостившихся сзади саней, на доскѣ, подбросило вверхъ. Хорошо, что они крѣпко держались другъ за друга: всѣ снова быстро шлепнулись на прежнее мѣсто. Вертушку, впрочемъ, чуть не сбило совсѣмъ, а докторъ Мазь-Перемазь порядочно стукнулся головой и неожиданно очутился на доскѣ...

— Ну-съ, не довольно-ли будетъ этой прогулки?—спросилъ я.

— Ага, ты струсилъ, Мурзилка!—воскликнулъ сидѣвшій у меня въ ногахъ Дѣдко-Бородачъ.

Я конечно обидѣлся, потому что я и не думалъ трусить, а только лошади неслись такъ быстро, что пришлось держать шляпу обѣими руками, чтобы она не упала.

Я хотѣлъ было отвѣтить, но вдругъ услышалъ какой-то страшный шумъ сзади.

— Братцы,—крикнулъ я,—за нами очевидно послали погоню.

Тутъ произошло нѣчто неожиданное: Скокъ началъ неистово щелкать бичомъ,

Пучеглазка сталъ встряхивать вожжами, всѣ принялись кричать, визжать, пищать.

— Скорѣе, Скокѣ! Скорѣе, Пучеглазка!

Всѣхъ малютокъ на доскѣ подбросило вверхъ...

Испуганныя лошади бѣшено понеслись. Сани раскатились, стукнулись о дерево и полетѣли внизъ по скату холма, вмѣстѣ съ лошадьми. Всѣ мы посыпались въ снѣгъ,

какъ черные медовые прянички, которые всѣмъ дѣтямъ хорошо извѣстны, и исчезли въ глубокомъ снѣгу. Доска сзади саней переломилась пополамъ. Пучеглазка все-таки не выпускалъ изъ рукъ вожжей и кое-какъ вскочилъ опять въ сани; Скокъ-жѣ, съ бичомъ въ рукѣ, отлетѣлъ въ сторону. Я, Мур-

зилка, съ трудомъ удержался въ сидѣннѣ.

Скокъ съ Пучеглазкою отвели лошадей въ сторону, привязали ихъ, а всѣ мы, уцѣлѣвшіе, принялись спасать потонувшихъ въ снѣгу товарищей.

Цѣлый день мы бродили, искали. Гдѣ только видѣли мы ямку въ снѣгу, сейчасъ бѣжали къ тому мѣсту, вытаскивали оттуда несчастныхъ и отводили къ доктору Мазь-Перемазъ, который оттиралъ замерзшихъ и давалъ имъ какія-то капли изъ флакончика. Вскорѣ всѣ оправались.

Цѣлый день мы бродили, искали. Гдѣ только видѣли мы ямку въ снѣгу, сейчасъ бѣжали къ тому мѣсту, вытаскивали оттуда несчастныхъ и отводили къ доктору Мазь-Перемазъ, который оттиралъ замерзшихъ и давалъ имъ какія-то капли изъ флакончика. Вскорѣ всѣ оправались.

— Всѣ-ли мы на-лицо, не остался ли кто-нибудь въ снѣгу? — спросилъ Чумилка-Вѣ-

дунъ и давай выкликать всѣхъ поочереди. Когда дошла очередь до меня и Чумилка выкликнулъ мое имя, я молчалъ.

Всѣ мы посыпались въ снѣгъ, какъ черные медовые прянички...

— Мурзилка, ты здѣсь? — вторично спросилъ Чумилка.

Я все молчалъ.

— Мурзилка, что ты оглохъ, что ли?

— Нѣтъ, не оглохъ, — отвѣтилъ я.

— Значить ты здѣсь, — подсказалъ Чумилка.

— Конечно здѣсь, — отвѣтилъ я. — Нечего было и выкликать. Мою шляпу и мою тросточку видно, кажется, издалека.

Когда оказалось, что всѣ на-лицо, подняли сани, запрягли лошадей — и теперь уже тихимъ шагомъ направились обратно къ усадьбѣ, гдѣ опять поставили сани на то самое мѣсто, гдѣ онѣ стояли раньше.

Такъ кончилась наша поѣздка на саняхъ.

III.

Какъ мы ѣздили въ товарномъ
поѣздѣ.

Это было въ жаркій лѣтній день. Мы сильно всѣ устали и только и думали о томъ, какъ бы выбраться изъ того мѣста, куда мы попали совершенно случайно.

— Неужто придется плестись пѣшкомъ? — уныло заговорилъ Вертушка.

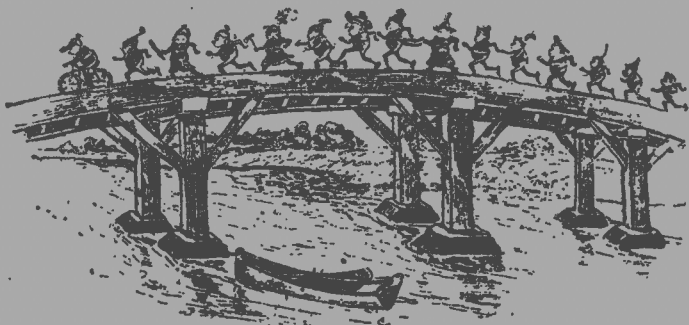
Въ это время Скокъ, забравшійся на верхушку горы, закричалъ оттуда:

— Братцы, я вижу отсюда деревянный мостъ, а за мостомъ желѣзную дорогу. Пойдемте скорѣе, пока еще не всѣ поѣзда ушли, сядемъ и уѣдемъ!

Конечно всѣ съ восторгомъ приняли

предложеніе Скока и тотчасъ же побѣжали по направленію къ мосту.

Я хотѣлъ было бѣжать впередъ, но мои модныя ботинки съ узкими носками постоянно зацѣплялись и мѣшали — и вскорѣ

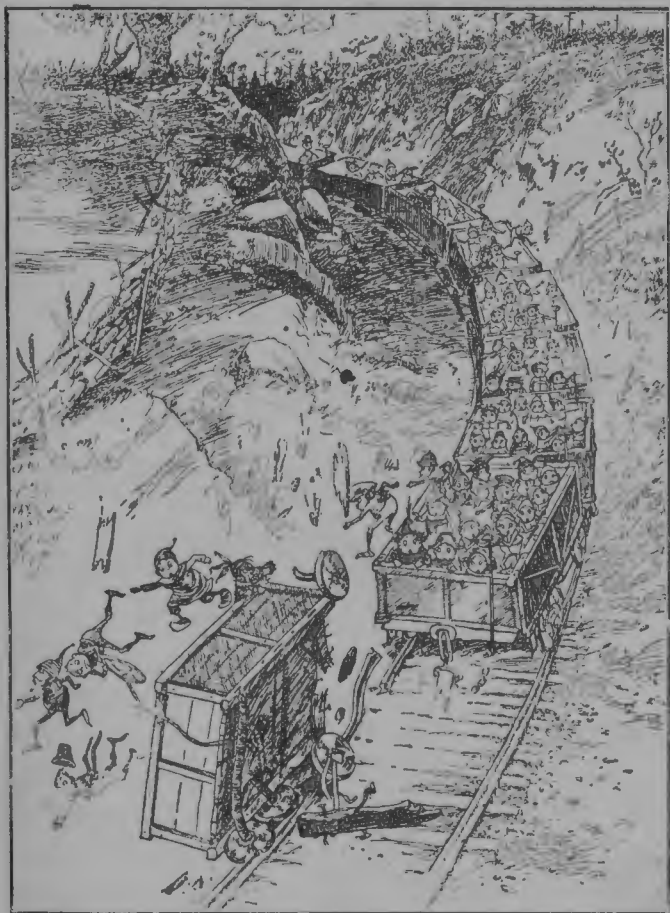
Другіе бѣжали черезъ мостъ...

я очутился сзади всѣхъ. Другіе бѣжали уже черезъ мостъ, а я далеко отсталъ.

— Не бѣгите такъ скоро, — закричалъ я, — а то устанете!

Но эльфы не хотѣли послушаться меня и бѣжали безъ оглядки. Хромая, измученный, я едва ихъ догналъ.

Наконецъ мы очутились на станціи. Тамъ стоялъ длинный товарный поѣздъ, съ открытыми вагонами, въ которыхъ обыкновенно

Последній вагонъ оторвался отъ остальныхъ...

возять кирпичи, песокъ, камни. Вагоны были пустые, и начальникъ станціи торопилъ машиниста и кондукторовъ, чтобы они скорѣй уѣзжали.

Мы, лѣсные человѣчки, не долго размышляя, никѣмъ не замѣченные, забрались въ вагоны. Я, Мурзилка, выбралъ себѣ мѣсто въ первомъ вагонѣ, сейчасъ за локомотивомъ.

— Не боишься, Мурзилка? — крикнулъ мнѣ Микробка.

— Я никогда и ничего не боюсь! — отвѣтилъ я ему, хотя на самомъ дѣлѣ мнѣ было немного страшно и я ужъ хотѣлъ перебраться въ другой вагонъ, но было уже поздно: поѣздъ тронулся.

Сначала онъ шелъ тихо, потомъ все шибче и шибче понесся среди горъ и овраговъ...

Вдругъ что-то затрещало, застонало, и задній вагонъ оторвался отъ остальныхъ и покатился бокомъ. Сидѣвшіе въ немъ докторъ Мазъ - Перемазъ, Дѣдко - Бородачъ, Скокъ со своимъ велосипедомъ, Индѣецъ и Мельникъ вылетѣли прямо на землю. Заячья-Губа, помѣстившійся во второмъ, отъ конца, вагонѣ, опасаясь, что всему поѣзду грозитъ

опасность, выскочилъ на землю. Въ остальныхъ вагонахъ поднялся шумъ и крикъ.

Къ счастью, машинистъ замѣтилъ крушение и остановилъ поѣздъ. Мы въ это время всѣ повыскакали и, спрятавшись за деревьями, ждали, что будетъ дальше.

— Придется, пожалуй, просидѣть здѣсь дней десять!—говорилъ Незнайка, обращаясь къ Вертушкѣ, который усѣлся на пень и смотрѣлъ, какъ суетились кругомъ рабочіе.

— Не помочь ли намъ? — спросилъ Вертушка.

Какъ только я, Мурзилка, услышалъ

это, то сейчасъ же заявилъ, что готовъ стать во главѣ малютокъ, если они хотятъ придти на помощь рабочимъ.

Между тѣмъ машинистъ позвалъ кондукторовъ и рабочихъ, велѣлъ имъ сбросить съ пути разбившійся совсѣмъ послѣдній вагонъ. Рабочіе такъ усердно принялись за дѣло, что наша помощь не понадобилась.

— Придется, пожалуй, просидѣть дней десять...

Вскорѣ поѣздъ былъ готовъ, и машинистъ рѣшилъ ѣхать дальше.

— Ну, братцы, собирайтесь! — воскликнулъ Знайка, махая зеленымъ флагомъ.

Мы всѣ успѣли во-время вскочить, размѣстились въ уцѣлѣвшихъ вагонахъ и доѣхали благополучно до слѣдующей станціи.

IV.

Сраженіе съ разбойниками.

Это случилось лѣтомъ, въ чудное, теплое іюльское утро. Дѣло было такъ. Мы, эльфы, узнали, что въ развалинахъ стараго дома, на окраинѣ города, поселились страшные разбойники. Правда, самихъ разбойниковъ никто не видалъ, но въ сосѣднемъ домѣ творилось что-то неладное: то цыплята изъ курятника пропадутъ, то молоко изъ кувшина исчезнетъ, то провизіи въ кладовой не досчитаются. Кто же проказить, какъ не разбойники?—разсуждали мы и рѣшили помочь бѣднымъ людямъ.

— Товарищи, уничтожимъ злыхъ разбойниковъ! Поможемъ людямъ! Готовьтесь

къ сраженію!—предложилъ Микъ, и работа закипѣла.

Всѣ принялись за дѣло. Вертушка прочищалъ свое ружье, Знайка сыпалъ туда дробь, Заячья Губа заряжалъ винтовку, Матросикъ и Индѣецъ носили порохъ.

Больше всѣхъ хлопоталъ конечно я, Мурзилка. Я бѣгалъ, бросался то туда, то сюда, старался всѣмъ помочь... Ну, словомъ, работалъ, какъ говорится, во-всю, до изнеможенія.

Однако другимъ почему то казалось, что я ничего не дѣлаю.

— Мурзилка, что ты стоишь, сложа руки!

— Мурзилка, не мѣшай!

— Мурзилка, помоги-ка тутъ, вѣдь все равно ничего не дѣлаешь!

Такія замѣчанія сыпались на меня со всѣхъ сторонъ. Я наконецъ обидѣлся.

— Если вамъ не нравится моя работа, такъ я больше ничего не буду дѣлать. Я и такъ усталъ!—и я опустилсѣ на полъ. Конечно, при этомъ я не забылъ аккуратно расправить фалды моего фрака, чтобы онѣ не помялись.

Однако сидѣть безъ дѣла было скучно.

— Не хотите ли, я начну пѣсню, а вы подтягивайте!—предложилъ я и запѣлъ:

Скорѣ начинайте,
Бодрѣ выступайте,
Мы на войну идемъ!

Работа закипѣла...

— Мы на войну идемъ!—подхватили хоромъ эльфы.

Я продолжалъ:

И если только смѣло
Возьмемся мы за дѣло,

То всѣхъ враговъ побьемъ!
Какъ будетъ всѣмъ пріятно,
Когда пойдемъ обратно
Мы, побѣдивъ врага!
Скорѣй-же начинайте,
Смѣлѣе выступайте,
Побѣда такъ близка!

Подхваченная эльфами пѣсенка лилась ровно и дружно. Только мнѣ казалось, что они пѣли слишкомъ тихо.

— Дружнѣе, громче! Побольше воодушевленія!— подбодрялъ я, помахивая своей тросточкой въ тактъ пѣсенкѣ, и старался пѣть какъ можно громче. Вдругъ эльфы зажали уши.

— Мурзилка, не кричи такъ! Ты ужасно фальшивишь!

Однако я видѣлъ, что мое пѣніе имъ очень нравится. Они только нарочно притворялись, что не могутъ выносить его. И я хотѣлъ продолжать.

— Ну, довольно!— прервалъ меня Заячья Губа. — Теперь, друзья, пора намъ отдохнуть да собраться съ силами. Завтра, чѣмъ свѣтъ, наступаемъ!

Спали мы эту ночь конечно безпокойно. А утромъ начали наступленіе. Чинно, вы-

строившись въ рядъ, мы медленно подходили къ кирпичной стѣнѣ. Потомъ прицѣлились... Разъ, два, три... пафъ!

— Пафъ, пафъ!—загремѣло въ стѣнахъ.

И вдругъ тамъ, внутри дома, подъ грудами мусора и обломковъ, что-то зашумѣло, заворчалось, заворчало...

Стукнулъ сорвавшійся откуда-то кирпичъ, раздался топотъ множества бѣгущихъ ногъ и отчаянный, пронзительный вопль потрясъ развалины:

— М-я-а-у-у!

— Разбойники!—невольно вырвалось у меня.

— М-я-а-у-у!—раздалось снова.

— Сигналъ разбойниковъ! Слышите!—заговорилъ Скокъ.

— М-я-а-у-у!—раздалось въ третій разъ.

Гутъ уже я не выдержалъ.

Было ясно, что разбойниковъ много и они вовсе не намѣрены сдаваться безъ боя.

— Спасайтесь!—крикнулъ первый я.

— Спасайтесь! — подхватилъ за мной Вертушка.

И вмигъ всѣ эльфы попрятались, кто куда успѣлъ. Притаились подъ стѣнами,

присѣли въ отверстіяхъ разрушенныхъ оконъ. А я забрался въ трубу. Тамъ ужъ навѣрно разбойники не могли бы найти меня...

— Что-жъ мы будемъ теперь дѣлать?— спрашивалъ Чумилка-Вѣдунъ у Заячьей Губы.

— А подождемъ немного! — отвѣтилъ тотъ шопотомъ.

Потянулось томительное ожиданіе. Прошла минута, другая. Мы удивлялись, что разбойники такъ медлятъ, но не рѣшались выйти изъ своей засады.

Наконецъ Индѣецъ не выдержалъ и выстрѣлилъ. И въ ту же минуту на стѣнѣ показались двѣ кошки. Онѣ испуганно бросились внизъ и мигомъ исчезли среди кучи мусора.

Мы подождали еще. Но разбойники не показывались.

— Кажется, они трусили и убѣжали, — проговорилъ я, осторожно высовываясь изъ трубы.

— Кто? — спросилъ насмѣшливо Индѣецъ.

— Да разбойники! — отвѣтилъ я.

— Я думалъ, что ты говоришь про кошекъ, которыя дѣйствительно насъ испугались. А разбойниковъ-то, кажется, и не было.

Всѣ эльфы попрятались, кто куда успѣлъ...

— Что ты, что ты! — замахалъ я руками на Индѣйца. — Конечно, разбойники были, но только они испугались насъ.

Нѣкоторые изъ лѣсныхъ малютокъ были согласны съ Индѣйцемъ и подсмѣивались

надъ нами, что мы кошекъ приняли за разбойниковъ. Большинство же было согласно со мной.

Подождавъ еще немного, мы выстроились снова въ правильные ряды и бодро замаршировали обратно. Дорогой я успѣлъ кое-кому разсказать, какихъ ужасныхъ разбойниковъ мы въ этотъ день побѣдили.

ка
ру
тр

мо
пар
оче

У.

Неудачное путешествіе по морю.

Ахъ, что за чудный день былъ, когда мы отправились въ это путешествіе! Небо чистое, ясное; море спокойное, голубое; вода—какъ зеркало. Изрѣдка вдали мелькалъ бѣлый парусъ большой рыбацкой лодки, да дымила труба гиганта-парохода.

Мы давно уже мечтали прокатиться по морю. Но какъ это осуществить? Своего парохода у насъ не было. Строить его очень трудно и долго. Пришлось бы столько

для этого работать, что все удовольствіе отъ прогулки пропало-бы.

— Господа! — сказалъ я товарищамъ-эльфамъ,—если у насъ нѣтъ собственнаго парохода, такъ воспользуемся чужимъ.

— Какъ? Какимъ образомъ?—посыпались на меня со всѣхъ сторонъ вопросы.

— О, очень просто,—отвѣтилъ я и, сдвинувъ на затылокъ свой новый цилиндръ, съ гордостью посмотрѣлъ вокругъ.—Очень просто! Лишь бы только къ берегу присталъ какой-нибудь пароходъ. Матросы всегда рады случаю побывать на твердой землѣ и мигомъ покинуть его. Мы дождемся, когда на пароходѣ не будетъ больше ни одного человѣка, проберемся туда, разведемъ пары, и... до свиданія, господа матросы, мы уѣзжаемъ! Неправда-ли, ловко я выдумалъ?

Дѣйствительно все случилось такъ, какъ я предполагалъ. Едва мы пришли къ морю, какъ къ берегу причалилъ пароходъ. Матросы всѣ живо выскочили на берегъ. На пароходѣ остался одинъ только младшій кочегаръ. Должно быть, ему стало тоже скучно сидѣть на пароходѣ одному. Не

долго думая, онъ тоже сошелъ на берегъ, вполне увѣренный, что съ пароходомъ ничего худого не случится.

Этого мы только и ждали.

Вмигъ мы всѣ очутились на пароходѣ.

Часть парохода взлетѣла съ шумомъ въ воздухъ...

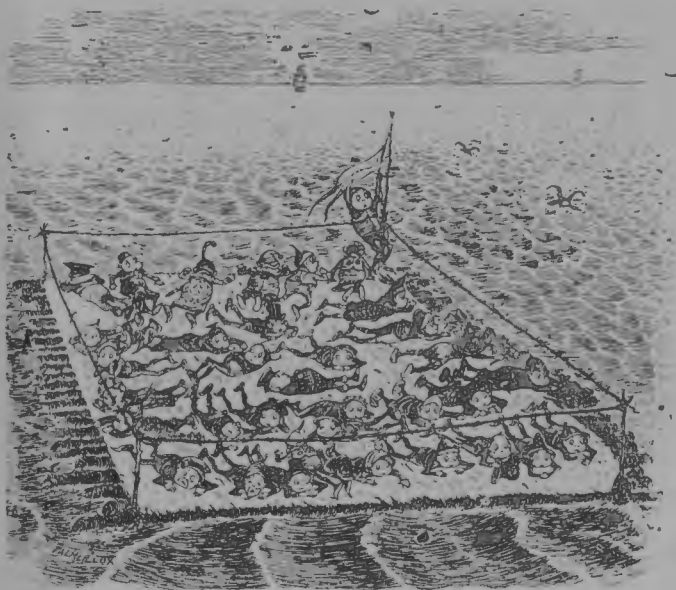
Всѣ каюты, палуба, трюмъ, всѣ снасти, даже шлюпка, подвѣшенная на кормѣ парохода, — моментально все было занято лѣсными малютками. Знайка взялся быть командиромъ и машинистомъ въ одно и то же время и храбро принялся разводить пары. Я вызвался помогать ему. Но заглянувъ въ ма-

шинное отдѣленіе и увидавъ тамъ запасы угля, жестянки съ масломъ для смазыванія машины, ярѣшилъ, что не стоитъ портить свой костюмъ и лучше взобраться на палубу. Тамъ куда пріятнѣе и чище!.. Мы поплыли.

Только что я вставилъ въ глазъ стеклышко и, сощурившись, сталъ всматриваться вдаль, какъ произошло нѣчто ужасное. Раздался страшный трескъ, пароходъ весь содрогнулся, и задняя часть его, гдѣ находился котелъ, взлетѣла съ шумомъ въ воздухъ. Обезумѣвшій отъ страха, не зная что дѣлать, я оглянулся на товарищей. Всѣ спѣшили спастись, кто какъ могъ. Многіе уже барахтались въ водѣ. Ихъ отбросило туда сильнымъ толчкомъ. Я метался по палубѣ, крича о помощи. Но никто меня не слышалъ. Всѣ были въ смертельномъ перепугѣ. Между тѣмъ, пароходъ медленно началъ погружаться въ воду. Оказывается, не только котелъ лопнулъ, но кромѣ того въ днѣ парохода образовалась огромная брешь: пароходъ наскочилъ на подводный камень.

Глубже и глубже погружался пароходъ въ воду. Неизбѣжная гибель грозила намъ.

Шлюпка была разбита. Спасательныхъ круговъ не хватало. Оставалось только бросаться прямо въ море, надѣясь на свои

Усталые, измученные, растянулись малютки на плоту...

силы. Авось доберемся до берега... Но надежды проплыть такое огромное разстояніе было мало.

Къ счастью, какъ разъ въ это время мы замѣтили на морѣ несшійся мимо насъ пу-

стой плотъ. Онъ былъ сколоченъ изъ бревенъ и покрытъ парусиной.

— Эй, братцы, держите плотъ, на немъ мы всѣ спасемся! — что было силъ закричалъ я и поплылъ къ плоту. Другіе слѣдовали за мной.

Черезъ минуту мы были уже на плоту. Усталые, измученные, испуганные и проголодавшіеся, мы съ наслажденіемъ растянулись на плоту. Одинъ только Знайка хлопоталъ еще надъ чѣмъ-то. Я подошелъ къ нему узнать въ чемъ дѣло.

— Надо вывѣсить флагъ, — сказалъ онъ. — Можетъ быть, какой-нибудь корабль замѣтитъ его, подойдетъ къ нашему плоту и заберетъ насъ всѣхъ.

И Знайка усердно принялся укрѣплять на шестѣ носовой платокъ.

Увѣренные теперь въ своемъ спасеніи, мы преспокойно расположились спать. Между тѣмъ приблизилась ночь. Мы спали крѣпко и не замѣтили, какъ поднялась сильная буря. Только тогда, когда разбушевавшимися волнами плотъ стало бросать изъ стороны въ сторону, мы проснулись. Ночь была черная. Волны ревѣли ужасно, грозя

потопить насъ вмѣстѣ съ плотомъ. Вдругъ блеснула молнія. При свѣтѣ ея мы съ ужа-

При свѣтѣ молніи мы замѣтили морскихъ чудовищъ...
самъ замѣтили какихъ-то странныхъ мор-
скихъ чудовищъ, окружившихъ нашъ плотъ.

— Акулы! — воскликнулъ докторъ Мазъ-Перемазь.

— Акулы! — повторилъ я, а за мной и всѣ другіе.

— Мы погибли! — безнадежно заговорилъ Знайка. — Акулы — ужасно прожорливыя рыбы: достаточно кому-нибудь упасть въ воду, и онѣ моментально пожираютъ его.

Пока мы метались по плоту, не зная что предпринять, еще большая опасность обрушилась на наши головы.

Огромная волна, съ ревомъ и воемъ налетѣвшая на плотъ, принесла новое морское чудовище, съ ужасными глазами и такой огромной пастью, что казалось оно однимъ глоткомъ проглотитъ всѣхъ насъ заразъ.

— Погибаемъ! — въ ужасѣ закричалъ я и бросился бѣжать вдоль плота. Другіе въ страхѣ тоже метнулись во всѣ стороны.

Къ счастью, въ эту минуту волна унесла ужаснаго звѣря обратно въ море. Буря все еще продолжалась. Волны ревѣли и бушевали съ прежней силой, бросая нашъ плотъ, какъ щепку. Мы были измучены, испуганы и утомлены до послѣдней возможности.

— И кому пришла въ голову эта несчастная мысль прокатиться по морю на

— Погибаемъ!—въ ужасъ закричалъ я и бросился бѣжать вдоль плота...

пароходъ! — ворчалъ Дѣдко-Бородачъ.— Сидѣли-бы себѣ смирно въ лѣсу...

— Хоть бы буря поскорѣе утихла!— уныло жаловался Знайка. Онъ чувствовалъ себя хуже всѣхъ, такъ какъ его неумѣлое управленіе пароходомъ было причиной его гибели и всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ неудачъ.

— Хорошо, если бы насъ замѣтилъ какой-нибудь корабль и снялъ насъ отсюда,—говорилъ докторъ Мазь-Перемазь.— Иначе мы можемъ погибнуть здѣсь, въ морѣ, голодной смертью, если только еще раньше не потонемъ въ бурныхъ волнахъ.

Такъ, въ печальныхъ разговорахъ, унылые и измученные, мы провели остатокъ ночи. О скоромъ избавленіи никто и не мечталъ. А оно пришло гораздо скорѣе, чѣмъ мы думали. Едва небо прояснилось и показалось солнце, Матросикъ, всматривавшійся вдаль, закричалъ:

— Земля! Земля! Берегъ!

Дѣйствительно, нашъ плотъ волнами стремительно прибывало къ берегу. Мы были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ земли.

Обрадованные, счастливые, мы столпились на одномъ концѣ плота, измѣряя глазами все уменьшающееся разстояніе между пло-

томъ и берегомъ. Плотъ подвигался все ближе, ближе.

— Земля! Земля! Спасеніе! — ликовали мы и въ нетерпѣніи подходили все ближе и ближе къ краю плота.

Вдругъ—кракъ!

Ужасный трескъ, толчокъ—и... мы всѣ въ водѣ. Плотъ ударился о прибрежный камень, и толчкомъ насъ сбросило въ воду.

Впрочемъ очутиться въ водѣ теперь было со-

Я перебрался въ пустую бочку...

всѣмъ не страшно. Со смѣхомъ и шутками мы выплыли на сушу.

Первымъ выплылъ я, перебравшись сначала въ пустую бочку...

Выйдя на берегъ и стряхнувшись, я вдругъ схватился за голову: она была пуста, т. е. не пуста внутри, о! я очень умный и мозговъ у меня много, а на головѣ не было цилиндра. Вѣроятно онъ былъ снесенъ въ море бурей.

— О, мой цилиндръ! О, мой цилиндръ! — заплакалъ я и хотѣлъ даже снова броситься

въ море отыскивать его. Но меня удержали.

— Не плачь, Мурзилка! Насъ прибило къ англійскому берегу. Навѣрно здѣсь гдѣ-нибудь поблизости есть городъ, и тамъ ты себѣ купишь весь новый костюмъ. Все равно твой фракъ тоже испорченъ.

Я поглядѣлъ на свой фракъ. Онъ дѣйствительно былъ испорченъ.

— Никогда больше не поѣду по морю, — рѣшилъ я, — а если поѣду, то ужъ ни за что не надѣну новаго костюма и цилиндра. И вамъ не совѣтую.

— Ахъ, ты, франтъ! Радовался бы, что не погибъ въ морѣ, а онъ о цилиндрѣ плачетъ!

VI.

Игра въ обручи.

Всѣмъ извѣстно конечно, что мы, лѣсные челѣвѣчки, уже вполне взрослый народъ, хотя и очень малы ростомъ. Несмотря на это, мы часто любимъ пошалить, побѣгать и повозиться, какъ дѣти.

Такъ было и въ этотъ разъ.

Мы проходили по улицѣ мимо большого двухъэтажнаго дома, двери и окна котораго были открыты. Кто-то изъ насъ вздумалъ заглянуть внутрь.

— Эге! Да тамъ никого нѣтъ! Скорѣе туда!

И мы всей толпой проникли въ домъ.

Онъ весь былъ наполненъ разными деревянными бочками и боченками. Повидимому это была бондарная мастерская. Вмигъ мы рѣшили, что обручи отъ бочекъ отличная игрушка, и стали выкатывать бочки во дворъ снимать съ нихъ обручи.

Я бѣгалъ туда и сюда, давалъ всѣмъ совѣты, вскакивалъ на бочки и катался на нихъ, какъ клоунъ.

— Мурзилка! Что это ты дѣлаешь, что это за танцы на бочкахъ? Смотри, еще ноги себѣ поломаешь!—кричали мнѣ товарищи.

Но я продолжалъ прыгать съ бочки на бочку.

— Удивляюсь, какъ вы не понимаете, что такимъ образомъ легче всего сбить обручи съ бочекъ,—увѣрялъ я своихъ недогадливыхъ товарищей.

И я продолжалъ прыгать.

Въ это время неожиданно раздался страшный крикъ. Всѣ обернулись, высунулись изъ оконъ.

— Убѣть! убѣть! берегитесь!—кричалъ во все горло Тузилка, махая палкой кому то въ верхнемъ этажѣ.

Знайка и Незнайка, работавшіе подъ са-

Мы стали снимать обручи...

мымъ окномъ, взглянули наверхъ и въ испугъ кинулись прочь.

— Съ ума ты сошелъ, Пуговица! Что

ты дѣлаешь?—кричали самому маленькому изъ малютокъ, высунувшемуся изъ окна вверху.

Оказалось, что Пуговицѣ надоѣло выкатывать тяжелыя бочки, и онъ рѣшилъ просто бросать ихъ изъ окна.

Залѣзъ онъ въ верхній этажъ, притащилъ къ окну бочку, да и бросилъ ее внизъ.

Счастье еще, что всѣ малютки успѣли отскочить. Впрочемъ, больше ему не позволили этого дѣлать.

Быстро шла наша работа. Вскорѣ у насъ оказалось нѣсколько десятковъ обручей. Людей поблизости не было, и потому никто не слышалъ шума нашихъ крошечныхъ молоточковъ, которыми мы сбивали обручи.

Наконецъ всѣ обручи сняты. У всѣхъ въ рукахъ маленькія палочки. И веселая толпа помчалась по дорогѣ.

— Отличная прогулка!—говорилъ докторъ Мазь-Перемазъ, у котораго обручъ никакъ не слушался и все сворачивалъ въ сторону.

Тузилка такъ и махалъ своей палкой, колотя ею по обручу.

Диндундукъ разбѣжался, не разбирая дороги, и вкатилъ свой обручъ на спину упавшаго Скока. Турокъ и Пуговица рѣшили

И веселая толпа помчалась по дорогѣ...

Бѣжать вперегонку, разогнали свои обручи и... очутились оба на землѣ, барахтаясь одинъ на другомъ.

Я бѣжалъ все время быстро, чуть не

впереди всѣхъ, граціозно подгоняя свой обручъ тросточкой.

— Эхъ, вы, — закричалъ я Турку и Пуговицѣ, когда они упали, — смотрите, какъ надо бѣжать!

На мое несчастіе, подъ ногами у меня вдругъ очутился какой то камень. Конечно, я споткнулся и растянулся прямо въ пыль въ своемъ модномъ новомъ костюмѣ. Къ довершенію несчастія, въ это время мнѣ на спину прыгнулъ обручъ Индѣйца, бѣжавшаго сзади.

Не успѣлъ я подняться, какъ послышался крикъ:

— Тише! Тише! Осторожнѣе! Мостъ!

Однако это предупрежденіе уже запоздало.

Малютки такъ разбѣжались, что остановиться сразу не могли. Тѣснясь и толкаясь, вбѣжали мы на каменный мостикъ, рискуя каждую минуту очутиться въ водѣ.

Я пробовалъ призвать всѣхъ къ порядку, но это не удалось. Не успѣлъ я показать, какъ слѣдуетъ подгонять обручъ, какъ меня нечаянно толкнулъ кто то, и я едва не свалился въ воду

Въ это время Тузилка рѣшилъ взять на себя общую команду.

— Тихе! Тихе! Не нарушайте порядка! — кричалъ онъ, размахивая своей дубинкой направо и налево. Иногда его

Тихе! Тихе! и толкаясь, вѣбжали мы на каменный мостикъ...

дубинка попадала не только по обручамъ сѣтей, но и по ихъ головамъ. Бѣдный несчастный Пуговица, замѣтивъ это, началъ улизывать отъ него что было силы. Однако Тузилка догналъ его, хлопнулъ палкой по обручу Пуговицы, да такъ неосторожно,

Мы бѣжали тѣмъ временемъ все быстрѣе и быстрѣе...

что свалилъ съ ногъ и Пуговицу, и его сосѣда-Индѣйца.

Мы, остальные, бѣжали тѣмъ временемъ все быстрѣе и быстрѣе.

Онъ разгонялъ обручъ и перелеталъ черезъ него, какъ птица ..

Знайка, опередившій всѣхъ, сталъ показывать удивительные фокусы. Онъ разгонялъ обручъ, затѣмъ разбѣгался самъ и перелеталъ черезъ него какъ птица. Увлеченные его ловкостью, мы мчались впередъ, не разбирая дороги.

— Ай - ай - ай! — раздалось вдругъ вдали, гдѣ дорога суживалась и превращалась въ тропинку.

— Несчастіе! Несчастіе! Пять человѣкъ упало въ пропасть! — закричало нѣсколько голосовъ.

Я подбѣжалъ къ Бородачу:—Что случилось?

— Я самъ видѣлъ, какъ они свалились... Охъ! Тамъ обрывъ.

— Обрывъ? Пропасть? Что то я не помню пропастей въ этой сторонѣ, — заговорилъ Знайка.

— Не пропасть, а колодець, глубокий, преглубокий, — замѣтилъ Треуголка, — я самъ чуть не свалился туда.

Мы подбѣжали къ мѣсту несчастья и въ самомъ дѣлѣ увидѣли глубокий колодець. На днѣ его барахтались пять малютокъ по горло въ водѣ.

— Эй, братцы, — закричалъ Знайка, — не бойтесь, мы васъ выручимъ!

— А какъ же это сдѣлать? — раздались жалобные голоса снизу.

— Журавлемъ вытащимъ! — отвѣтилъ Знайка.

— Но позволь, — замѣтилъ

Нѣсколько человѣкъ
полетѣли кубаремъ
внизъ...

я, — что ты говоришь? Тутъ журавлей не водится, какъ мнѣ извѣстно. Смотри, кругомъ ни одного нѣтъ! — и я торжествующе повелъ кругомъ рукой. Очень ужъ много воображаетъ о себѣ этотъ Знайка!

— Мой совѣтъ тебѣ, Мурзилочка, — спокойно отвѣтилъ Знайка, — не вмѣшивайся, когда ничего не знаешь. Живо за дѣло, братцы! — обратился онъ ко всѣмъ.

Знайка сталъ распоряжаться, малютки работать. Срубили молодую сосенку, обрубили съ нея вѣтки и верхушку, врыли ее въ землю, затѣмъ расщепили верхній конецъ ея и укрѣпили тамъ поперечное бревно, привязавъ на одномъ его концѣ толстую веревку.

— Теперь, братцы, — сказалъ Знайка, — кто прытче всѣхъ, бѣги, принеси боченокъ.

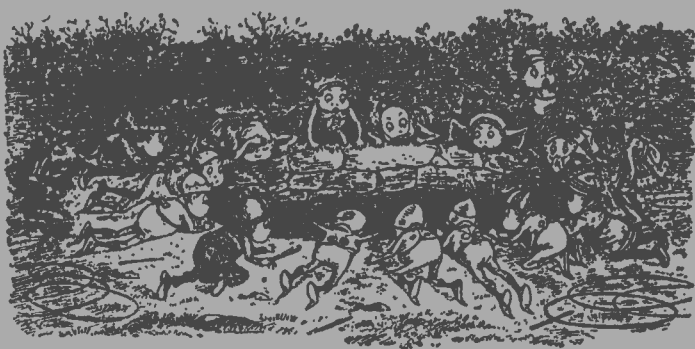
Черезъ минуту боченокъ былъ принесенъ и привязанъ къ нижнему концу каната.

— Вотъ вамъ и «журавль», братцы! — весело воскликнулъ Знайка.

— Гдѣ? Гдѣ? — закричали въ одинъ голосъ я, Вертушка, Китаецъ, Пуговица, поднимая вверхъ головы.

— Да это сова летитъ, а не журавль! —

замѣтилъ Вертушка. Я приподнялся на носкахъ своихъ лакированныхъ ботинокъ, чтобы лучше рассмотреть большую птицу, летѣвшую какъ разъ по направленію къ намъ.

Мы увидѣли глубокой колодець...

— Въ самомъ дѣлѣ, это не журавль, а сова, — проговорилъ я и... вдругъ—бухъ! полетѣлъ внизъ головой въ колодець.

— Эхъ, Мурзилка! Какъ это ты не смотрѣлъ! — услыхалъ я голосъ Знайки сверху. — Ну, ребята, за работу. Влѣзай на бревно.

Вмигъ бревно было облѣплено лѣсными малютками.

— Двигайтесь, братцы, — продолжалъ

командовать Знайка, — ближе къ концу, гдѣ канать.

Эльфы передвинулись. Подъ ихъ тяжестью этотъ конецъ бревна медленно сталъ опускаться въ колодець. Булькь! Булькь! — раздалось на днѣ его.

Мы уже поняли въ чемъ дѣло. Быстро, одинъ за другимъ забрались мы въ боченокъ.

— Налегай, налегай, братцы! — кричалъ Знайка.

Эльфы передвинулись на толстый конецъ бревна, который сталъ опускаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, медленно, слегка покачиваясь, мы начали подниматься изъ колодца вверхъ.

— Великолѣпное воздушное путешествіе! — закричалъ я, снявъ цилиндръ и размахивая имъ въ воздухѣ.

— Мурзилка, не вертись! Дно боченка и такъ уже надломано; преломишь его со всѣмъ, такъ опять очутимся въ водѣ!

Я присмирѣлъ. Очутиться снова въ холодной водѣ было далеко не такъ пріятно.

Между тѣмъ боченокъ поднимался все выше.

Слегка покачиваясь, мы начали подниматься изъ кододца
вверхъ...

— Спасены! Спасены! — закричали малютки со всѣхъ сторонъ, когда мы повисли уже высоко надъ землей. — Молодецъ, Знайка! Ай-да молодецъ!

— Что? Каковъ журавль? — говорилъ, посмѣваясь, Знайка. — Каковъ экипажъ? Славно прокатились! Ну, вылѣзайте теперь.

Быстро, одинъ за другимъ, выскочили мы изъ боченка. Я отряхнулся, оглядѣлъ свой костюмъ — увы! — онъ былъ совсѣмъ испорченъ. Сукно промокло насквозь. Вода лила съ меня ручьемъ. Впрочемъ, съ моими товарищами по несчастію было не лучше.

У всѣхъ былъ очень жалкій видъ. При этомъ мы всѣ тряслись отъ холода.

— Нужно бы развести костеръ да обогрѣться! — предложилъ кто то.

— Некогда! — замѣтилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Не забудьте, что мы еще должны вернуться въ бондарную мастерскую, исправить всѣ бочки, которыя мы разбили.

— Вѣрно, вѣрно! — подхватили другіе гномы.

Я пробовалъ возражать. Какъ же можно въ мокромъ платьѣ оставаться?

— А вотъ побѣжимъ, вы согрѣетесь, —

отвѣчалъ Знайка, — а тамъ, за работой живо обсохнете, теперь тепло.

Мы двинулись въ обратный путь, шутя и подсмѣиваясь надъ своей бѣдой.

Мы двинулись въ обратный путь...

Скоро всѣ бочки были починены, положены по мѣстамъ, и мы, довольные своей работой, счастливые, что все кончилось такъ благополучно, отправились домой на отдыхъ.

VII.

Непріятная ошибка.

Мы проходили по окраинѣ города. Кругомъ тянулись тѣнистые зеленые сады. Былъ чудный вечеръ. Мы потихоньку брели по дорогѣ, наслаждаясь хорошей погодой.

— Ж-ж-ж! — раздалось вдругъ надъ нашими головами.

— Это что такое? — встревожились мы.

— Смотрите, господа, что это за звѣри такіе? — произнесъ Пучеглазка, поднявъ вверхъ голову.

Мы остановились.

За заборомъ на суку дерева виднѣлось большое гнѣздо, въ видѣ яйца, а кругомъ

него съ громкимъ жужжаніемъ сновали
взадъ и впередъ какія то насѣкомыя.

— Это осы! — вскричалъ докторъ Мазъ-
Перемазь.

— Что это за звѣри такіе? — произнесъ Пучеглазка...

— Это пчелы, — заявилъ Знайка.

— А по-моему, это комары, — сказалъ я.

— Ха-ха-ха! — засмѣялись всѣ кругомъ, —
ай-да Мурзилка: комара отъ пчелы отличить
не умѣетъ! Самъ то ты комары!

Я хотѣлъ обидѣться, но потомъ раздумалъ.

— Я согласенъ, что это пчелы, — заявилъ я, — но что же тутъ смѣшного, что я ошибся. Комаръ вѣдь похожъ на пчелу, какъ двѣ капли воды... Зато вы не знаете, какъ достать оттуда медъ, а я знаю.

— Молодецъ, Мурзилка! — сказалъ, хлопнувъ меня по плечу, Тузилка, — а ну-ка, скажи, какъ ты его достанешь оттуда?

— Очень просто! Разъ, два, три! — я разбѣжался и ловко перепрыгнулъ черезъ заборъ. Пчелы такъ и закружились надо мной. Мнѣ стало немного страшно, но я все-таки храбро пошелъ впередъ.

— Теперь надо добраться до гнѣзда... — началъ я и... не могъ кончить. Огромная пчела, злобно жужжа, подлетѣла къ самому моему носу.

Еще секунда, и она укусила бы меня.

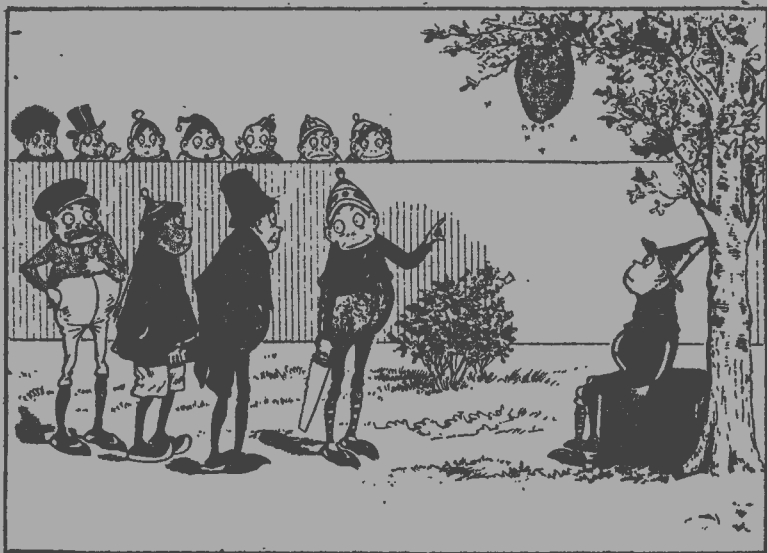
— Ай-ай-ай! — невольно вырвалось у меня. И однимъ прыжкомъ я очутился снова за заборомъ.

— Ловко ты прыгаешь! — замѣтилъ Скокъ.

Остальные эльфы смѣялись.

Я разсердился.

— Какъ вы не понимаете, что я вовсе не за себя испугался? — объяснилъ я имъ. Вы же знаете, что если пчела ужалить

Мы молча выглядывали изъ-за забора...

кого-нибудь, она непременно умираетъ. Мнѣ просто было жаль ее. А укусовъ я совсѣмъ не боюсь.

— Ну, конечно, конечно! — старался успокоить всѣхъ Дѣдко-Бородачъ. — Только,

друзья, мнѣ кажется, что докторъ правъ, это не пчелы, а осы.

— Нѣтъ, нѣтъ, это пчелы!—закричали всѣ малютки хоромъ.—Хорошо бы однако воспользоваться медомъ. Но какъ достать его оттуда?

— Я знаю! Кто пойдетъ со мной?—обратился ко всѣмъ Скокъ.

Помогать ему вызвались китаецъ Чикачи, Заячья Губа, Знайка и докторъ Мазь-Перемазь.

Они быстро перебрались черезъ заборъ. Тутъ Знайка разыскалъ гдѣ то пилу, и пятеро смѣльчаковъ храбро подступили къ дереву. Мы молча выглядывали изъ-за забора.

— Теперь нужно влѣзть на дерево и отпилить сукъ!—скомандовалъ Знайка.

Общими силами это было скоро сдѣлано.

Черезъ минуту вся компанія, со Знайкою во главѣ, двинулась въ путь. Знайка торжественно несъ на плечѣ отпиленный сукъ.

Чтобы пчелы не могли вылѣзть оттуда и ужалить насъ, отверстие гнѣзда было плотно закрыто пучкомъ травы.

Такъ мы добрались до города. Веселая была это дорога. Мы уже заранѣе мечтали,

какъ пріятно будетъ выпить чая съ душистымъ, свѣжимъ медомъ.

— Однако, господа, — замѣтилъ вдругъ Знайка, — пожалуй, по городу нести такъ

Вся компанія, со Знайкою во главѣ, двинулась въ путь...

наше гнѣздо будетъ неудобно. Всѣ прохожіе обратятъ вниманіе...

— Что же намъ дѣлать?..

Мы долго совѣщались.

Наконецъ, было рѣшено купить въ ма-

газинѣ пустой ящикъ и уложить туда нашу ношу. Скоро ящикъ былъ принесенъ. Скокь осторожно положилъ гнѣздо въ ящикъ.

Въ это время я, Пучеглазка и нѣкото-

Мы долго совѣщались...

рые другіе товарищи успѣли отыскать себѣ пріютъ на ночь. Оказалось, что мы стояли какъ разъ около какого то пустого небольшого домика. Онъ весь былъ кѣ нашимъ услугамъ.

Утомленные большой прогулкой, мы рѣшили отказаться даже отъ чая, тѣмъ болѣе, что въ пустомъ домѣ не было ни посуды, ни самовара.

Скопъ осторожно положить гнѣздо въ ящикъ...

Всѣмъ хотѣлось какъ можно скорѣе лечь спать.

Вытащивъ свои дорожныя одѣяла и подушки, съ которыми мы въ путешествіяхъ не разставались, мы расположились на ночлегъ.

Я, по правдѣ говоря, не люблю спать прямо на полу, не на постели. Но тутъ нигдѣ не было ни одной кровати. Долго думалъ я, какъ мнѣ быть? Обошелъ весь домъ. И вдругъ, къ своей радости, нашелъ низенькую деревянную скамеечку. Для обыкновеннаго человѣка она была бы мала, но для меня она была какъ разъ по росту. Лучшей кровати и не выдумаешь.

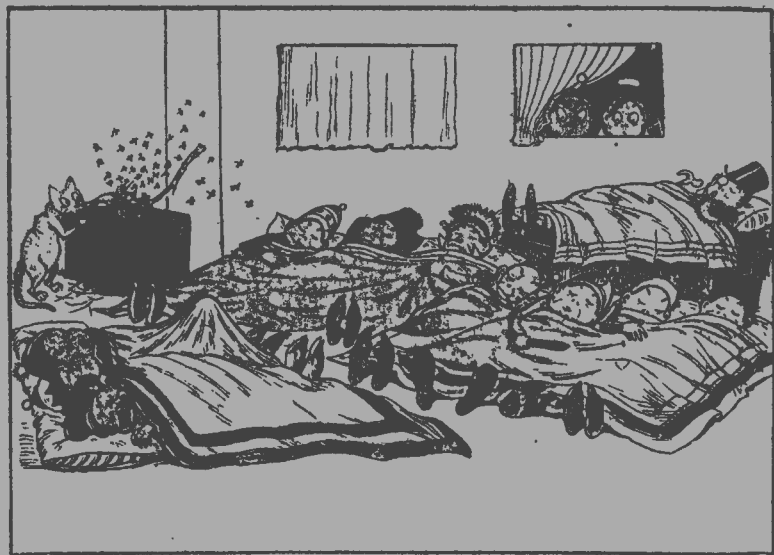
Утомленные прогулкой, скоро мы всѣ заснули, оставивъ на часахъ лишь Пучеглазку и Матросика. Они сами вызвались стеречь насъ, на всякій случай.

Не знаю, долго ли мы спали, но только вдругъ меня разбудили какіе то крики.

Когда я вскочилъ, то все вокругъ меня было въ движеніи. Всѣ эльфы метались по комнатѣ, крича и толкая другъ друга.

Оказалось, что во время нашего сна къ ящику съ пчелами пробралась кошка. Услышавъ, что тамъ что то шевелится и жужжить, она бросилась на гнѣздо, разрыла его лапами и, раскрывъ отверстіе, выпустила оттуда всѣхъ пчелъ. Тутъ то и поднялась суматоха! Пчелы мигомъ разлетѣлись по комнатѣ и съ жужжаніемъ бросились на

насъ. Моментально наши лица были покрыты укусами. Спросонья, въ страхѣ, метались мы по комнатѣ, всюду ища выхода. А наши враги какъ будто издѣвались надъ

Во время нашего сна къ ящику съ пчеламъ пробралась кошка ..

нами. Никогда еще они не кусались такъ больно. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы мы не догадались избавиться отъ нихъ черезъ окна. Одинъ за другимъ стали мы прыгать на улицу. Пчелы насъ злобно

преслѣдовали. Долго мы отбивались отъ нихъ. Наконецъ, мы были внѣ опасности. Но въ какомъ ужасномъ видѣ избавились мы отъ нашего врага!.. У кого распухла щека, у кого губа. У нѣкоторыхъ носы и лбы украсились огромными шишками. Отъ укусовъ все тѣло ныло и горѣло, какъ отъ огня.

Впрочемъ, нашъ врагъ отступилъ отъ насъ также съ большимъ урономъ. Много убитыхъ нами въ отчаянной схваткѣ насѣкомыхъ валялось тутъ же вокругъ насъ.

Дѣдко-Бородачъ нагнулся и поднялъ одно изъ нихъ.

— Ну, что, развѣ я не былъ правъ?— обратился онъ къ намъ.—И совсѣмъ это не пчелы, а осы. Смотрите, у пчелы тѣльце покороче и потолще.

Мы съ любопытствомъ принялись разсматривать убитаго врага.

Дѣйствительно, это была оса.

— Вотъ то думали полакомиться медомъ!— смѣялся надъ нами Дѣдко-Бородачъ.—Только украшенія эти получили и больше ничего!—указалъ онъ на чью то раздувшуюся физиономію.

— А можетъ быть, это пчелы!—попробоваль спорить я.

— Нѣтъ, не пчелы, —отвѣчалъ Дѣдко-

Одинъ за другимъ стали мы прыгать въ окна...

Бородачъ. — Хочешь, Мурзилка, я тебѣ это докажу?..

— Когда докажешь, тогда я, конечно повѣрю, —быль мой отвѣтъ.

— Такъ пойдемъ, —сказалъ Дѣдко-Бородачъ, вернулся въ домикъ, развернулъ

гнѣздо и доказалъ мнѣ, что тамъ не было никакого меда. Одна только осиная личинка шевелилась.

— Ну, что? Теперь повѣрилъ?—спросилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Повѣрилъ.

Такъ печально кончилась эта исторія съ медомъ. Долго мы ходили потомъ опухшіе и съ искривленными лицами. Дорого обошлась намъ эта роковая ошибка.

ЛѢСНЫЕ МАЛЮТКИ ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ
ШКОЛѢ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

профессора музыки ТРУБАЧА

СКОРО, ХОРОШО и ВЕСЕЛО

ОБУЧАЕТЪ ИГРѢ НА ВСѢХЪ ИНСТРУМЕНТАХЪ.

Такая надпись, сдѣланная огромными буквами на большой деревянной доскѣ, привлекла наше вниманіе. Мы остановились. Насъ было трое: я, Заячья Губа и докторъ Мазь-Перемазь. Мы мирно прогуливались по полю и вдругъ увидали эту вывѣску.

— Какой же это профессоръ музыки Трубачъ? Онъ тоже, какъ и мы, изъ лѣсныхъ малютокъ?—задалъ вопросъ докторъ Мазъ-Перемазъ, прочитавъ надпись.

— Какъ же?—отвѣчалъ Заячья Губа.— Развѣ вы не знаете, что это извѣстный музыкантъ?

И Заячья Губа опустился на большой камень у вывѣски, замѣнявшій собой скамейку.

— А что, господа,—продолжалъ Заячья Губа,—не поступить ли намъ въ эту школу? Свободнаго времени теперь у насъ много, гулять безъ дѣла уже надоѣло, будемъ хоть музыкой заниматься.

— Отлично, отлично!—согласился я.

— Я тоже не прочь,—замѣтилъ докторъ.

— Только втроемъ заниматься скучно,—замѣтилъ я,—пригласимъ для компаніи еще кого-нибудь.

— Это великолѣпная мысль!—похвалили меня товарищи,—у тебя, Мурзилка, умная голова...

Хотя я и самъ зналъ, что не глупъ, но эта похвала была мнѣ пріятна. Я хотѣлъ

сдѣлать имъ еще одно, такое же умное предложеніе, но меня перебилъ Скокъ:

— Не будемъ же терять времени, пойдемъ за товарищами.

— А что, господа,— продолжалъ Заячья Губа,— не поступить ли намъ въ эту школу?..

Черезъ полчаса мы цѣлой толпой уже стучались въ дверь школы Трубача.

Трубачъ встрѣтилъ насъ ласково. Онъ очень охотно согласился заняться съ нами музыкой и тутъ же предложилъ дать намъ свой первый урокъ.

— Сначала я вамъ покажу, какъ играть на этой трубѣ!—сказалъ онъ, снимая со стѣны висѣвшую на гвоздѣ трубу.

— Вотъ, смотрите!

Приложивъ трубу къ губамъ, онъ принялся такъ сильно дуть въ нее, что его щеки стали совсѣмъ круглыми и раздулись, какъ два мячика.

— Тру-ру-ту-ту!—раздались вдругъ изъ трубы такіе громкіе звуки, что отъ неожиданности я чуть не выронилъ тросточку изъ рукъ. А Заячья Губа, стоявшій ближе всѣхъ къ Трубачу, въ ужасѣ вытаращилъ глаза и прижалъ руки къ груди. Видно было, что труба оглушила его. Мнѣ тоже казалось, что музыка была, какъ будто, черезчуръ уже громкая. Одинъ только Пуговица находилъ, что звуки слишкомъ тихіе, и, чтобъ лучше слышать, приложилъ даже руку къ уху.

— Теперь я раздамъ вамъ инструменты,—обратился къ намъ Трубачъ,—и вы будете поочередно пробовать играть. Выбирайте, кто на чемъ хочетъ играть.

Мы подошли къ ящику съ инструментами и начали выбирать. Я перепробовалъ

ихъ почти всѣ, но всѣ они казались мнѣ неподходящими. Одну изъ трубъ было слишкомъ тяжело держать, другая имѣла неудобную форму и т. д.

Приложивъ трубу къ губамъ, онъ принялся сильно дуть...

Наконецъ, Трубачъ предложилъ мнѣ барабанъ. Я сначала согласился, но потомъ, когда попробовалъ, то поспѣшилъ отъ него отказаться. Чтобъ играть на барабанѣ, нужно сильно размахивать рукой, а рукава моего фрака были довольно узкіе, и

я побоялся, что они лопнутъ. Наконецъ, я нашелъ себѣ изящную, легкую и узкую трубу.

Разобравъ инструменты, мы сѣли чинно въ рядъ. Тѣ, кому инструментовъ не хватило, сѣли въ сторонѣ — ждать своей очереди.

Урокъ начался.

Заячьей Губѣ не хватило мѣста на скамейкѣ рядомъ съ нами. Не думая долго, онъ усѣлся на барабанъ и чуть не прорвалъ его. За это Трубачъ сдѣлалъ ему выговоръ.

Потомъ мы начали играть.

Должно быть, наше обученіе было очень успѣшно, такъ какъ уже черезъ часъ Трубачъ предложилъ намъ выступить въ концертѣ.

— Мы сейчасъ вмѣстѣ прорепетируемъ еще немного, а потомъ отправимся въ садъ и тамъ дадимъ концертъ. — сказалъ онъ.

Мы были въ восторгѣ. Кто бы могъ подумать, что играть можно выучиться такъ скоро. Должно быть, Трубачъ былъ дѣйствительно замѣчательный профессоръ. Или мы были необыкновенно способные ученики.

Какъ бы то ни было, но черезъ часъ мы уже двинулись къ мѣсту своего концерта.

Впереди всѣхъ выступалъ Дѣдко-Бородачъ съ нотами въ рукахъ. За нимъ шель

За это Трубачъ сдѣлалъ ему выговоръ...

Тузилка, держась за руку профессора Трубача. Далѣе слѣдовали остальные.

Въ саду мы выбрали хорошенькую лужайку и удобно расположились на ней. Трубачъ со своей трубой всталъ передъ нами, далъ знакъ, и концертъ начался.

— Тра-та-та... Бумъ-бамъ-бимъ!—заиграли сразу всѣ инструменты.

— Бумъ-бумъ-бумъ!—забарабанилъ на барабанъ Заячья Губа.

Я старался тоже, сколько могъ. Я раздувалъ щеки, дулъ, какъ можно сильнѣе, въ трубу, отъ усердія даже на корточки присѣдалъ. И у меня выходило лучше всѣхъ. По крайней мѣрѣ, я замѣтилъ, что всѣ бывшіе въ саду лѣсные малютки смотрѣли только на меня и на мою трубу.

— Ого!—думалъ я,—должно быть, моя музыка имъ нравится, что всѣ такъ и впились въ меня глазами!

И я приложилъ еще болѣе усердія. Скоро, однако, я увидалъ, что всѣ, кто ни посмотритъ на меня, почему то смѣются.

— Удивительно! Что во мнѣ смѣшного?—размышлялъ я.—Костюмъ на мнѣ новенькій, играю я отлично, труба у меня тоже очень звучная. Не понимаю, что смѣшного нашли они тутъ?

А публика, между тѣмъ, смѣялась все громче. Матросикъ такъ прямо даже пальцемъ сталъ указывать въ мою сторону.

Я рѣшилъ не обращать на нихъ внима-

нiя и продолжать свой концертъ. Еще больше, чѣмъ прежде, вобралъ я воздуха въ грудь и какъ дунулъ въ трубу... Вдругъ—«карръ!»—раздалось надъ самымъ

Впереди всѣхъ выступалъ Дѣдко-Бородачъ съ нотами въ рукахъ...

моимъ ухомъ. Я отнялъ трубу ото рта и посмотрѣлъ вверхъ. Оказалось, что на самой верхушкѣ моей трубы сидѣла большая черная ворона. Безъ сомнѣнiя, моя музыка ей такъ понравилась, что она сѣла на

трубу, чтобъ лучше слышать. А мои товарищи нашли это почему то смѣшнымъ. Я хотѣлъ уже разсердиться, но какъ разъ въ эту минуту произошло нѣчто совершенно неожиданное.

Трубачъ сдѣлалъ намъ знакъ играть какъ можно сильнѣе. Мы приналегли. И вдругъ... — Трахъ-трахъ-трахъ! — раздался какой то ужасный трескъ, звонъ, шумъ. У Заячьей Губы лопнулъ барабанъ, а у Скока вылетѣлъ бокъ трубы и осколкомъ поранилъ сосѣда. И, въ заключеніе, цѣлая огромная стая птицъ поднялась съ крикомъ въ воздухъ и закружилась надъ нами. Очевидно, имъ наша музыка показалась слишкомъ громкой

— Довольно, довольно! Перестаньте же, несчастные! — закричалъ намъ Трубачъ. — Развѣ вы не видите, что даже птицы и тѣ разлетѣлись? Нѣтъ, вамъ еще рано играть для публики. Пойдемте-ка обратно домой, а то всѣ люди изъ сада разбѣгутся.

Переконфуженные такимъ отзывомъ своего профессора, мы уныло поплелись обратно въ его домъ.

Тутъ концертъ начался снова.

— Миѣ кажется,—обратился къ намъ Трубачъ,—что музыка пойдетъ удачнѣе, если я стану повыше, чтобы вы могли лучше слѣдить за моими движеніями. Вотъ такъ!.

На верхушкѣ моей трубы сидѣла черная ворона...

Трубачъ живо досталъ какой то деревянный ящикъ, опрокинулъ его кверху дномъ, вскочилъ на него и далъ намъ знакъ начинать.

Мы заиграли снова.

Скоро, однако, у меня устали ноги. Все стоять да стоять — не особенно то приятно!

— Не сѣсть ли мнѣ на краюшекъ ба-
рабана? — подумалъ я, но потомъ впсо-
мнилъ о замѣчаніи, которое сдѣлалъ за это
Трубачъ Заячьей Губѣ, и раздумалъ.

— Что же это я! Отлично! Чудесная
мысль! — вдругъ, совершенно забывшись,
вскричалъ я и хлопнулъ себя по лбу.

— Что съ вами? Какая мысль? — съ ис-
пугомъ обратился ко мнѣ Трубачъ.

Онъ даже концертъ пріостановилъ.

— Со мной... со мной ничего, — загово-
рилъ я.

— Чего же вы такъ закричали? — сердито
заговорилъ Трубачъ. — Только играть мѣ-
шаете...

— Я... я... извините... я очень усталъ и
вотъ... позвольте мнѣ сѣсть на край вашего
ящика. Такъ мнѣ будетъ удобнѣе играть.

Трубачъ засмѣялся.

— Если хотите, такъ садитесь, — отвѣ-
тилъ онъ. — Только поосторожнѣе, потому
что ящикъ не очень прочный.

Я осторожно сѣлъ. Мы заиграли снова.
Противъ меня какъ разъ сталъ Китаецъ.

Онъ такъ усердно игралъ на своей трубѣ, такъ раздувалъ свои щеки, что мнѣ стало ужасно смѣшно.

Мы заиграли снова...

— Чи-ка-чи! — зашепталъ я, — отвернись, не смѣши меня, а то я расхохочусь громко и опять получу выговоръ.

Но Китаецъ не обратилъ на мою просьбу ни малѣйшаго вниманія. Какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжалъ онъ трубить, раздувать свои желтыя щеки, смѣшно таращить глаза и гримасничать.

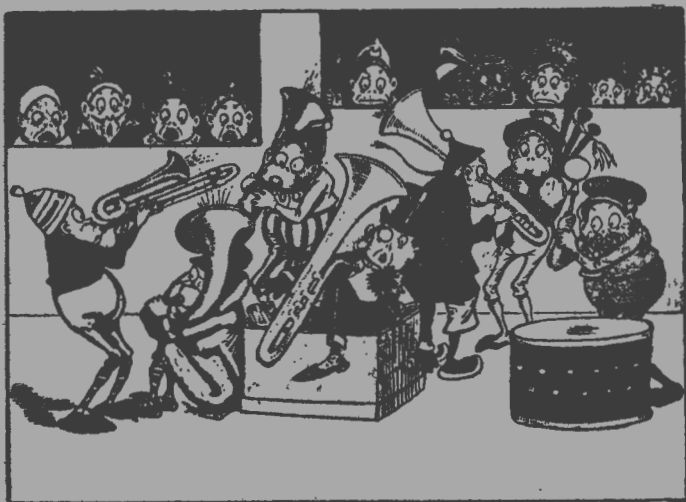
Чтобы не разсмѣяться, я рѣшилъ от-
вернуться отъ него самъ. Вставъ, я обо-
шелъ ящикъ и опустился на него съ
другой стороны. Раздосадованный на Чи-
ка-чи, я позабылъ объ осторожности и
сѣлъ на ящикъ всей своей тяжестью. Въ ту
же минуту раздался трескъ, крышка ящика
проломилась и я очутился внутри ящика.
Отъ неожиданнаго толчка Трубачъ не
удержался на ногахъ и полетѣлъ куба-
ремъ на полъ.

Его труба при паденіи вся смялась и
испортилась, такъ что начала хрипѣть. Но
еще болѣе пострадалъ онъ самъ. Онъ такъ
ударился объ полъ, что его носъ вздулся,
а на лбу вскочила большая шишка. Пока
я барахтался въ ящикѣ, стараясь оттуда
выбраться, всѣ бросились поднимать Тру-
бача. Онъ былъ страшно золъ.

— Нѣтъ, такихъ учениковъ у меня еще
никогда не было! — заговорилъ онъ. — Я
больше не желаю заниматься съ вами, да
и не могу, потому что все лицо у меня
разбито.

Всѣ стали его успокаивать, уговари-
вать, я извинялся, какъ могъ. Но ничего

не помогло: Трубачъ и слышать ничего не хотѣлъ, — ужъ очень онъ разобидѣлся.

Крышка ящика проломилась...

Такъ мы и ушли домой. На этомъ наши занятія музыкой и окончились.

Лѣсные малютки цѣлыми часами толпились у афишъ...

IX.

Циркъ Мурзилки.

Мнѣ давно уже хотѣлось сдѣлать что-нибудь особенное, чѣмъ-нибудь поразить всѣхъ своихъ товарищей. Долго ломалъ я голову — что бы придумать? Наконецъ, случай представился. Дѣло было такъ.

Въ одинъ прекрасный день всѣ лѣсные малютки были сильно взволнованы необыкновеннымъ событіемъ. По всему городу

были расклеены огромныя афиши, гдѣ говорилось, что въ скоромъ времени здѣсь откроется «циркъ господина Мурзилки». Самымъ интереснымъ номеромъ въ этомъ циркѣ будетъ дрессированный индійскій слонъ, по прозванію «Мистеръ Трамъ». Лѣсные малютки цѣлыми часами толпились у афишъ, разсуждали, разпрашивали другъ друга о циркѣ, удивлялись.

— Что это за циркъ? Какого-такого Мурзилки?—говорили они между собой.

— Неужели это нашъ Мурзилка?

— Нѣтъ, быть не можетъ!—отвѣчали другіе.—Откуда бы онъ взялъ слона?

Я ходилъ мимо всѣхъ съ гордо поднятой головой, втихомолку прислушивался къ этимъ толкамъ, но дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю. А мои товарищи продолжали удивляться и спорить между собой. Я торжествовалъ и потихоньку улыбался.— «О, подождите,—думалъ я,—вы всѣ теперь признаете, что у Мурзилки—удивительно умная голова, что онъ—самый умный изъ васъ всѣхъ!»—И я поднималъ свою голову все выше и выше. Наконецъ, мои товарищи замѣтили это.

— Мурзилка, что это ты такъ заважничаль?—спросилъ меня однажды Знайка.— Ужъ и правда этотъ циркъ «господина Мурзилки»—не твой ли?

— А если и мой, такъ что тутъ удивительнаго?—отвѣтилъ я и гордо посмотрѣлъ на Знайку сквозь свое стеклышко.

— Ты выдрессировалъ слона?—такъ и привскочилъ на мѣстѣ Знайка

— Конечно!—отвѣчалъ я.—Слонъ «мистеръ Трамъ»—это моя гордость. Ты увидишь, какія чудеса онъ продѣлываетъ. Да и весь циркъ—это что то необыкновенное!

— Не можетъ быть! Никогда не повѣрю!—заговорилъ Знайка:

— А вотъ увидите!—отвѣтилъ я.

И мы разстались.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгоралось любопытство лѣсныхъ малютокъ. Съ утра толпились они вокругъ того зданія, гдѣ я долженъ былъ помѣстить свой циркъ. Заглядывали въ щели, старались узнать что-нибудь у меня. Но я молчалъ и хранилъ свою тайну.

Наконецъ, день открытія цирка насталъ. Еще задолго до начала представленія всѣ

мѣста были заняты. Тутъ собралось чуть ли ни все царство малютокъ. Кому не хватило мѣстъ, тѣ заглядывали въ окна, въ двери. Болѣе любопытные и храбрые вылѣзли за барьеръ на арену и пристроились тамъ около небольшой скамеечки. Между ними были Заячья Губа, Скокъ, Знайка и нѣкоторые другіе. Я предупреждалъ ихъ, что тутъ имъ можетъ грозить опасность, но они ничего и слушать не хотѣли.

Наконецъ, я далъ знакъ. Прозвонилъ звонокъ. Распахнулись двери, я выступилъ на арену и, снявъ шляпу, обратился къ публикѣ съ слѣдующими, сочиненными мною, стихами:

— Благодарю васъ, господа,
Что вы пришли сюда!

Едва я успѣлъ это произнести, какъ раздался громъ аплодисментовъ. Это меня сильно тронуло. Прижавъ руку къ сердцу, я продолжалъ:

— Такимъ приѣмомъ я польщенъ
И шлю вамъ мой поклонъ.

Сказавъ это, я низко поклонился.

— Сейчас начнется представление...
О, никакого нѣтъ сомнѣнья,
Что мой ученый «мистеръ Трамъ»
Понравится навѣрно вамъ!
Мой слонъ умѣетъ пѣть, плясать,
Черезъ веревочку скакать,
Читаетъ, пишетъ, переводитъ,
Отлично по канату ходить,
А также вальсъ весьма красиво
Танцуетъ мистеръ Трамъ на диво.

Едва я только успѣлъ произнести послѣд-
нія слова, какъ вдругъ произошло нѣчто
невѣроятное. Въ помѣщеніи, гдѣ былъ слонъ,
раздался сильный шумъ, трескъ. Съ гро-
хотомъ распахнулись вдругъ ворота, и на
арену выскочилъ, точно бѣшеный, «мистеръ
Трамъ». Разъяренный, съ вытянутымъ впе-
редъ хоботомъ, онъ помчался вдоль барьера,
не разбирая дороги, и въ мгновеніе ока
сбилъ меня съ ногъ.

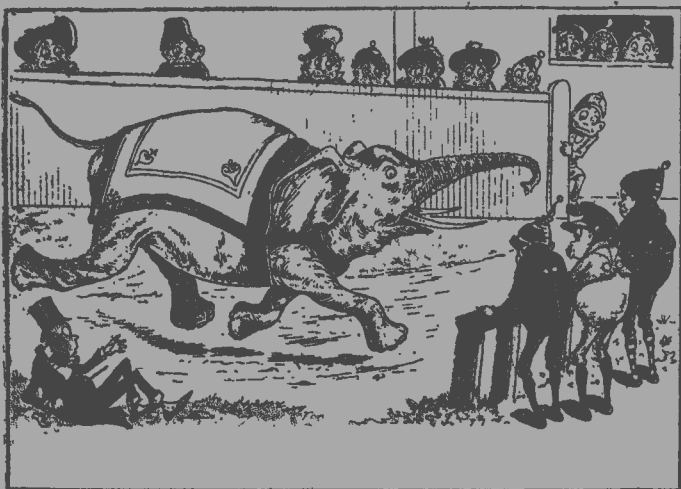
Лѣсные малютки начали смѣяться. Я
разслышалъ, какъ нѣкоторые заговорили:

— Ай-да, Мурзилка! Хвасталъ-хвасталъ
да и сѣлъ въ песокъ! Ловко его слонъ
подвелъ!

А слонъ, какъ нарочно, пробѣжавъ еще
одинъ разъ кругомъ, успокоился, остано-

вился около барьера и принялъ самый послушный кроткій видъ.

Я подошелъ къ нему и слегка потрепалъ его по хоботу. Слонъ не шевелился. До

Слонъ помчался вдоль барьера и сбилъ меня съ ногъ..

сихъ поръ я все еще немного побаивался его—вдругъ опять онъ разъярится и опрокинетъ меня? Но теперь я сталъ храбрѣе. Погладивъ слона, я обратился къ нему съ такими словами:

— Ну, мистеръ Трамъ, покажемъ теперь почтеннѣйшей публикѣ наши фокусы! А,

какъ мы танцуемъ вальсъ?—И я протянулъ къ слону руки, точно приглашая его на вальсъ. Но слонъ попятился назадъ и угрожающе мотнулъ хоботомъ. Я невольно отскочилъ назадъ. Публика засмѣялась.

— Что то слонъ не очень слушаетъ тебя! — ядовито замѣтилъ мнѣ Знайка. — Плохой ты дрессировщикъ, Мурзилка!

Я сдѣлалъ видъ, что не слышу Знайки-наго замѣчанія, и продолжалъ, обращаясь къ публикѣ:

— Вы видите, милостивые государи, что мистеръ Трамъ, несмотря на свою огромную величину и довольно свирѣпый видъ, самое добродушнѣйшее и смирное животное.

— Вѣрно, вѣрно!—закричали кругомъ лѣсные малютки.

Въ это время, къ моему удивленію, Скокъ, стоявшій недалеко отъ слона, прыгнулъ ему на спину. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе. Я предупреждалъ ихъ, что это опасно, но они не слушали. Чѣмъ дальше, тѣмъ публика дѣлалась все храбрѣе. Скокъ помѣстился къ мистеру

Траму на голову, опираясь ногами въ его клыки, и расположился тамъ, точно въ креслѣ.

— Давно уже мечталъ я о поѣздкѣ на слонѣ, — проговорилъ онъ.

— Остановитесь! Слѣзайте скорѣе со слона!..

— А не хочешь ли поговорить со мной по телефону? — подскочилъ къ нему Пуговица и, усѣвшись на песокъ, около ногъ слона, онъ схватилъ его за хоботъ и сталъ кричать въ него, точно въ телефонную трубку:

— Алло! Это станція? Соедините меня, пожалуйста, съ господиномъ Скокомъ!

Между тѣмъ Турокъ и Незнайка теребили слона за уши. Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если-бъ въ этотъ моментъ къ нимъ не подбѣжалъ Тузилка и не закричалъ:

— Остановитесь! Слѣзайте скорѣе со слона! Этотъ слонъ совсѣмъ не Мурзилкинъ, а бѣжавшій изъ звѣринца. И зовутъ его совсѣмъ не «Трамъ», а «Бумъ».

Едва слонъ услыхалъ слово «Бумъ», какъ насторожился, поднялъ уши и вдругъ, взмахнувъ задними ногами въ воздухъ, перекувыркнулся и всталъ внизъ головой. Бѣдные гномы, сидѣвшіе на немъ, едва удержались отъ паденія. Скокъ успѣлъ схватиться за хвостъ слона, а Незнайка уцѣпился за заднюю его ногу. А слонъ продолжалъ стоять въ томъ же положеніи—на головѣ.

— Надо ему помочь встать!—рѣшили Турокъ и Знайка и начали тянуть слона за хоботъ.

Наконецъ, слонъ медленно перевернулся и сѣлъ на заднія ноги.

— Бѣдный! Какъ онъ перепачкался!—

заговорилъ Скокъ, успѣвшій снова вскочить слону на голову.

— Надо его вымыть! — предложилъ Турокъ.

Скокъ успѣлъ схватиться за хвостъ слона, а Незнайка уцѣпился за заднюю его ногу...

— Вымыть! Вымыть слона! — закричали кругомъ лѣсные малютки.

Мигомъ былъ принесенъ огромный тазъ съ водой. Пуговица вмѣстѣ съ Незнайкой начали взбираться на слона, чтобы удобнѣе было вымыть его. Остальные эльфы столпились кругомъ.

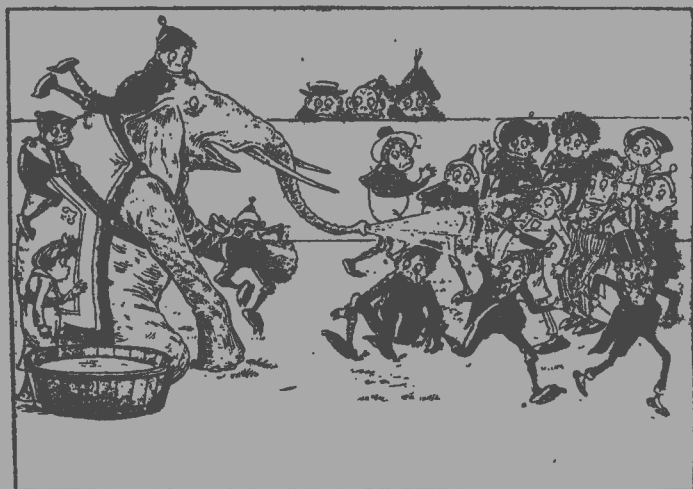
— Господа, — началъ я, — не подходите слишкомъ близко къ мистеру Тому, иначе я не ручаюсь, что... — Я не кончилъ. Слоно, набравъ въ это время въ хоботъ воды, вылилъ ее вдругъ въ толпу. Я едва успѣлъ отскочить. Другіе были менѣе счастливы и порядочно выкупались.

— Вотъ видите! Не говорилъ я развѣ вамъ! — началъ снова я, но меня не слушали. Между тѣмъ, выливъ на насъ непрощенный душъ, слонъ успокоился. Лѣсные малютки, набравшись храбрости, снова окружили его и старались на него взобраться. Скоро на его спинѣ не было больше мѣста. А желающихъ посидѣть на немъ было еще много. Одни усѣлись на спинѣ, другіе на головѣ, двое умудрились уцѣпиться за его хвостъ, а Матросикъ и Дѣдко-Бородачъ помѣстились верхомъ на его хоботѣ. Наконецъ, кому то въ голову пришла счастливая мысль принести веревку и протянуть ее отъ хобота къ хвосту слона. На веревкѣ тоже помѣстилось нѣсколько эльфовъ.

— Господа, не хотите ли прокатиться на слонѣ? — предложилъ я товарищамъ.

— Хотимъ, хотимъ! — закричали лѣсные малютки.

— Отлично! Ну, мистеръ Томъ, впередъ! — Я далъ знакъ и слонъ двинулся впередъ. Сначала онъ шелъ медленно вдоль

Слонъ, набравъ въ хоботъ воды, вылилъ ее въ толпу...

барьера цирка, но потомъ, дойдя до выхода, выскочилъ на улицу и зашагалъ очень быстро. Чѣмъ дальше, тѣмъ двигался онъ все быстрее и быстрее и, наконецъ, взялъ галопомъ. Мы перетрусили. Слонъ ичался, что было силъ, не разбирая дороги,

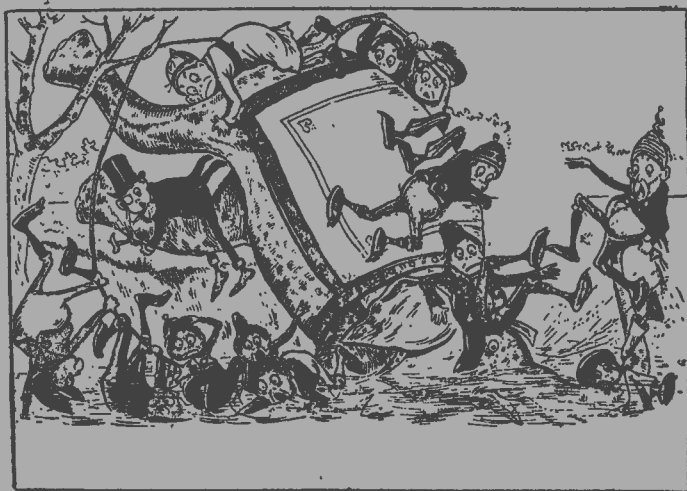
прямо къ рѣкѣ. По дорогѣ нѣкоторые, не удержавшись, кубаремъ слетѣли внизъ. Я тоже едва держался. — «Остановитесь, мистеръ Томъ!» — кричалъ я. Но слонъ мчался еще быстрѣе. Вотъ, онъ побѣждалъ вдоль

Матросикъ и Дѣдо-Бородачъ помѣстились верхомъ на его хоботѣ...

берега, около самой воды. Тутъ случилось нѣчто невѣроятное. Пробѣгая мимо дерева, слонъ зацѣпился веревкой за сукъ, споткнулся и, потерявъ равновѣсіе, упалъ головой внизъ въ воду. Отъ неожиданнаго

толчка мы всѣ тоже попадали. Произошелъ общій переполохъ. Одни барахтались въ водѣ, другіе съ оханьемъ и стонами поднимались съ земли. А слонъ, воспользовавшись нашимъ замѣшательствомъ, выскочилъ изъ

Слонъ зацѣпился веревкой за сукъ и, потерявъ равновѣсіе, упалъ въ воду...

воды и помчался дальше. Какъ мы ни старались его догнать, ничего не могли сдѣлать. Скоро онъ совсѣмъ скрылся изъ вида.

Оправившись отъ испуга, мои товарищи окружили меня съ упреками.

— Это ты все виноватъ!

— Совсѣмъ не я, а вы! — оправдывался я. — Зачѣмъ взобрались на него? Да еще веревку привязали! Мистеръ Томъ привыкъ къ деликатному обращенію, а вы...

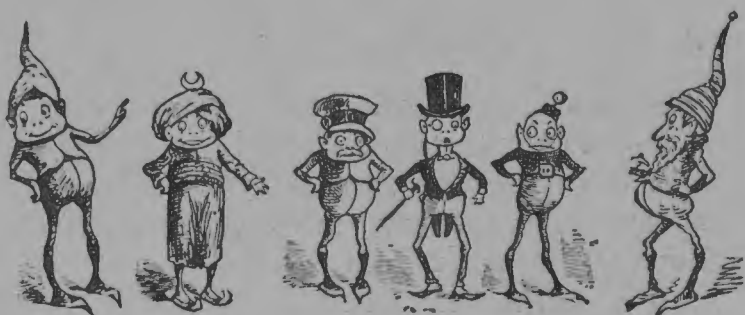
— Слушай, Мурзилка, — перебилъ меня Дѣдко-Бородачъ, — довольно болтать! Ну, подумай, насъ и полно! Вѣдь теперь уже всѣмъ извѣстно, что это слонъ изъ городского цирка. Смотри, онъ прямо къ цирку и побѣжалъ!

Противъ этого спорить я не могъ: слонъ, дѣйствительно, направился прямо къ цирку.

— Однако, въ началѣ все шло хорошо, и вы сами лишь все испортили! — пробовалъ защищаться я.

— Ну, хорошо, хорошо! Мы на тебя и не сердимся. Все-таки ты намъ доставилъ большое удовольствіе и мы тебѣ очень благодарны за это!

Хотя я и раньше въ этомъ не сомнѣвался, но слова Бородача доставили мнѣ огромное удовольствіе. Я снова гордо поднялъ свою голову.

Х.

Какъ мы строили печь.

Была зима, ужасная, холодная зима. Стояли такіе морозы, что на улицу нельзя было и носа высунуть.

Мы сидѣли дома, скучали безъ дѣла и мерзли. Никогда еще въ нашемъ домѣ не было такъ холодно, какъ теперь. Руки и ноги коченѣли, носы краснѣли отъ холода.

— Нѣтъ, такъ дальше продолжаться не можетъ!—жаловались мы другъ другу.— Вѣдь еще начало зимы только, что же будетъ потомъ?

— Нужно что-нибудь придумать!—говорили нѣкоторые.

— Да, да, нужно! — подхватывали всѣ.

— Но что? Вотъ вопросъ!

Мы долго-долго думали и уже отчаялись придумать что-нибудь, какъ вдругъ Дѣдко-Бородачъ воскликнулъ:

— Ура, мы спасены отъ холода!

— Какъ? Что? Какимъ образомъ? — посыпались на него вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Мы построимъ печь! — отвѣтилъ старый гномъ.

— Печь? Какую печь? Вѣдь у насъ же есть печки...

— Но онѣ плохо грѣютъ, — замѣтилъ Дѣдко-Бородачъ; — а мы сдѣлаемъ такую печь, на которую можно будетъ взбираться всѣмъ погрѣться, и, кромѣ того, въ ней всегда будетъ кипятокъ, такъ какъ она будетъ разогрѣваться водой. А вы знаете, какъ пріятно въ холодъ лишній разъ побаловаться чайкомъ...

— Это превосходная мысль! — воскликнулъ Скокъ.

— Великолѣпная мысль! — подхватилъ я, — я только что хотѣлъ предложить то же самое...

— Ну, ты всегда опаздываешь со своими предложеніями, — замѣтилъ Знайка.

— Но какъ выстроить такую печь? — спросилъ докторъ Мазь-Перемазь.

Мы всѣ бросились къ дверямъ...

— А вотъ увидите! — загадочно улыбнулся Дѣдко-Бородачъ. — Теперь пока до свиданія!

И, закутавшись потеплѣе, Дѣдко-Бородачъ скрылся за дверями.

Прошелъ часъ, другой... Прошло полдня, а Бородача все не было. Насталъ вечеръ.

Мы рѣшили уже, что бѣдный Дѣдко замерзъ, какъ вдругъ у крыльца кто-то постучался.

— Это онъ!..

Мы всѣ бросились къ дверямъ. Но въ коридорѣ было такъ темно, что пришлось вернуться за огнемъ.

— Скорѣе, скорѣе, господа! Онъ на-вѣрно сильно промерзъ! — торопилъ докторъ Мазъ-Перемазъ.

Китаецъ схватилъ свой бумажный фонарикъ, Тузилка — маленькій потайной. Мы всѣ выбѣжали въ коридоръ.

— Кто тамъ?

— Это я... впусти́те! — отвѣтилъ за дверью слабый, дрожащій голосъ.

Щелкнулъ ключъ, и на порогѣ появилась темная фигура. Это былъ Бородачъ.

— Я такъ озябъ, — слабо заговорилъ онъ, — дайте скорѣе погрѣться.

Черезъ полчаса, отогрѣвшись, Дѣдко Бородачъ уже рассказывалъ намъ о своихъ планахъ.

— Съ завтрашняго дня за работу! — говорилъ онъ. — Я добылъ планъ печи, заказалъ всѣ необходимые инструменты и тѣ

части печи, которая мы сами не можемъ сдѣлать. За всѣмъ этимъ завтра намъ придется пойти, чтобы принести сюда. Ну, а пока будемъ спать...

Это былъ Бородачъ...

На другое утро, чуть свѣтъ, закипѣла работа. Прежде всего пришлось отправиться за инструментами и частями печи, чтобы перенести ихъ въ нашъ домъ. Исполнить это было нелегко. Особенно мы долго мучились съ огромной желѣзной трубой. Тащить ее пришлось всѣмъ. Я старался больше всѣхъ.

Чтобы облегчить себѣ работу, мы, какъ всегда, затанули пѣсенку.

Запѣлъ Знайка, остальные подхватили:

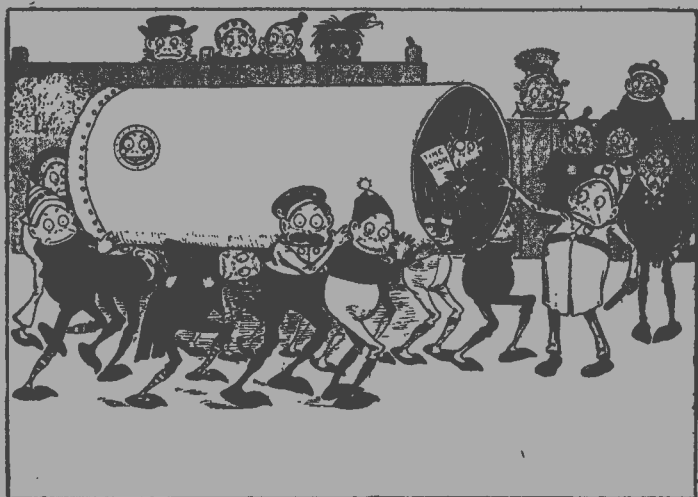
Ну, ребятушки, дружиѣ,
Приваляжемъ посильнѣ,
 Выѣстѣ—разъ, два, три!
Только пѣсня наша грянетъ,
Вмигъ работать легче станетъ!
 Веселѣй бери!
Но никто пусть не лѣнится
И работы не боится,
 Дружно—разъ, два, три!
Мы трубу домой доставимъ
И такую печь поставимъ,
 Только посмотри!

— Братцы, какъ это вамъ нравится?— прервалъ вдругъ пѣніе Тузилка и указалъ рукой внутрь трубы.

— Мурзилка! Безсовѣстный! Какъ тебѣ не стыдно!

Дѣло въ томъ, что когда лѣсные малютки запѣли и быстро понесли трубу, я рѣшилъ, что мнѣ можно немножко и отдохнуть. Работниковъ и такъ было много. Къ тому же, я хотѣлъ продолжать писать свои записки, начатыя мною еще дома. А писать гораздо удобнѣе сидя, чѣмъ на-ходу. Со-

образивъ все это, я подъ шумокъ шмыгнулъ, никѣмъ не замѣченный, въ трубу и преудобно расположился тамъ. Вѣроятно, я такъ и добрался бы до дома, если бы не Тузилка.

Тузилка указаль рукой внутрь трубы...

— Ну, ну, вылѣзай, важный баринъ! — заговорили кругомъ меня лѣсные малютки, и я съ позоромъ долженъ былъ удалиться изъ трубы.

Долго еще потомъ мои товарищи не могли простить мнѣ этого.

.. Когда всё приготовленія уже были кончены, и, вооружившись инструментами, всё собирались приступить къ работѣ, Тузилка снова вспомнилъ про меня.

— Полюбуйтесь, господа! — заговорилъ онъ, указывая на меня, — мы приготовились работать, у всѣхъ въ рукахъ инструменты — у кого молотокъ, у кого клещи, — а этотъ франтъ опять со своей книжечкой...

— Ну, Мурзилка, берегись! Если ты не оставишь своей книжки и не примешься за дѣло, всѣ твои записки полетятъ въ печку, которую мы строимъ.

— Не буду, не буду больше! — отвѣтилъ я и со вздохомъ спряталъ свою книжку въ карманъ. — Ну, давайте мнѣ скорѣе молотокъ, пилу, щипцы, клещи...

— Ты хоть съ чѣмъ-нибудь однимъ справишься...

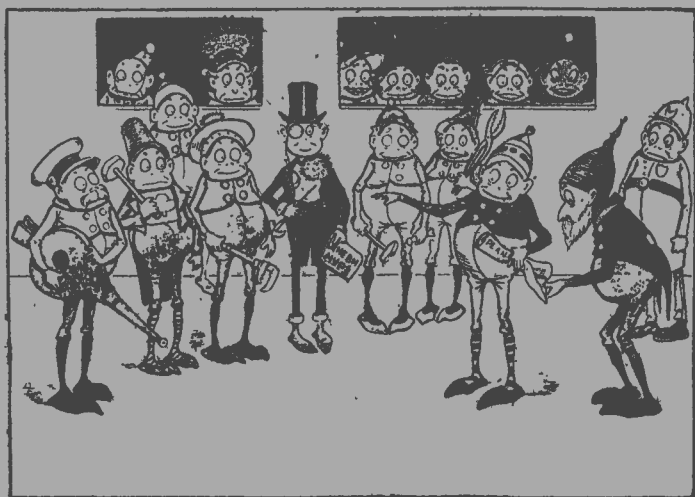
— Ужъ справлюсь, увидите...

Работа у насъ закипѣла.

Въ большой залъ нашего дома былъ установленъ огромный желѣзный котелъ. Сбоку къ нему примыкала труба, черезъ которую долженъ былъ выходить лишній паръ. Сверху этотъ котелъ закрывался

крышкой. Согрѣваться наша печь должна была снизу.

Дѣла была масса. Одни работали молотками, другіе — клещами; приходилось и пилить, и буравить, и паять.

— Полюбуйтесь, господа! — заговорилъ Тузилка...

Когда всѣ углубились въ работу, я снова потихонечку вытащилъ свою книжку и занялся перечитываніемъ только что записаннаго мной. Увлеченные дѣломъ, лѣсные маляutki не обращали на меня никакого вни-

манія. Чтобъ скоротать время, кто-то изъ нихъ запѣлъ:

Мы всѣ прилежны,
Забыта дѣнь.
Кипить работа
Съ утра весь день.
Шумъ, лязгъ желѣза,
Стукъ топора
Кругомъ несется;
Визжитъ пила.
Кипить работа—
Шумъ, грохотъ, стукъ...
Съ утра до ночи
Лишь—тукъ-тукъ-тукъ...

— Работайте себѣ, работайте, — думалъ между тѣмъ я, — а я предпочитаю заниматься чѣмъ-нибудь другимъ поинтереснѣе...

— Ай, ай, ай! — раздался неожиданно отчаянный крикъ. — Ай, обожгли все лицо!

Всѣ переполошились.

— Что случилось? Въ чемъ дѣло?

Оказалось, что Пуговица съ цѣлымъ ведеркомъ расплавленного олова взбирался на крышку котла, чтобы припаять ее верхнюю часть. Его поддерживали Скокъ и Карапузикъ. Но ноги Пуговицы какъ-то соскользнули, и онъ полетѣлъ внизъ,

опрокинувъ ведро съ оловомъ. Расплавленная масса брызнула внизъ и частью попала на лицо Скока. Послѣдній отчаянно закричалъ. Всѣ столпились вокругъ него, охая, жалѣя, выражая ему свое сочувствіе.

Расплавленная масса брызнула вниз...

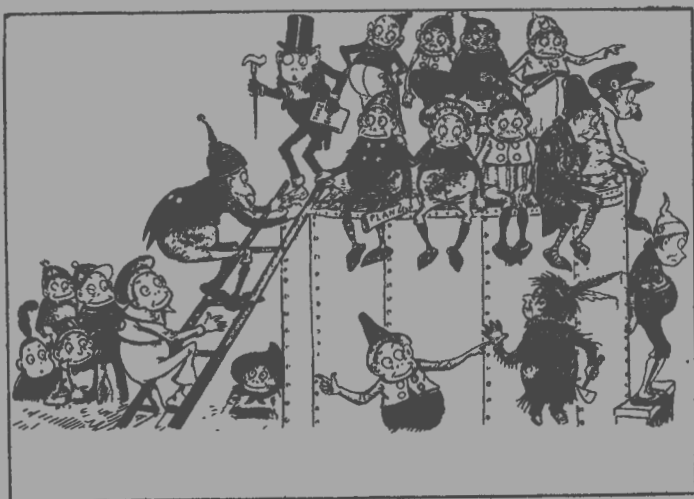
— Хорошо еще, что въ глаза не попало, могъ бы ослѣпнуть,—говорилъ Скокъ.

Въ общемъ, онъ отдѣлался довольно счастливо: сильныхъ ожоговъ на лицѣ не было.

— А знаете, во всемъ этомъ виновата

печь, — заговорилъ Знайка. — Если бы на ней была плоская крышка, ничего бы и не случилось...

Вдругъ Дѣдко-Бородачъ хлопнулъ себя по лбу:

Лѣсные мачютки съ помощью лѣсенки взобрались на верхъ печи и преудобно расположились тамъ...

— Ахъ, я! — вскричалъ онъ, — вотъ оскандалился то! Какъ же мы будемъ грѣться около этой печки? Я же хотѣлъ, сдѣлать такую крышку, чтобы можно было на нее всѣмъ взбираться. Живѣе, за передѣлку

По указанію Бородача несчастная крышка была снята и замѣнена другой — плоской.

Дѣло подвигалось впередъ быстро. Часа черезъ два-три печь, совсѣмъ уже закон-

п, Дыдко-Бородачъ и Матросикъ такъ и взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ лѣстницей...

ченную, попробовали нагрѣть. Все шло отлично. Довольные своей работой, лѣсные малютки съ помощью лѣсенки взобрались на верхъ печи и преудобно расположились тамъ. Кому, не хватило мѣста наверху, стояли внизу и грѣлись. Настроеніе у всѣхъ было

отличное... Вдругъ Индѣецъ, обладавшій удивительно тонкимъ слухомъ, замѣтилъ:

— А что это за странный шумъ тамъ внутри?

И онъ приложилъ ухо къ стѣнкѣ печи.

— Да, да, — подхватилъ Пуговица, — и я тоже слышу!

Мы переполошились.

— Надо узнать въ чемъ дѣло, — замѣтилъ Бородачъ, — можетъ быть, забыли открыть какую-нибудь отдушину или трубу. — И онъ вмѣстѣ съ Матросикомъ поспѣшно сталъ спускаться внизъ. Я рѣшилъ послѣдовать за ними.

Но не успѣли мы дойти до конца лѣстницы, какъ послышался ужасный грохотъ, точно изъ пушки выстрѣлили, и мы полетѣли всѣ въ разныя стороны. Я, Дѣдко-Бородачъ и Матросикъ такъ и взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ лѣстницей. Остальные попадали на полъ; моментально весь залъ наполнился горячими парами. Оказалось, что забыли открыть клапанъ для выхода лишняго пара, и котель лопнулъ. Крышка, на которой мы сидѣли, была раздроблена въ мелкіе куски. Неизвѣстно, какимъ чудомъ никто не попалъ

внутри котла и вообще не пострадалъ. Печь была совсѣмъ испорчена. Чтобы поправить ее, пришлось бы отстраивать все снова. Но вѣроятно отъ волненія, испуга и ушибовъ мы такъ согрѣлись, что пока больше не нуждались въ печкѣ. По крайней мѣрѣ, этотъ вечеръ мы всѣ жаловались на жару, а не на холодъ, какъ раньше.

Черезъ нѣсколько времени печь была все-таки поправлена, и мы пользовались потомъ ею всю зиму, похваливая Дѣдку-Бородача за его выдумку.

XI.

Въ княжескомъ дворцѣ.

Во время нашихъ странствованій по свѣту мы, лѣсные малютки, попали въ большой городъ, на площади котораго красовался громадный дворецъ.

— Хорошо бы побывать въ этомъ дворцѣ, посмотрѣть какія тамъ залы, какія стѣны, какія богатства, — замѣтилъ я, — но...

— Но? — спросилъ Треуголка.

— Но, къ сожалѣнію, я вижу у воротъ караулъ. Насъ, конечно, не пустятъ.

— Для насъ, лѣсныхъ эльфовъ, нѣтъ ни карауловъ, ни часовыхъ! — воскликнулъ Треуголка. — Мы, свободные малютки, можемъ входить и выходить, не спрашивая

позволенія людей. Давайте, братцы, отправимся во дворецъ и справимъ тамъ веселый пиръ, хотя насъ туда никто и не приглашалъ.

Малютки очутились на площади...

Всѣ согласились съ Треуголкою, и спустя нѣсколько минутъ малютки очутились на площади передъ дворцомъ, а затѣмъ, никакъ не замѣченные, вошли во дворецъ.

Въ одинъ мигъ малютки, какъ мухи, облѣпили колонны, карнизы и ступени дворца.

Дѣло было подѣ вечерѣ и вскорѣ стемнѣло совсѣмъ. Лунный свѣтъ скользилъ по роскошнымъ дворцовымъ заламъ и вмѣстѣ съ нимъ скользили и наши тѣни.

Всѣ двери открывались передъ нами, точно въ сказкѣ.

Не прошло и часа, какъ мы завладѣли всѣмъ дворцомъ.

Въ одной изъ залъ, посерединѣ которой висѣла большая люстра, наше вниманіе обратилъ на себя шкафъ съ книгами, стоявшій близъ камина.

— Надо прежде всего освѣтить комнату, — сказалъ Знайка, подошелъ къ стѣнкѣ, нажалъ электрическую кнопку, и залъ освѣтился массою электрическихъ огней.

— Давайте посмотримъ, какія здѣсь имѣются книги, — предложилъ Шиворотъ-Навыворотъ.

— Да, да, посмотримъ, — отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ, открыли шкафъ, достали оттуда книги и расположились читать. Одни разложили большой томъ стихотвореній на мраморномъ столѣ посреди комнаты и начали читать, стоя на шелковыхъ табурахъ, другіе улеглись на полу передъ рас-

крытой книгой съ старинными сказками и читали, а остальные слушали, стоя вокругъ или сидя на книгахъ, замѣнявшихъ табуреты.

Достали книги и расположились читать...

Мы, лѣсные человѣчки, народъ любопытный — всѣмъ интересуемся, обо всемъ разсуждаемъ. Конечно, больше всѣхъ

интересуюсь я, Мурзилка, но мои товарищи такъ увлеклись книгами, что не обращали на меня никакого вниманія и даже не слушали моихъ очень умныхъ, какъ всегда, замѣчаній.

Заячья-Губа съ большимъ чувствомъ читалъ стихотвореніе. Фунтикъ влѣзъ на табуретъ передъ столомъ и, ставъ на колѣни, разсматривалъ большую книгу съ портретами принцевъ и принцессъ, громко называя ихъ по именамъ, и приводилъ этимъ въ восторгъ доктора Мазь-Перемазь, который многихъ изъ нихъ зналъ въ лицо. Знайка раздобылъ старинную ученую книгу — такую старую, что листики сыпались изъ нея къ великому ужасу Шиворотъ-Навыворота.

Въ одномъ углу Скокъ и Шотландецъ глубокомысленно разсуждали о томъ, зачѣмъ столько книгъ на бѣломъ свѣтѣ и къ чему только люди сочиняютъ ихъ.

— Ужъ эти люди, — говоритъ Скокъ, — чего они только не выдумаютъ!

— Неужели они всѣ эти книги читаютъ? — спросилъ Незнайка.

— Конечно, всѣ! — воскликнулъ Заячья-Губа, отрываясь отъ чтенія.

— Одни сочиняють, другіе читають, — объяснилъ я. Но хотя я произнесъ это совершенно серьезно, всѣ малютки громко расхохотались.

— Нечего тутъ смѣяться, когда говорятъ умныя вещи! — замѣтилъ я сердито, и смѣхъ тотъ ась же прекратился.

Мельникъ и Матросикъ стояли на каминѣ и смотрѣли въ зеркало.

— Удивляюсь, — сказалъ Мельникъ, — почему люди такъ любятъ зеркала? Ну, что смотрѣть на самого себя? Вотъ если бы можно было что-нибудь другое увидеть, а то вѣдь все то же видно, что и въ комнатѣ находится!

Вдругъ въ сосѣдней залѣ затрещалъ паркетъ. Тотчасъ поднялась суматоха. Всѣ начали прятаться и забились кто куда могъ: и подъ шкапы, и подъ стулья, и подъ шелковыя портьеры и пугливо выглядывали оттуда.

Я, Мурзилка, оказался храбрѣе всѣхъ: я не спрятался, какъ другіе, а полѣзъ подъ табуретку, чтобы поудобнѣе смотрѣть, кто войдетъ въ ту залу, гдѣ мы занялись чтеніемъ. Я ни чуточки не боялся и даже громко сказалъ:

— Не бойтесь, братцы! Если будетъ какая-нибудь опасность, я васъ буду защищать!..

Но въ моей защитѣ не оказалось надобности. Въ залѣ опять все стихло.

— Все спокойно! — воскликнулъ первый Треуголка, выльзая изъ-подъ шкапа, — ободритесь, братцы! Будемъ продолжать веселье.

— Ж-ж-жъ! — раздалось по комнатѣ, и большая осенняя муха пролетѣла отъ окна къ дверямъ, точно приглашая насъ слѣдовать за ней.

— Куда это муха зоветъ насъ? — спрашивали мы другъ друга.

Муха, между тѣмъ, продолжала жужжать, и въ ея жужжаніи точно слышались слова: «За мной! За мной! Ж-ж-жъ!»

— Какъ вы думаете, братцы, не пойти ли намъ въ сосѣднюю залу, куда, очевидно, приглашаетъ насъ муха? — предложилъ Чумилка-Вѣдунъ.

Послѣ коротенькаго совѣщанія лѣсные человѣчки рѣшили, что и мухой не нужно пренебрегать, и спросъ вѣдь не бѣда — отчего не посмотрѣть? И мы всей толпѣй,

бросивъ книги, альбомы и забывъ о чемъ сейчасъ только судили и рядили, перебѣжали въ залу, куда направилась жужжащая муха.

Это была огромная бѣлая зала съ нишами въ стѣнахъ, съ полуопущенными золотистыми портьерами, съ хрустальными люстрами, которыя сверкали разноцвѣтными огнями. Кругомъ, у стѣнъ, стояли стулья и диваны, обитые золотымъ атласомъ. Полъ въ залѣ блестѣлъ какъ зеркало.

— Это, очевидно, танцевальная зала, — замѣтилъ Знайка.

— Танцевальная? Такъ давайте танцевать, — предложилъ я и первый пустился въ плясъ съ Карапузикомъ.

Моему примѣру послѣдовали остальные. По-двое, по-четверо всѣ носились по залѣ, едва прикасаясь ножками къ паркету, смѣялись и пѣли. Танцевали всевозможные танцы, начиная отъ французской кадрили и кончая пляской индѣйцевъ въ лѣсу Америки и кузнечиковъ въ травѣ. Музыки не было, но люстры, покачиваясь розетками, звенѣли точно оркестръ, играющій веселые

мотивы танцевъ. А муха летала вокругъ и въ восторгѣ стучалась о потолокъ.

— Ж...жъ! — распѣвала она, — никогда еще во дворцѣ не видывали такого чуднаго бала!..

Треуголка и еще нѣсколько малютокъ въ самый разгаръ танцевъ вздумали отдохнуть. Они увидѣли большія, широкія кресла, въ которыхъ свободно умѣщалось по нѣсколько лѣсныхъ человѣчковъ.

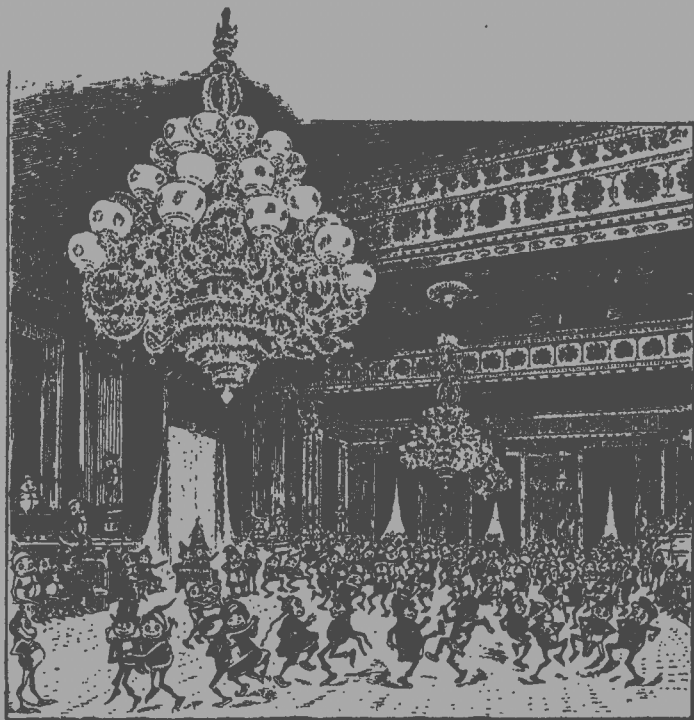
— Ха-ха-ха! — покатывались они со смѣху. — Ну, къ чему такія кресла? Вѣдь люди никогда не сидятъ въ нихъ по-двое. Ха-ха-ха!

Они хохотали, утискиваясь въ кресла по десяти человѣкъ, принимая важный видъ, и сидѣли, вытянувъ ножки, горделиво поглядывая на окружающихъ, потомъ снова вскакивали, прыгали.

Когда танцы окончились, всѣ мы направились посмотреть другія залы дворца и наконецъ дошли до роскошной спальни. Тамъ стояла огромная кровать подъ шелковымъ балдахиномъ.

— Вотъ отлично! — воскликнулъ я. — Послѣ бала и танцевъ, должно быть, очень пріятно поспать на мягкой постели

И я первый вскочилъ на кровать. За мною живо юркнули, не раздвываясь, другіе.

Малютки носились по залѣ...

Цѣлая толпа бросилась къ постели, вскакивая на нее съ разбѣга и укладываясь какъ попало.

— Смотрите! смотрите! — предостерегалъ докторъ Мазь-Перемазь. — Кровать не выдержать. Она, я слышу, уже трещить.

Но никто его не слушалъ.

Оказалось, однако, что докторъ Мазь-Перемазь былъ правъ: пружины кровати не выдержали, опустились, разойдясь со всѣмъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и всѣ лежавшіе на кровати повалились на полъ, давя другъ друга.

— Ай-ай-ай! Ой-ой-ой! — раздался стонъ вокругъ.

На помощь пострадавшимъ прибѣжали остальные. Поднялись невообразимыя хлопоты. Упавшихъ съ кровати тащили за руки, за ноги, за голову, укладывали на полу. Принесли воды, вина и пострадавшихъ отливали, отпаивали, оттирали.. Докторъ Мазь-Перемазь немало хлопоталъ въ эту ночь.

Больше всѣхъ пострадалъ я, Мурзилка. Мнѣ совсѣмъ смяли новую шляпу-цилиндръ, разорвали фракъ и разбили стеклышко въ глазу.

Я долго лежалъ безъ чувствъ на полу и даже не стоналъ. Мнѣ казалось, что я уже умеръ.

Когда я, наконецъ, открылъ глаза, то первымъ дѣломъ спросилъ ухаживавшаго за мною Тузилку:

Лежавшіе на кровати повалились на пол...

— Живъ я, или умеръ?

— Живъ, живъ! — успокоилъ меня Тузилка. — Вотъ попей винца, и ты совсѣмъ оправишься.

Но я былъ такъ слабъ, что даже не могъ раскрыть рта.

Иные изъ малютокъ наглотались пыли, иные оцарапались о проволочки пружинъ, другимъ залѣзъ въ ротъ и горло волосъ изъ матраца. Одного доктора Мазъ-Перемазь не хватило на такую массу заболѣвшихъ, и онъ призвалъ на помощь Знайку, Чумилку-Вѣдуна и Мика.

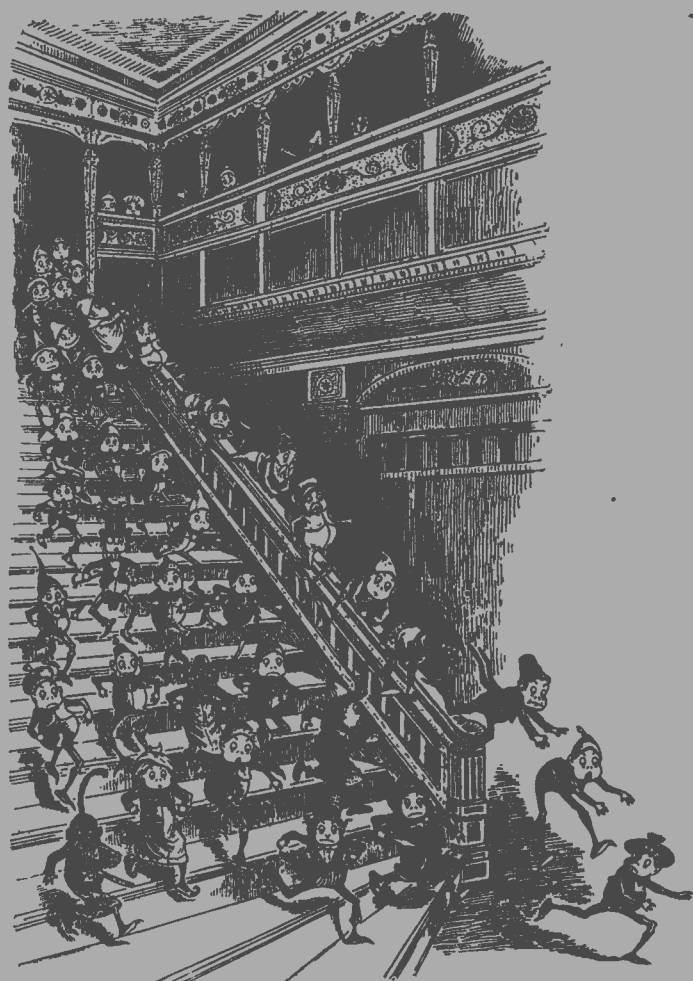
Дворцовая спальня превратилась въ настоящую больницу лѣсныхъ человѣчковъ: однимъ перевязывали пораненныя руки и ноги, другимъ прикладывали компрессы и т. д.

Что касается меня, Мурзилки, то, оправившись, я тотчасъ же принялся помогать доктору, и хотя я никогда не учился медицинѣ, но помогалъ отлично. Правда, докторъ Мазъ-Перемазь сказалъ какъ-то:

— Оставь, Мурзилка! Не надо твоей помощи!

Но, очевидно, онъ это сказалъ только изъ вѣжливости...

Между тѣмъ, шумъ, который мы подняли въ спальнѣ, очевидно обратилъ на себя вниманіе лакеевъ, потому что вдругъ по-

Одни бѣжали по ступенькамъ, другіе спускались по периламъ...

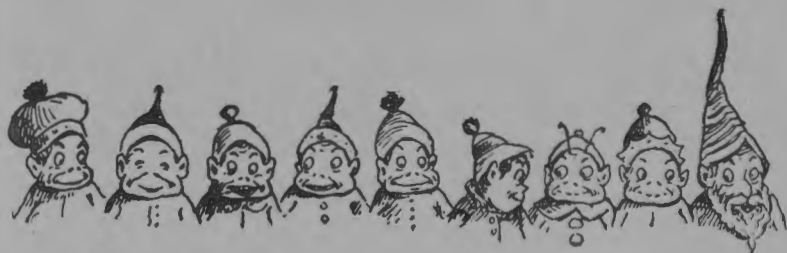
слышались шаги, которые вызвали и среди здоровыхъ и среди больныхъ страшную тревогу.

— Бѣжимъ! — вскрикнулъ Чумилка-Вѣдунъ.

Въ одинъ мигъ всѣ очутились на лѣстницѣ. Одни бѣжали по ступенькамъ, другіе спускались по периламъ.

Лакеи никого изъ насъ уже не застали въ дворцовыхъ залахъ.

ХІІ.

Лѣсные человѣчки — маляры.

Ы, лѣсные человѣчки, не любимъ сидѣть сложа руки, охотно работаемъ и всегда готовы помогать людямъ, но только это выходитъ не всегда удачно. Впрочемъ, не по нашей винѣ.

Такъ было и въ тотъ разъ, когда мы задумали помочь малярамъ, красившимъ только что отстроенный домъ.

Идемъ мы по улицѣ, вдругъ видимъ маляры красятъ стѣны большого каменнаго дома. Бѣдные маляры, они очень устали, а красить оставалось еще много.

— Слушайте, братцы, не помочь ли намъ въ работѣ малярамъ?—предложилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Превосходно! превосходно! раздались голоса со всѣхъ сторонъ. — Мы всѣ согласны!

— На меня тоже можете рассчитывать, — прибавилъ я, Мурзилка, дабы никто не подумалъ, что я откажусь отъ работы.

— Но какъ же мы имъ будемъ помогать?—спросилъ Тузилка.

— Какъ только маляры уйдутъ обѣдать, — объяснилъ Дѣдко - Бородачъ, — мы взберемся на перекладину, на которой стояли маляры, возьмемъ кисти, краски и окрасимъ весь фасадъ...

— Фасадъ? Что такое фасадъ? — спросилъ Турокъ.

— Фасадъ — это передняя сторона дома, — объяснилъ Знайка.

Ждать пришлось не долго. Вскорѣ часы пробили двѣнадцать, и маляры закричали: «Обѣдать пора!», а одинъ изъ нихъ, очевидно самый старшій, приказалъ:

— Спускай!

Другіе маляры, стоявшіе на перекладинѣ, поднятой почти къ самой крышѣ дома,

прекративъ работу, стали опускать канаты, на которомъ была привязана доска-перекладина, и вскорѣ всѣ очутились на землѣ.

Убравъ кисти и краску, маляры ушли.

Тутъ-то и началась потѣха.

Едва только маляры скрылись за угломъ, какъ дѣсять нашихъ лѣсныхъ человѣчковъ, съ Дѣдкою-Бородачомъ во главѣ, стояли уже на перекладинѣ. Тутъ были и Заячья-Губа, и Чумилка-Вѣдунъ, и Матросъ къ, и докторъ Мазь-Перемазь, и Турокъ.

— Поднимай! — скомандовалъ Дѣдко-Бородачъ и первый принялся тянуть канатъ.

— Подождите! подождите, я несу еще одно ведро съ краскою.

Въ это время перекладина-доска съ дѣсятью эльфами уже поднималась кверху.

Я, Мурзилка, остался внизу.

— Я буду вамъ отсюда показывать, гдѣ надо красить, — объяснилъ я.

Работа закипѣла. Одни, стоя на доскѣ-перекладинѣ, водили кистями по стѣнѣ, другіе дѣлали то же, взобравшись на карнизъ надъ окнами,

Но въ самый разгаръ работы перекладина неожиданно затрещала, очевидно не

выдержавъ тяжести десяти стоявшихъ на ней лѣсныхъ человѣчковъ, и переломилась пополамъ. Ведро съ краскою полетѣли внизъ, обливая малютокъ съ ногъ до головы.

Но хуже всего досталось мнѣ, Мурзилкѣ. Не успѣлъ я отскочить, какъ на мою шляпу и костюмъ полились изъ ведеръ краски всѣхъ цвѣтовъ: желтая, синяя, зеленая. Ахъ, на что я сталъ похожъ!

Но что самое непріятное — никто не обращалъ вниманія на меня, никто не подбѣжалъ спасти меня.

И все-таки меня еще не такъ облили краскою, какъ Скока: на него опрокинулось цѣлое ведро съ зеленою краскою, и онъ въ одинъ мигъ превратился въ настоящую лягушку.

Между тѣмъ докторъ Мазъ-Перемазъ, соскочивъ ловко съ перекладины, спрашивалъ:

— Не ушибся ли кто? Не нужно ли кому доктора?

Но оказалось, что все окончилось благополучно: никто изъ лѣсныхъ человѣчковъ не пострадалъ. Я все-таки счелъ нужнымъ

Ведра съ краскою полетѣли внизъ, обливая мажютокъ...

посоветоваться съ докторомъ, что мнѣ дѣлать—вѣдь краска не только облила мой костюмъ, но попала мнѣ на руки и на лицо.

— Что дѣлать?—кратко сказалъ докторъ Мазь-Перемазь.—Вымыться—вотъ и все.

Такъ какъ на улицѣ негдѣ и не въ чемъ было мыться, я направился въ домъ, надеясь, что тамъ найду умывальникъ, воду и мыло. За мною потянулись другіе малютки. Въ то время какъ я мылся, они уже нашли для себя другую работу.

Войдя въ домъ, наши лѣсные человѣчки замѣтили, что маляры, работавшіе внутри дома, не успѣли оклеить одну изъ стѣнъ обоями. Обои лежали на полу, а посерединѣ комнаты, у стѣны, на двухъ подставкахъ лежала доска, на которой стояли ведра съ какою-то бѣлою густою жидкостью, похожею на овсяный кисель. Тутъ же лежали кисти.

— Какая это краска?—спросилъ Турокъ.

— Это не краска, —отвѣтилъ Знайка,— это крахмалъ; этимъ крахмаломъ маляры приклеиваютъ обои къ стѣнамъ.

— А изъ чего дѣлается крахмалъ?—любопытствовалъ Индѣецъ,

— Изъ картофеля, — объяснилъ Знайка. — Сначала картофель особыми машинами или терками трутъ, и когда онъ превратится въ тѣсто, промываютъ его на ситѣ. Сквозь сито проходятъ вмѣстѣ съ водою зернышки

Я стоялъ въ сторонѣ и гордо смотрѣлъ на неудачниковъ...

крахмала, которыя находятся въ картофелѣ; воду отливаютъ, а крахмалъ сушатъ. Когда нужно крахмаломъ что - нибудь клеить, крахмалъ разбавляютъ водой и варятъ; вотъ такой сваренный крахмалъ и находится тутъ, въ этихъ ведрахъ.

Я внимательно прислушивался къ раз-

сказу Знайки, а когда онъ кончилъ, спросилъ:

— Куда же дѣвается картофель, когда изъ него сдѣлаютъ крахмалъ?

Всѣ расхохотались.

— Да вѣдь картофель превратился въ крахмалъ... — началъ было разяснять Дѣдко-Бородачъ, но Знайка его перебилъ:

— На этотъ разъ вы напрасно смѣтесъ надъ Мурзилкою: не весь картофель превращается въ крахмалъ, часть остается и изъ нея готовятъ...

— Навѣрное конфеты! — перебилъ я Знайку.

— Нѣтъ, кормъ для скота, — поправилъ меня Знайка.

Въ это время семь лѣсныхъ человѣчковъ уже успѣли взобраться на доску у стѣнки и, намазавъ обои крахмаломъ, стали приклеивать ихъ къ стѣнѣ. Произошло однако то же самое, что случилось при окраскѣ дома: доска, на которой размѣстились наши маляры, не выдержала тяжести и переломилась пополамъ; крахмалъ полился изъ ведеръ, обливая Пуговку, Самоѣда, Турка и другихъ.

Къ счастью, въ этотъ разъ я не пострадалъ: я стоялъ въ сторонѣ и гордо смотрѣлъ на неудачниковъ.

Вѣдь если бы я, Мурзилка, распорядился адѣсь, навѣрное не случилось бы ничего подобнаго.

ХІІІ.

Мы играемъ въ мячъ.

Въ одно прекрасное лѣтнее утро, мы, двигаясь всей гурьбой по шоссе, увидели большой каменный заборъ, въ срединѣ котораго находилась желѣзная рѣшетка. За рѣшеткой видна была большая полянка, а подалеже красивая дача.

Нѣсколько изъ насъ, лѣсныхъ человѣчковъ, тотчасъ же взобрались на заборъ, чтобы лучше разглядѣть полянку; другіе любовались сквозь рѣшетку видомъ красивой дачи.

— Подождите, братцы, я сейчас узнаю, что тутъ такое, — произнесъ Прыжокъ. — Помогите мнѣ только протащить сквозь рѣшетку мой велосипедъ.

Прыжокъ былъ единственный среди насъ, лѣсныхъ человѣчковъ, велосипедистъ. У него былъ свой собственный велосипедъ, сдѣланный нарочно, по заказу, такъ какъ ни въ одномъ магазинѣ не нашлось велосипеда, который годился бы для лѣсныхъ человѣчковъ. Ѣздилъ Прыжокъ на своемъ велосипедѣ превосходно (пожалуй, даже лучше меня, Мурзилки), постоянно чистилъ его, чинилъ, исправлялъ и не позволялъ никому изъ насъ садиться на его «стального коня», какъ онъ называлъ свой велосипедъ.

Протащить велосипедъ сквозь рѣшетку было нелегко: то онъ задѣвалъ рулемъ, то колесомъ за желѣзныя прутья, — и Прыжокъ никакъ не могъ съ нимъ справиться.

— Дай-ка, я помогу, — сказалъ Индѣецъ и со всего размаха ударилъ имѣвшимся у него въ рукахъ топоромъ въ колесо велосипеда.

Зазвенѣло что-то. Прыжокъ чуть не

расплакался, полагая, что велосипедъ сломанъ. Но къ счастью велосипедъ ничуть не пострадалъ отъ удара и благополучно очутился по ту сторону рѣшетки. Въ одинъ мигъ Прыжокъ вскочилъ на своего «стального коня», помчался по дорожкѣ и исчезъ изъ нашихъ глазъ. Затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, онъ вернулся обратно.

— Тамъ за этою дачею, — рассказывалъ Прыжокъ, — находится большая полянка для игры въ мячъ.

— А людей тамъ нѣтъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ никого. Очевидно всѣ ушли. Но на полянкѣ они оставили большой мячъ, которымъ только-что играли...

— Мячъ!.. — воскликнули въ одинъ голосъ лѣсные человѣчки, не давъ окончить Прыжку. — Братцы, побѣжимъ скорѣе туда!

И не долго думая, всѣ мы перебрались по ту сторону забора: кто — сквозь рѣшетку, кто — черезъ заборъ.

Пробрался и я, хотя не безъ опасности: я задѣлъ сапогомъ за желѣзную рѣшетку и чуть не сломалъ ногу. Я даже думалъ, что и на самомъ дѣлѣ у меня сломана нога, но докторъ Мазъ-Перемазь успокоилъ меня.

Протащить велосипедъ сквозъ рѣшетку было нелегко...

Прыжокъ говорилъ правду. По другой сторонѣ дачи оказалась большая ровная площадка, у самой же дачи лежалъ на

землѣ большихъ размѣровъ и странной формы кожаный мячъ.

— Ага, я узнаю, это футболъ!—воскликнулъ Знайка.

— Какой-такой «футболъ»?—спросилъ я.

— Такъ называется мячъ, которымъ очень любятъ играть англичане,—объяснилъ Знайка.—По-русски «футболъ» значить ножной мячъ.

— Такъ развѣ въ этотъ мячъ играютъ ногами?—спросилъ Карапузинъ.

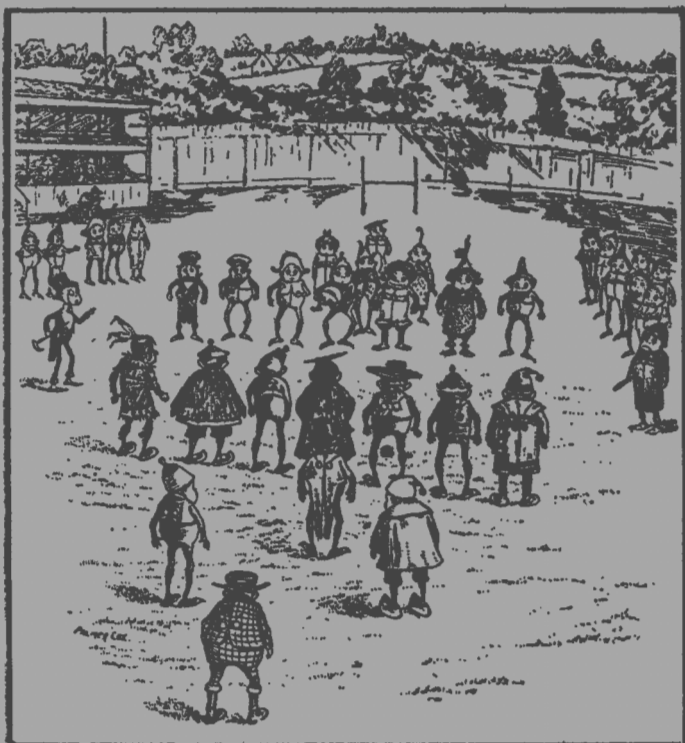
— Да, стараются подбросить его ногой,—отвѣтилъ Знайка.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ играть съ вами нельзя,—замѣтилъ я.—У меня нога не совсѣмъ въ порядкѣ... Но,—прибавилъ я,—если хотите, я буду набюдать и распоряжаться.

Между тѣмъ Карапузикъ, схвативъ обѣими руками мячъ, уже мчался съ нимъ по полянкѣ.

— Намъ надо раздѣлиться на двѣ партіи,—объяснялъ Знайка,—одна партія подтолкнетъ мячъ ногой, другая должна поймать его. Надо только, чтобы въ первой и во второй партіи было равное число игра-

ющихъ. Итакъ, кто желаетъ играть, пусть выступитъ впередъ.

Лѣсные человѣчки раздѣлились на двѣ партіи...

Быстро раздѣлились всѣ на двѣ партіи и стали другъ противъ друга.

Я сталъ сбоку, чтобы наблюдать, правильно ли играютъ.

— Разъ, два, три!—крикнулъ Знайка.— Начинаемъ!—и онъ, бросивъ мячъ, подтолкнулъ его изо всѣхъ силъ ногою.

Другая партія, съ Индѣйцемъ во главѣ, бросилась за мячомъ, и тутъ произошла страшная свалка. Раздались крики, стоны, визги. Малютки падали одинъ на другого, валялись по землѣ и старались оттащить нападавшихъ.

— Держите мячъ, не отпускайте его!—кричали принадлежавшіе къ первой партіи.

— Отнимите мячъ! Бросьте его сюда!—кричали другіе.

— Ура!—закричали вдругъ въ одинъ голосъ Дѣдко-Бородачъ, Скокъ и Знайка.— Мы побѣдили! Мячъ у насъ!

Побѣда была, однако, очень печальная: и у побѣдителей, и у побѣжденныхъ были поцарапаны пальцы, помяты бока, поранены ноги. И что печальнѣе всего, самъ докторъ Мазъ-Перемазъ въ общей свалкѣ получилъ настолько сильный ударъ, что лежалъ въ растяжку на землѣ и стоналъ, а потому не могъ никому оказать помощи.

Къ счастью, я, Мурзилка, тоже кое-что
смыслю въ медицинѣ, и поэтому я могъ

Малютки падали одинъ на другого...

предложить свои услуги раненымъ. Но и въ
этотъ разъ наши лѣсные человѣчки почему-то

не захотѣли воспользоваться случаемъ узнать, что я умѣю лечить не хуже ученаго доктора, и предпочли сами лечить себя.

Я могъ бы на это обидѣться, но... я не изъ обидчивыхъ и равнодушно отнесся къ странному отказу.

XIV.

Завтракъ.

— Братцы, какъ вы полагаете, не слѣдуетъ ли намъ покушать? — спросилъ какъ-то разъ, во время нашихъ странствованій, Дѣдко-Бородачъ.

— Отъ ѣды я никогда не отказываюсь, въ особенности когда подають что-нибудь вкусное, — былъ мой отвѣтъ.

— Да, да, покушаемъ! — согласились всѣ.

— А только что мы будемъ ѣсть? — спросилъ тихо Незнайка.

— Не безпокойся: разъ я спросилъ, значитъ завтракъ уже приготовленъ и намъ

остаётся только сѣсть да приняться за ѣду, — объяснилъ Дѣдко-Бородачъ.

И сказавъ это, онъ повелъ насъ по направлению къ большой усадьбѣ, вблизи проѣзжей дороги.

Ворота усадьбы оказались наглухо закрытыми.

— Попробуемъ, толкнемся къ сторожу, — сказалъ Дѣдко-Бородачъ, указывая на небольшой домикъ, рядомъ съ воротами, гдѣ на дощечкѣ видна была надпись: «сторожъ».

— Тукъ - тукъ - тукъ! — застучалъ въ двери домика Дѣдко-Бородачъ.

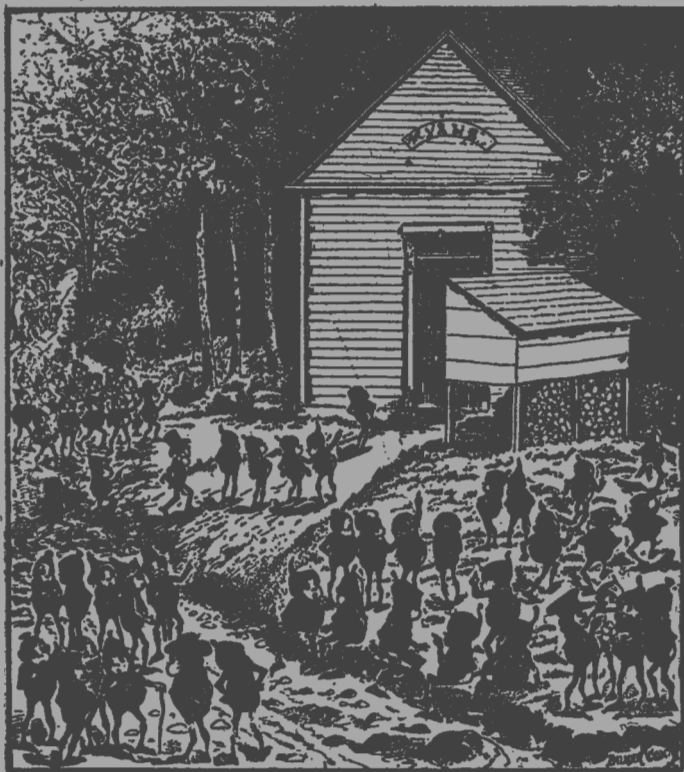
Но никто не являлся.

— Подожди, Дѣдко, дай мнѣ постучать моей тросточкой, — предложилъ я и трижды ударилъ въ ставни, которыми были закрыты окна въ сторожкѣ.

— Кто тамъ? — раздался голосъ и дверь распахнулась. — Батюшки! Саранча напала на нашъ садъ! — закричалъ сторожъ и бросился бѣжать, оставивъ дверь открытой.

— Эй, господинъ сторожъ, не бойтесь! Это вовсе не саранча, а мы, лѣсные человечки-эльфы! — кричали мы ему вслѣдъ, но испуганный сторожъ бѣжалъ безъ оглядки.

— Ну что-жъ, разъ сторожъ ушелъ,
мы черезъ его домикъ проберемся въ

Знайка съ трудомъ разобралъ—«кухля»...

садъ, — предложилъ Чумилка-Вѣдунъ, и
вся наша компанія направилась въ сто-

рожку, а оттуда перебралась въ большой садъ.

Въ саду насъ ждалъ сюрпризъ. Въ этотъ день въ усадьбѣ готовилось какое-то большое торжество и въ саду стояли уже длинные столы.

Пошли дальше — видимъ: стоитъ деревянный домъ, на немъ какая-то надпись. Но надпись очень высоко — не разобрать. Позвали Знайку, и онъ съ трудомъ разобралъ — «*кухня*».

Вошли мы въ кухню — видимъ на столахъ всевозможныя, очевидно уже наканунъ заготовленныя, блюда: тутъ были и жареные индюки, и заливные поросята, и рыба въ сметанѣ, и курицы въ маслѣ, и много другихъ яствъ.

Въ одинъ мигъ всѣ занялись на кухнѣ, чтобы подогрѣть тѣ блюда, которыя принято подавать на столъ горячими, да приготовить остальные, еще не совсѣмъ готовые. И закипѣла работа: одни мѣшали ложками супъ въ большихъ котлахъ, другіе взбивали сливки, и т. д.

Всѣмъ распоряжался здѣсь Скокъ, указывая, что нужно каждому дѣлать.

Со мною тутъ чуть не случилось большое несчастье: я хотѣлъ было, попробовать вкусенъ ли супъ, да такъ обжегъ себѣ

Есѣмъ распоряжался адѣсь Скокъ, указывал, что нужно каждому дѣлать...

языкъ, что даже кричать не могъ. Прибѣжалъ докторъ Мазъ-Перемазъ, занятый въ то время съ Дѣдкой-Бородачомъ, Индѣй-

цемъ, Карапузикомъ, Вертушкою и др. приготовленіемъ тѣста для пирога, посыпаль мнѣ на языкъ какой-то порошокъ—и боль какъ рукой сняло.

Покончивъ на кухнѣ, всѣ отправились въ садъ, таща съ собою готовые блюда, и разсѣлись вокругъ столовъ.

Я выбралъ себѣ мѣсто поближе къ жареному индюку, потому что я очень люблю жареныхъ индюковъ.

— Первый кусокъ мнѣ!—заявилъ я.

— Почему же именно тебѣ, Мурзилка?—спросилъ Кнопка.

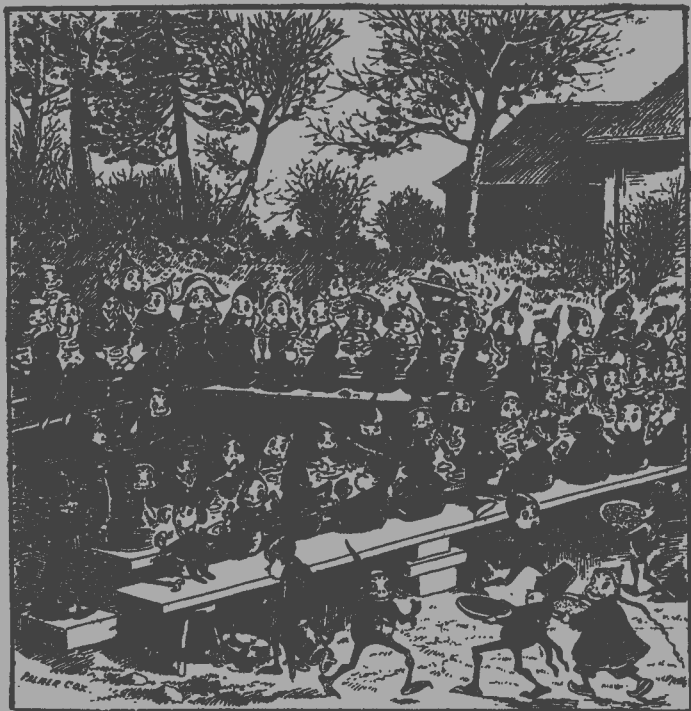
— Потому что я больше всѣхъ трудился на кухнѣ, —отвѣтилъ я, вызвавъ моими словами, не знаю почему, громкій смѣхъ.

Въ другой разъ я бы, пожалуй, обидѣлся. Но тутъ не было времени обижаться: за столомъ уже застучали вилки и ножи и лѣсные человечки очень усердно принялись за ѣду.

Хотя я былъ очень голоденъ, но индюкъ, большой кусокъ котораго положили мнѣ на тарелку, оказался ужасно жесткимъ, и я никакъ не могъ съ нимъ справиться.

— Подожди, Мурзилка, я нарѣжу его

тебѣ мелкими кусками, — предложилъ Кнопка, но я, конечно, отказался: я вѣдь не ребенокъ, чтобы мнѣ давали ѣду мелкими ку-

Все разѣлисъ вокругъ столовъ...

сочками. Но едва я принялся за лежавшую у меня лапку индюга, какъ громко воскликнулъ:
— Ай!

Оказалось, что я, вмѣсто индюка, откусилъ кончикъ своего собственнаго языка, тотъ самый кончикъ, который я только что обжегъ.

— Доктора сюда! Доктора сюда!—закричали всѣ кругомъ.

Докторъ Мазъ-Перемазь въ это время уже бѣжалъ съ чашкою, наполненною холодною водою.

— Положи, Мурзилка, твой языкъ въ чашку, положи скорѣе его въ чашку!—говорилъ онъ.

— Не могу... не могу...—едва пролепеталъ я.—Мнѣ кажется, я весь языкъ себѣ откусилъ...

— Открой ротъ, я посмотрю,—предложилъ Мазъ-Перемазь.

Съ трудомъ открылъ я ротъ. Къ великой моей радости, докторъ успокоилъ меня: оказалось, что я только прикусилъ языкъ.

Приключеніе съ моимъ языкомъ прервало на время завтракъ. Но вскорѣ всѣ опять принялись за ѣду. На этотъ разъ я усѣлся подальше отъ жесткаго индюка, зато поближе къ большому блюду съ мягкими котлетами.

Котлеты мнѣ очень понравились, и я поѣдалъ ихъ одну за другой.

Но вскорѣ всѣ опять принялись за ѣду...

— Котлеты—самое вкусное блюдо на свѣтѣ,—говорилъ я.—Когда у меня будетъ

собственный дворецъ и собственный поваръ, я велю ему, чтобы онъ каждый день жарилъ для меня котлеты и непременно въ сметанномъ соусъ.

— Смотри, Мурзилка, подавишься, когда будешь ѣсть и говорить въ одно и то же время.

— Прошу не дѣлать мнѣ замѣчаній! Я никогда не подавлюсь, — сердито воскликнулъ я.

Но вѣроятно оттого, что я былъ очень сердитъ, кусокъ котлеты какъ разъ застрялъ у меня въ горлѣ, я поперхнулся, закашлялся...

Желая мнѣ помочь, мои сосѣди стали колотить меня по спинѣ.

Поднялся шумъ и крикъ. Докторъ Мазъ-Перемазь, схвативъ стаканъ воды и корку хлѣба, подбѣжалъ ко мнѣ и закричалъ:

— Пей скорѣе, Мурзилка, и закуси коркою. хлѣба: твоя котлетка пройдетъ благополучно вмѣстѣ съ хлѣбомъ...

Я началъ было пить, но поперхнулся еще сильнѣе и уже чувствовалъ, что задыхаюсь.

Докторъ Мазъ-Перемазь, очевидно признавъ большую опасность для моей жизни,

Мы спрятались за оврагами..

сунулъ руку въ карманъ своего фрака,
вытащилъ оттуда большіе щипцы и уже хотѣлъ ихъ засунуть мнѣ въ ротъ, очевидно

намѣреваясь вытащить ими засѣвшую въ горлѣ котлету.

Но я ужасно не люблю операцій и, увидавъ щипцы, откинулъ голову назадъ, вскочилъ на скамейку и закричалъ:

— Не надо!

Вмѣстѣ со словами «не надо» выпала засѣвшая въ горлѣ котлета. Но, что самое замѣчательное, вмѣстѣ съ котлетою выпало и мое стеклышко. Оказалось, что я, заспоривъ, незамѣтно понесъ въ ротъ вмѣстѣ съ котлетой стеклышко и чуть не проглотилъ его.

Теперь я былъ спасенъ.

Не успѣлъ однако я еще опомниться и приняться вновь за любимыя котлеты, какъ раздался голосъ Вертушки:

— Идутъ!

Въ одинъ мигъ всѣ мы, побросавъ ножи, вилки, тарелки и не окончивъ завтрака, бросились бѣжать и спрятались за оврагами, позади двора усадьбы.

— Идутъ! — повторилъ еще разъ Вертушка.

Дѣйствительно, это шли повара, поварята, лакеи и другіе слуги.

Увидавъ разбросанные ножи, вилки и грязныя тарелки, на которыхъ валялись остатки котлетъ, куръ, пироговъ и пр., они удивились.

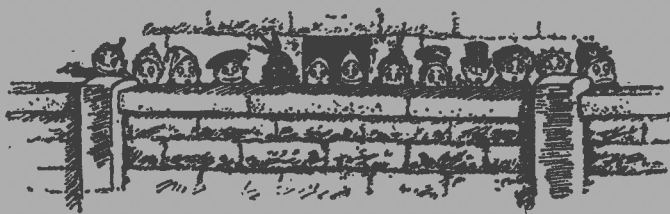
— Кто это здѣсь хозяйничалъ?—спросилъ самый толстый пѣваръ въ бѣломъ колпакѣ.

— Мы!—произнесъ я, совершенно забывъ, что вопросъ былъ предложенъ вовсе не мнѣ и что мнѣ не слѣдовало отвѣчать.

Поваръ, а затѣмъ другіе слуги, услыхавъ мой голосъ, стали оглядываться кругомъ.

Къ счастью, они насъ не замѣтили.

XV.

Путешествіе по водопаду.

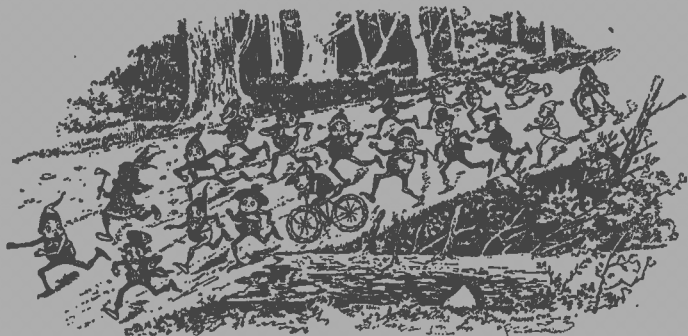

Много разъ въ моей жизни приходилось мнѣ тонуть въ глубокой водѣ, много разъ я уже думалъ, что не увижу никогда больше нашихъ лѣсныхъ человѣчковъ, много разъ мнѣ казалось, что я уже давно умеръ, но такого непріятнаго приключенія, какъ то, о которомъ я собираюсь рассказать сейчасъ, не было у меня больше ни до, ни послѣ этого.

Случилось это уже подъ осень. Какъ-то разъ, во время нашихъ странствованій, услышали мы вдругъ какой-то очень стран-

ный шумъ, точно вода лилась откуда-то сверху внизъ. Стали прислушиваться.

— Очевидно, здѣсь гдѣ-нибудь поблизости находится большой водопадъ, — рѣшилъ Знайка.

Побѣжали. Впереди всѣхъ Знайка...

— Водопадъ!.. — раздалось въ отвѣтъ пятьдесятъ голосовъ, — давайте, побѣжимъ искать водопадъ!

Побѣжали. Впереди всѣхъ Знайка, за нимъ Индѣецъ, Дѣдко-Бородачъ, Вертушка, Прыжокъ на своемъ велосипедѣ и другіе. Побѣжалъ и я, хотя вообще я не особенно люблю бѣгать, потому что мнѣ это бываетъ очень трудно, — мои изящные штиблеты не приспособлены для бѣга.

Конечно я очень скоро отсталъ и едва-едва могъ догнать остальныхъ.

Но вотъ мы наконецъ у водопада. Разбредлись всѣ, стали любоваться, какъ вода съ шумомъ и пѣною катилась внизъ. Одни усѣлись на землѣ, у самого водопада, другіе смотрѣли стоя.

Я очень скоро отсталъ и едва-едва могъ догнать остальныхъ...

Тутъ чуть было со мною не случилось первое несчастіе: я подошелъ очень близко къ берегу и чуть было не сорвался и не полетѣлъ внизъ. Спасъ меня мой... фракъ. Да, фракъ, потому что въ ту минуту, когда я уже началъ падать, меня схватили за фалды фрака и оттащили къ берегу.

Но это еще ничего сравнительно съ тѣмъ, что было дальше.

Въ водопадаѣ появились вдругъ откуда-то балки и бревна, которыя вмѣстѣ съ водою катились внизъ.

— Если бы мы успѣли на эти бревна, — замѣтилъ Скокъ, — то совершили бы чудную прогулку внизъ.

— Спасибо за такое удовольствіе! — сказалъ я. — У меня нѣтъ ни малѣйшей охоты кататься на бревнахъ по водопаду.

Мы стали любоваться...

Но другіе находили, что прогулка на бревнахъ выйдетъ очень интересная.

— Если ты, Мурзилка, боишься, то останься здѣсь, — замѣтилъ Вертушка.

— Я — бояться? Я никогда не боюсь! Прощу меня не оскорблять! — воскликнулъ я сердито. — Я никогда не боялся и никогда трусомъ не былъ и не буду. Это знаютъ всѣ. И чтобы доказать вамъ это, я готовъ вмѣстѣ съ другими прокатиться на бревнахъ. Только мнѣ жаль моего костюма: онъ навѣрное испортится отъ воды.

Меня схватили за фалды фрака... Мы усадимъ тебя такъ, чтобы вода не коснулась твоего костюма, — сказалъ Вертушка и первый, прямо съ берега, вскочилъ на летѣвшее внизъ бревно.

Его примѣру послѣдовали другіе. Нечего было дѣлать, пришлось и мнѣ прыгнуть. Сначала шло все хорошо. Бревно, на которомъ сидѣлъ я вмѣстѣ съ Индѣйцемъ, катилось быстро внизъ, но вдругъ оно съ силою ударилося о камень. Отъ сотрясенія я скатился съ бревна. Еще минута, и я погибъ

Я успѣлъ уцѣпиться за бревно руками!..

бы въ водопадѣ. Къ счастью, я успѣлъ уцѣ-
питься за бревно руками и благополучно

доплылъ до конца, хотя мнѣ все время грозила опасность.

Но этимъ еще не кончились мои страданія. Дѣло въ томъ, что когда мы скати-

Пришлось переплыть черезъ глубокий ручей ..

лись внизъ, то для того, чтобы добраться до берега, пришлось еще переплыть черезъ глубокий ручей. Хотя я превосходно плаваю, однако на этотъ разъ мнѣ пришлось очень плохо. И не мнѣ одному: всѣ наши лѣсные человѣчки чуть не утонули въ ручьѣ.

Я ни чуточки не испугался, но думалъ про себя, что если ужъ утонуть гдѣ-нибудь, такъ лучше въ глубокомъ океанѣ...

XVI.

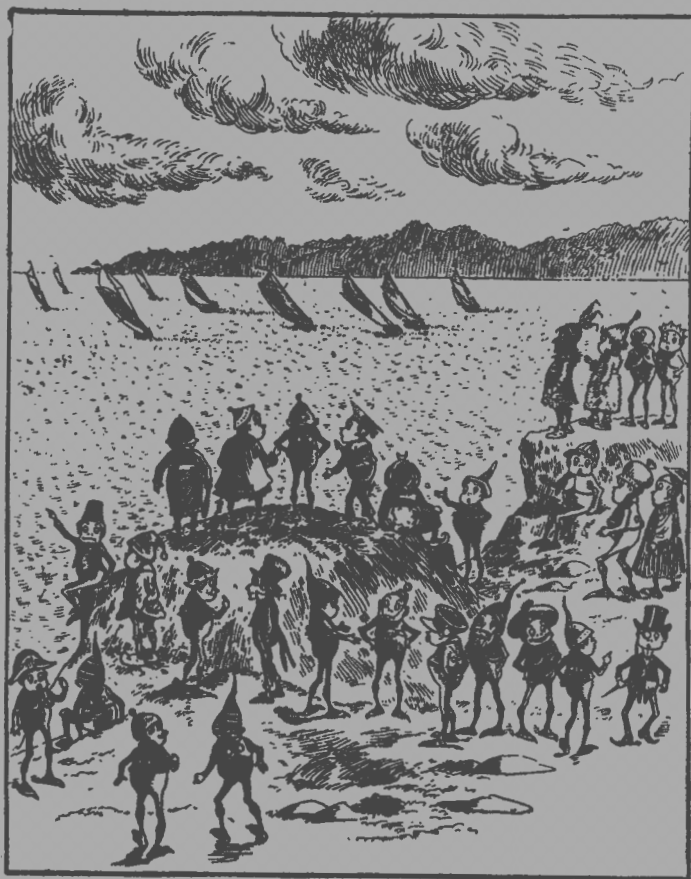
Парусныя гонни.

Это случилось во вторникъ. О, я буду хорошо помнить этотъ день, потому что въ этотъ день я чуть было не погибъ.

Стояло жаркое лѣтнее утро. Мы всѣ собрались на берегу моря; вдругъ видимъ—на морѣ быстро-быстро двигаются какія-то бѣлыя точки.

Мы стали присматриваться и вскорѣ убѣдились, что эти бѣлыя точки были паруса. Девять парусныхъ лодокъ быстро двигались по одному и тому же направленію, очевидно стараясь перегнать одна другую.

— Посмотрите, братцы, какъ несутся эти лодки...

— Ахъ, это, навѣрное, парусныя гонки!—заявилъ Знайка и тотчасъ же при-

бавиль:—Да, конечно, это парусныя гонки. Я уже разъ видалъ такія гонки. Лодкѣ, которая первая доплыветъ до назначеннаго мѣста, выдаютъ большую награду или такъ называемый призъ. Посмотрите, братцы, какъ несутся эти лодки!

— Не устроить ли ѣ намъ парусныя гонки?—предложилъ Скокъ.

Я попробовалъ было возразить, что катанье на парусныхъ лодкахъ довольно опасно, но, когда Незнайка вздумалъ упрекнуть меня, будто я боюсь, я рѣшилъ показать что я самый храбрый изъ всѣхъ.

— Если вы предполагаете, что я боюсь, то я вамъ докажу, что вы ошибаетесь!.. Достаньте только парусную лодку, и я первый сяду въ нее.

— Надо бы намъ самимъ смастерить лодки,—предложилъ Вертушка.

— За чѣмъ же дѣло стало?—замѣтилъ Дѣдко-Бородачъ.—Вѣдь мы, лѣсные малютки, какъ говорится, мастера на всѣ руки: разъ, два, три—и готово.

И работа тотчасъ же закипѣла. Застучали топоры, молотки..

Не хвастая, я долженъ отмѣтить, что больше всѣхъ работалъ я, Мурзилка. Правда, я не дотрогивался ни до молотка, ни до топора; но я всюду ходилъ, смотрѣлъ, дѣлалъ замѣчанія. И несомнѣнно только благодаря мнѣ, удалось очень скоро смастерить лодки.

— Надо будетъ захватить и спасательный кругъ, чтобы въ случаѣ, если кто-нибудь упадетъ въ воду, можно было подать ему помощь, спасти его, — сказалъ Знайка.

Я находилъ это лишнимъ, потому что я, какъ всѣмъ извѣсто, превосходно плаваю. Но все-таки я заявилъ свое согласіе, и вскорѣ приготовили спасательный кругъ съ длинной веревкою.

— Если кто-нибудь изъ насъ упадетъ въ воду, — объяснялъ Знайка, — то мы бросимъ кругъ. Внутри круга находится пробка, и кругъ будетъ держаться на водѣ. Тотъ, кто упадетъ, пусть сейчасъ же схватится за кругъ...

Насталъ, наконецъ, день, назначенный для гонокъ.

Всѣ суетились, волновались.

Выстроенныя въ одинъ рядъ парусныя

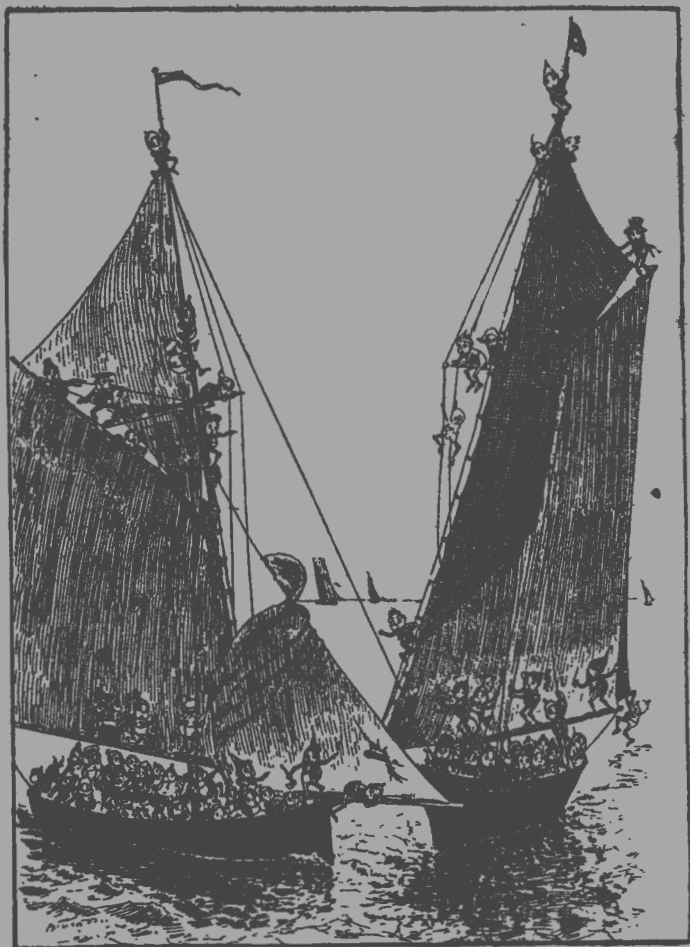
лодки имѣли прелестный видъ. На всѣхъ лодкахъ красовались, сдѣланныя рукою Знайки, синею краскою, большія надписи: на одной лодкѣ—«Щеголь», на другой—«Чайка», на третьей—«Эльфъ», затѣмъ—«Быстрый», «Красавецъ» и «Ласточка». Всѣхъ лодокъ было шесть.

Погода была чудная. Дулъ легкій вѣтерокъ, надувая паруса.

— На мѣста!—крикнулъ Дѣдко-Бородачъ, и всѣ тотчасъ же размѣстились въ лодкахъ. Но въ то время какъ на обыкновенныхъ гонкахъ въ лодкѣ помѣщается всего два-три человѣка, у насъ въ каждую лодку сѣло по 30 и больше лѣсныхъ человѣчковъ, да кромѣ того еще многіе влѣзли на мачты.

Я выбралъ себѣ мѣсто на «Щеголѣ», какъ разъ у самага носа лодки. Но едва наша лодка, по знаку, данному Дѣдкою-Бородачомъ, тронулась съ мѣста, какъ случилось несчастье: вслѣдствіе неловкаго движенія рулевого, рея покачнувшася «Щеголя» сшибла мачту «Чайки».

— Стопъ! Стопъ!—закричалъ Дѣдко-Бородачъ, держа въ рукахъ топоръ, чтобы помочь бѣдѣ.

— Стопы! Стопы! — закричалъ Дѣдо-Боредачъ...

ДНЕВНИКЪ МУРЗАЛКИ.

Но къ счастью все обошлось благополучно, только парусъ у «Чайки» оказался разорваннымъ. Его тотчасъ же починили.

Наши лодки понесло прямо къ страшному водопаду..

Двинулись дальше.

Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, и наши лодки понесло прямо къ водопаду.

случилось, какъ меня, Знайку и Тимку выбросило изъ лодки. Я почувствовалъ, что лежу въ воздухѣ.

Очутившись неожиданно

Послышался трескъ отъ удара «Ласточки» о камень, затѣмъ какіе-то крики. Не успѣлъ я еще разглядѣть что

Меня, Знайку и Тимку выбросило изъ лодки...

въ водѣ, я совершенно забылъ о томъ, что умѣю отлично плавать, и сталъ барахтаться руками и ногами какъ попало. Нѣсколько разъ

я собирався крикнуть «помогите!», но какъ разъ въ это самое время вода лѣзла мнѣ въ ротъ, и я захлебывался.

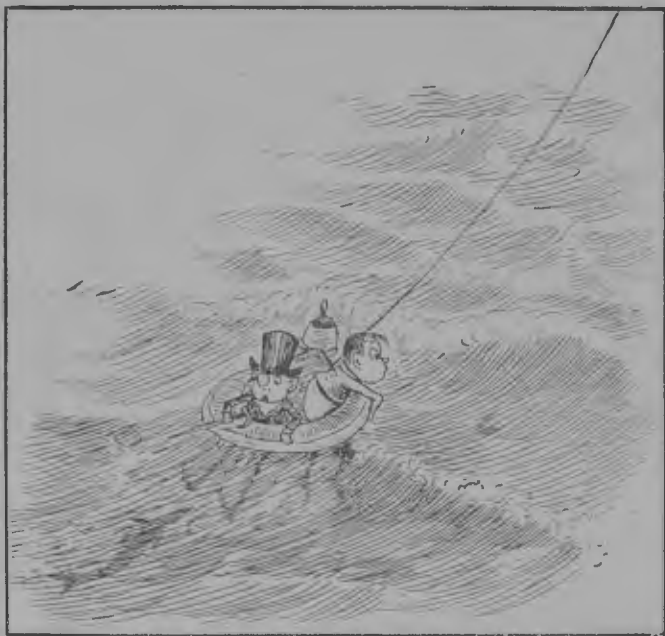
Не знаю что стало бы со мною, если бы въ рукахъ у меня не было тросточки. Я крѣпко держался за нее и, вѣроятно только благодаря этому, не пошелъ ко дну.

Между тѣмъ Вертушка, Мельникъ, докторъ Мазъ-Перемазь, Вѣдунъ, Индѣецъ, Заячья Губа и другіе успѣли выбратъся на берегъ, захвативъ съ собою спасательный кругъ, который они тотчасъ же кинули намъ троимъ, — т. е. мнѣ, Тимкѣ и Знайкѣ. Но схватиться за этотъ кругъ намъ удалось не сразу. Очень ужъ трудно было приблизиться къ нему. Волны то и дѣло подхватывали насъ и уносили дальше. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, почти въ одинъ и тотъ же моментъ, мы всѣ трое схватили кругъ и влѣзли въ него.

Я вздохнулъ, рѣшивъ, что теперь я спасенъ, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ, какъ кругъ притягивали съ лодки, стоявшей у берега. Но тутъ случилось новое несчастье: какая-то зубастая рыба, замѣтивъ въ водѣ мои ноги, обутыя въ блестящіе штиблеты,

подплыла къ кругу и готовилась схватить меня за пятку.

— Тащите! Тащите скорѣе, а то рыба загрызетъ Мурзилку! — услыхалъ я отчаянный крикъ Знайки.

Какая-то рыба готовилась схватить меня за пятку...

И я дѣйствительно почувствовалъ, что кто-то тащить меня за ногу и впивается чѣмъ-то острымъ въ мою пятку.

Тутъ я уже лишился голоса и не могъ даже кричать и звать о помощи. Но я все-таки не растерялся: ухватившись обѣими руками за спасательный кругъ, я старался выдернуть ногу изъ пасти чудовища.

— Тащите, братцы, живѣе!—раздавался между тѣмъ гдѣ-то наверху голосъ Вертушки. — Живѣе, а то рыба съѣстъ Мурзилку!

Наконецъ кругъ поднялся на воздухъ. Но, увы! — рыба не оставила моей ноги и моего штиблета и, впившись въ него, позволила тащить себя наверхъ.

— Крѣпись, Мурзилка, крѣпись, не выпускай круга! Еще одно мгновеніе, и мы тебя освободимъ!—кричали мнѣ сверху.

Имъ легко было кричать, но каково-то было мнѣ! И все-таки я оказался удивительнымъ храбрецомъ и не растерялся.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, пока, наконецъ, нашъ спасательный кругъ не вытащили на берегъ. Тутъ только я вздохнулъ свободнѣе.

Первымъ дѣломъ я закричалъ:

— Нога... ай, нога!..

— Тащите, братцы, живѣе!—раздавался
голосъ Вертушки...

Съ неимовѣрными усиліями
удалось Вертушкѣ, Скоку и
другимъ оттащить рыбу, кото-
рой очевидно моя нога при-
шлась по вкусу.

— Докторъ! Докторъ! По-
смотри мою ногу!—закричалъ
я тогда.—Кажется, у меня
очень глубокая рана...

Докторъ снялъ мнѣ шти-
блетъ, внимательно осмотрѣлъ
ногу, пощупалъ въ одномъ
мѣстѣ, въ другомъ, въ третьемъ
и сказалъ:

— Къ счастію, твоя нога, Мурзилка,
ничуть не повреждена. Рыба прокусила
только кожу на штиблетѣ,

Только?!..

А вѣдь у меня были надѣты настоящіе парижскіе штиблеты, которые теперь стали, конечно, никуда не годны. Не могу же я ходить въ штиблесахъ, которые прокусила какая-то рыба!..

Такъ печально окончилась наша попытка устроить парусныя гонки.

ХVII.

Совѣщаніе относительно новаго путешествія лѣсныхъ человѣчковъ.

— Вставай, Мурзилка! Вставай скорѣе! — будиль меня однажды утромъ Дѣдко-Бородачъ, — у насъ сегодня назначено важное совѣщаніе.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я, протирая глаза.

— Это ты самъ узнаешь, — таинственно произнесъ Дѣдко-Бородачъ.

Я началъ одѣваться. Но такъ какъ я люблю быть всегда хорошо причесаннымъ, напوماженнымъ и надушеннымъ и, раньше нежели начать одѣваться, тщательно осма-

триваю каждый разъ мой костюмъ, то прошло довольно много времени, пока я могъ сказать:

— Готовъ! Идемъ!

Въ это время прибѣжалъ, запыхавшись, Кнопка и заявилъ, что всѣ лѣсные чело-вѣчки собрались на полянкѣ, у опушки лѣса,—ждутъ только меня, да Дѣдку-Бородача, чтобы начать совѣщаніе.

Захвативъ тросточку и еще разъ надушивъ платокъ, я отправился вмѣстѣ съ Дѣдкою-Бородачомъ и Кнопкою.

На полянкѣ всѣ уже были въ сборѣ. Одни сидѣли на свалившемся деревѣ, другіе забрались на бугорокъ, остальные стояли около дерева, гдѣ докторъ Мазъ-Перемазъ, какъ только я пришелъ, началъ такую рѣчь:

— Господа лѣсные чело-вѣчки, милые братцы мои! Вскорѣ начинается лѣто. А лѣтомъ—это вы всѣ знаете—люди особенно охотно путешествуютъ по свѣту. Одни уѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ, другіе на пароходахъ и корабляхъ, иные на лоша-дяхъ...

— А я слышалъ, что уже стали путе-

ществовать и на воздушныхъ шарахъ! — замѣтилъ я, но на меня зашикали.

— Не мѣшай, Мурзилка, не мѣшай! —

— Итакъ, братцы, рѣшимъ, куда намъ ѣхать...

раздались голоса со всѣхъ сторонъ. — Дай доктору говорить...

— Такъ вотъ, — продолжалъ докторъ Мазь,-Перемазь, — я предлагаю, чтобы и

мы, лѣсные человѣчки, по примѣру людей, предприняли большое путешествіе вокругъ свѣта...

— Я согласенъ... — вырвалось у меня, но меня опять остановили.

— Итакъ, братцы, — говоритъ дальше докторъ Мазъ-Перемазъ, — если вы не имѣете ничего противъ моего предложенія, рѣшимъ, куда намъ ѣхать и какъ намъ ѣхать, и попросимъ Знайку, который такъ хорошо все знаетъ, чтобы онъ составилъ намъ маршрутъ.

— Маршрутъ? Это что за птица такая? — спросилъ Тузилка.

— Маршрутъ не птица, а расписаніе пути, т. е. расписаніе, какъ ѣхать, черезъ какіе города, страны и т. д.

— О, да! На такія работы нашъ Знайка мастеръ! — согласился Китаецъ Чи-ка-чи. — Онъ навѣрное составитъ отличный маршрутъ...

— Я ему помогу, — заявилъ я.

— Нѣтъ, ужъ лучше безъ твоей помощи. Ты, Мурзилка, опять что-нибудь напутаешь, — заявилъ докторъ Мазъ-Перемазъ.

— Не хотите, не надо! — громко воскликнулъ я и рѣшилъ больше въ совѣщаніи участія не принимать.

Между тѣмъ, Знайка прямо заявилъ, что маршрутъ у него готовъ и что мы можемъ отправиться въ путь хоть завтра.

И онъ тотчасъ же досталъ большую географическую карту, на которой красными чернилами были отмѣчены въ разныхъ мѣстахъ точки: это были какъ разъ тѣ города, черезъ которые мы должны были проѣхать.

Всѣ мы разсматривали намѣченный Знайкою путь для нашего путешествія...

Всѣ мы поочереди внимательно, разсматривали намѣченный Знайкою путь для нашего новаго путешествія.

— Итакъ, — произнесъ докторъ Мазь-Перемазь, — не откладывая въ долгій ящикъ, мы завтра же отправимся въ путь.

Тутъ я счелъ долгомъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Завтра нельзя, — сказалъ я. — У меня еще не сшитъ костюмъ для дороги.

Но меня и слушать не хотѣли: рѣшено было тотчасъ же начать собираться въ путь.

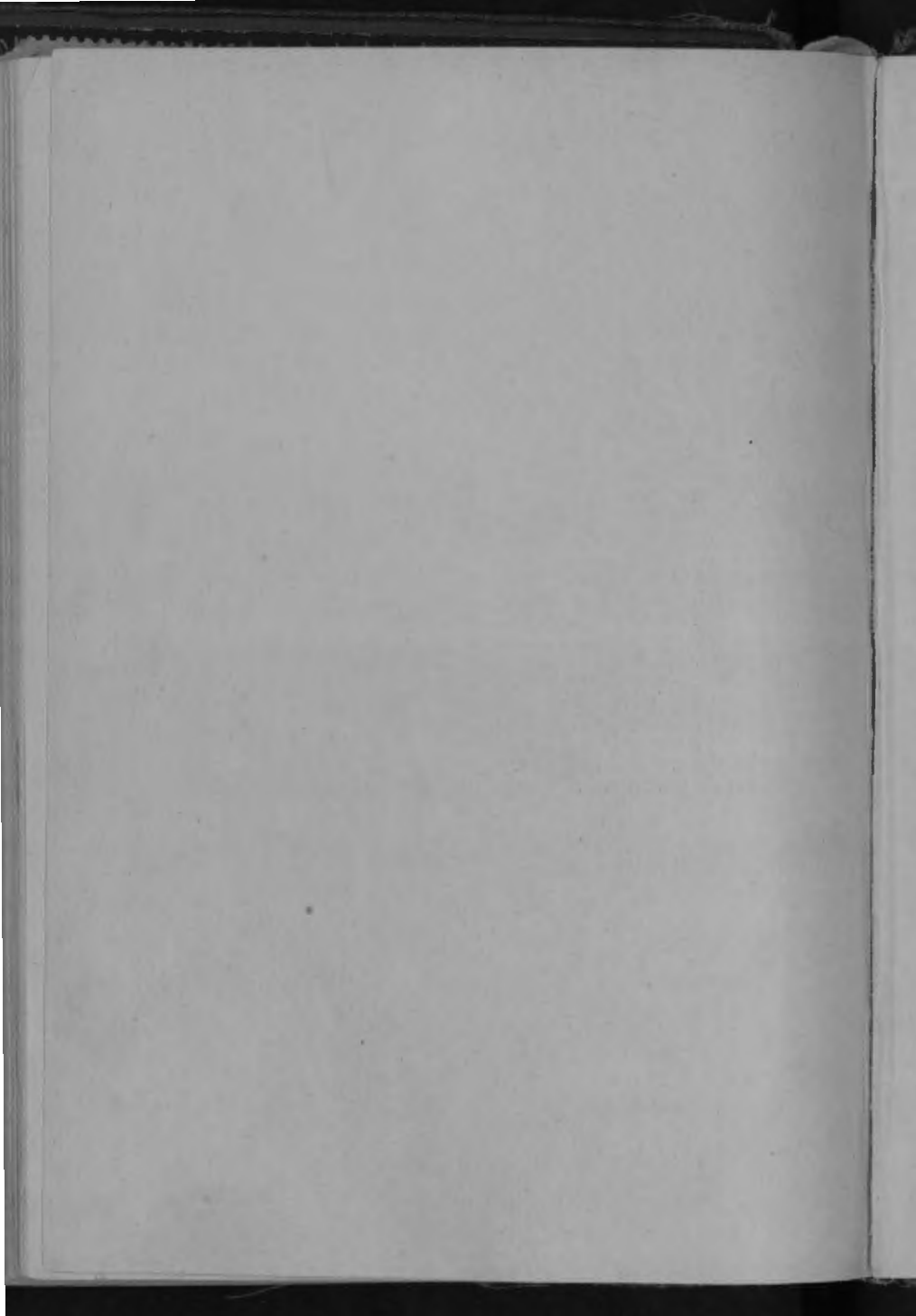
Много пришлось намъ, лѣснымъ чело-

вѣчкамъ, въ нашемъ новомъ путешествіи пережить невзгодъ, много было у насъ разныхъ приключеній, много странъ и городовъ увидали мы впервые,—но обо всемъ этомъ я подробно расскажу въ моемъ новомъ дневникѣ.

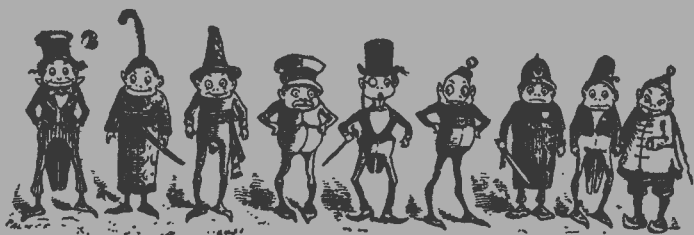

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
ГЛАВА I. Кто мы такіе	1
« II. Прогулка на саняхъ	9
« III. Какъ мы ѣздили въ товарномъ поѣздѣ . .	19
« IV. Сраженіе съ разбойниками	25
« V. Неудачное путешествіе по морю	33
« VI. Игра въ обручи	45
« VII. Непріятная ошибка	60
« VIII. Лѣсные малютки въ музыкальной школѣ .	73
« IX. Циркъ Мурзилки	88
« X. Какъ мы строили печь	103
« XI. Въ княжескомъ дворцѣ	118
« XII. Лѣсные человѣчки—маляры	133
« XIII. Мы играемъ въ мячъ	142
« XIV. Завтракъ	151
« XV. Путешествіе по водонаду	164
« XVI. Парусныя гонки	172
« XVII. Совѣщаніе	185

I.

Въ одно прекрасное весеннее утро къ станціи Москва съ шумомъ и грохотомъ подкатилъ паровозъ.

Въ этотъ ранній часъ по расписанію не ждали никакого поѣзда, а потому внезапное появленіе паровоза произвело большой переполохъ.

Начальникъ станціи и его три помощника быстро выскочили на платформу, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидали, что на паровозѣ не было ни машиниста, ни кочегара!

Вдругъ начальникъ станціи воскликнулъ, обращаясь къ своимъ помощникамъ:

— Посмотрите, господа! Паровозомъ-то управляютъ какія-то черныя букашки! Посмотрите же: онѣ облѣпили буквально весь паровозъ, сидятъ на крышѣ, на котлѣ, на колесахъ, на трубѣ... Одна изъ букашекъ забралась даже на фонарь паровоза...

— Что за чудо?!—бормоталъ старый помощникъ начальника станціи, — сколько лѣтъ служу на желѣзной дорогѣ, а никогда еще нечего подобнаго не видалъ.

— Это черные тараканы какіе-то, или саранча,—замѣтили въ голосъ два другихъ помощника.

Не вѣря своимъ глазамъ, пораженные, они не двигались съ мѣста. Ноги ихъ точно приросли къ платформѣ.

Такъ прошло нѣсколько мгновений.

Наконецъ, начальникъ станціи опомнился первый. Онъ быстро соскочилъ съ платформы, съ очевиднымъ намѣреніемъ захватить мнимыхъ букашекъ.

Но въ одинъ мигъ всѣ букашки спрыгнули съ паровоза и разбѣжались въ разные стороны.

— Эй, сторожа, держите! ловите! — кричалъ начальникъ станціи.

Однако, какъ ни бѣгали, ни искали букашекъ всюду желѣзнодорожные сторожа, они ничего не нашли: всѣ букашки исчезли.

Букашки облѣпили весь паровозъ...

На самомъ дѣлѣ это были вовсе не букашки, а мы—маленькіе лѣсные человѣчки-эльфы.

Тотъ, кто насъ не знаетъ, думаетъ, что мы мошки или букашки. Но такихъ незнаю-

щихъ теперь немного: всѣмъ уже давно извѣстно, что мы, лѣсные человѣчки-эльфы—настоящіе люди, только ростомъ поменьше людей: самый высокій изъ насъ будетъ не выше мизинца новорожденного младенца, а головы у насъ—величиной съ головку обыкновенной булавки. Живемъ мы въ лѣсу. Наше царство расположено въ зеленомъ мху, между черными стволами деревьевъ и опавшими листьями. Тамъ у насъ есть свои города и селенія, есть дворцы, избышки, домики. Хорошо живетъ въ этомъ зеленомъ царствѣ, подъ перистыми листьями папоротника, въ чашечкахъ душистыхъ лѣсныхъ цвѣтовъ.

Только жить всегда въ дремучемъ лѣсу однимъ, съ лѣсными букашками и жучками, очень скучно. Поэтому отъ времени до времени мы оставляемъ наше царство и отправляемся путешествовать по бѣлу-свѣту, людей посмотреть, себя показать, поразвлечься, пошалить, напроказить, а иной разъ и помочь людямъ, сдѣлать какое-нибудь доброе, хорошее дѣло.

Впрочемъ, попадаться на глаза взрослымъ людямъ мы не любимъ: они такіе

большіе, такіе серьезные и страшные въ сравненіи съ нами, малютками-эльфами. Мы ихъ боимся.

Вотъ дѣти—другое дѣло. Съ дѣтьми мы въ большой дружбѣ. И дѣти всѣ знаютъ насъ и любятъ слушать веселые рассказы о нашихъ продѣлкахъ и путешествіяхъ. Объ этомъ написано уже нѣсколько книгъ. Тамъ рассказывается о всѣхъ насъ, лѣсныхъ человѣчкахъ. Тамъ можно прочесть и о приключеніяхъ самаго стараго изъ насъ—Дѣдки-Бородача, и о продѣлкахъ Скока, Знайки, Пучеглазки, Быструна, Вертушки, Шиворотъ-Навыворота, и о путешествіяхъ маленькаго китайца Чи-ка-чи, Эскимоса, Индѣйца и другихъ эльфовъ, о томъ, какой у насъ, эльфовъ, есть умный докторъ Мазъ-Перемазъ, который умѣетъ быстро вылечивать всякія болѣзни, о рыбацкѣ Рикки, о стрѣлкѣ-охотникѣ Микѣ и, конечно, обо мнѣ—Мурзилкѣ.

Теперь мы отправились въ новое большое кругосвѣтное путешествіе. На этотъ разъ мы думаемъ объѣхать много странъ. Прежде всего мы захотѣли побывать въ Москвѣ, гдѣ многіе изъ насъ еще никогда не бы-

вали. Путешествіе по Москвѣ должно быть очень интересно. Это такой старинный городъ. Изъ Москвы мы двинемся на югъ, въ теплыя страны.

Чтобы наши друзья-дѣти знали объ этомъ путешествіи, я, Мурзилка, съ согласія всѣхъ другихъ лѣсныхъ малютокъ, рѣшилъ вести въ дорогѣ дневникъ. И я буду записывать рѣшительно все, что съ нами случится во время путешествія.

Итакъ, я приступаю.

II.

Наше путешествіе началось съ Москвы, куда-мы попали на паровозѣ, приведя въ такое изумленіе всѣхъ на станціи.

Управлялъ паровозомъ Знайка, которому не даромъ дано было такое имя: онъ дѣйствительно все зналъ, на всѣ руки былъ мастеръ.

Воспользовавшись тѣмъ, что паровозъ стоялъ безъ присмотра у большого желѣзнодорожнаго зданія, такъ называемаго «депо», Знайка предложилъ прокатить всѣхъ насъ, лѣсныхъ человѣчковъ, на паровозѣ.

Но нужно было сначала растопить па-

ровозъ, а между тѣмъ ни угля, ни дровъ на паровозъ не было.

Не долго думая, мы срубили большое дерево, стоявшее близъ депо, раскололи его на мелкія части, бросили въ печь паровоза, налили въ котелъ воды и, когда появился паръ, двинулись въ путь въ Москву.

Я, Мурзилка, выбралъ себѣ самое опасное мѣсто—на фонарѣ. Я чуть было не сгорѣлъ или, вѣрнѣе, не изжарился: такъ горячо было мѣсто, гдѣ я сидѣлъ. Но... я храбро вынесъ всѣ страданія, между тѣмъ какъ другіе лѣсные человѣчки, сидѣвшіе со мною рядомъ,—Чумилка-Вѣдунъ, Карапузикъ и Кнопка,—не выдержали и у самой станціи спрыгнули внизъ.

Разбѣжавшись съ паровоза въ разныя стороны, чтобы не попасть людямъ въ руки, мы долго впотьмахъ искали другъ друга.

Наконецъ, всѣ сошлись вмѣстѣ.

Началась обычная перекличка.

Дѣдко-Бородачъ выкрикивалъ одно имя за другимъ:

— Скокъ?

— Здѣсь!—раздался тонкій голосъ.

— Вертушка?

— Здѣсь!	
— Докторъ Мазь-Перемазь?	
— Здѣсь!	
— Карапузикъ?	— Пучеглазка?
— Здѣсь!	— Здѣсь!
— Китаецъ Чи-	— Индѣецъ?
ка-чи?	И т. д., и т. д.

Мы срубили большое дерево...

Наконецъ раздался голосъ Дѣдки-Бородача:

— Мурзилка?

Я молчалъ.

— Мурзилка? — повторилъ Дѣдко-Бородачъ. — Мурзилка, гдѣ ты?

— Онъ беретъ холодную ванну послѣ жаркаго путешествія на фонарѣ, — сострилъ Треуголка.

хотѣлъ обидѣться, но рѣшилъ, что лучше думать: я отлично знаю, что лѣсные человѣчки часто смѣются надо мною, конечно изъ зависти, что я самый умный и самый храбрый между эльфами, и потому еще, что я одѣваюсь всегда по послѣдней модѣ и ни у кого изъ лѣсныхъ человѣчковъ нѣтъ ни табушета, ни такой тросточки, ни такой стеклышка въ глазу, какъ у меня.

Когда оказалось, что всѣ лѣсные человѣчки налицо, Дѣдко-Бородачъ заговорилъ снова:

— Мы должны попросить кого-нибудь, кто хорошо знаетъ Москву, чтобы онъ показалъ намъ городъ. Кто знаетъ Москву?

— Я!—вскричалъ Знайка.

— И я!—подхватилъ я.

— Ты, Мурзилка, развѣ былъ въ Москвѣ?—удивился Бородачъ.

— Въ самой Москвѣ я не былъ, но отлично видѣлъ всю Москву, сидя на фонарѣ, когда мы подъѣзжали къ станціи,—отвѣтилъ я.

— Я, собственно, тоже не былъ самъ въ Москвѣ,—сказалъ Знайка,—а только мнѣ о ней такъ подробно рассказывали, что все

равно, что былъ. Я обо всемъ знаю, могу все вамъ показать...

Долго спорили, кого выбрать предводителемъ—Знайку или меня,—и наконецъ, рѣшили выбрать Знайку.

— Итакъ, друзья, — началъ Знайка, когда его выбрали, — мы приедемъ къ осмотру Москвы. Прежде всего поведу васъ въ Кремль: это самое важное мѣсто въ Москвѣ.

Мы отправилсь. Трудно перечислить всѣ улицы, бульвары, площади, по которымъ мы проходили: ихъ было безъ конца. Мы странствовали по городу болѣе половины дня, пока, наконецъ, совершенно не выбились изъ силъ.

— А почему бы намъ не воспользоваться трамваемъ? — предложилъ, наконецъ, кто-то. — Это было бы гораздо скорѣе.

Мы рѣшили попробовать. Подошли къ первой же остановкѣ трамваевъ, дождались вагона, но пришлось остаться на мѣстѣ ждать второго вагона. Оказалось, что при нашемъ маленькомъ ростѣ было совершенно невозможно вскочить на подножку трамвая. Одинъ только Скокъ, прыгавшій лучше всѣхъ, за

что и получилъ свое имя, вскочилъ въ трамвай и укатилъ впередъ. Подошелъ второй трамвай. Мы опять попытались вскочить и такъ же безуспѣшно. Прошло мимо еще нѣсколько вагоновъ, а мы все стояли на мѣстѣ.

— Лучше ужъ идти пѣшкомъ! — замѣтилъ Рикки.

— Стойте, я придумалъ! — вскричалъ вдругъ радостно Заячья Губа. — Дѣлайте то же, что и я. Смотрите

Съ этими словами, онъ вскочилъ на сапогъ какого-то господина, входившаго въ трамвай, и вмѣстѣ съ нимъ очутился внутри вагона. Его примѣру послѣдовали и остальные. Скоро мы всѣ были въ вагонѣ. Последнимъ попалъ въ трамвай я, такъ какъ долго выбиралъ, за чью бы ногу уцѣпиться. Дѣло въ томъ, что отъ растаявшаго на улицѣ снѣга и грязи ноги всѣхъ были довольно сомнительной чистоты, и я боялся испачкать свой костюмъ. Вѣроятно я долго еще выбиралъ бы, если бы не Знайка, который рѣшительно заявилъ, что больше ждать меня не будутъ. Второпяхъ я вскочилъ на чью-то грязную калошу, перепачкалъ свой

костюмъ и, къ довершенію несчастья, чуть не уронилъ съ головы свой цилиндръ.

Мы ѣхали долго. Наконецъ, трамвай остановился, и вся публика изъ него вышла. Мы послѣдовали за всѣми.

Нельзя сказать, чтобы путешествовать по Москвѣ было пріятно, особенно тому, кому, какъ намъ, приходится пробираться украдкой, чтобы не попасть на глаза людямъ. Мы долго блуждали по безконечнымъ улицамъ.

Наконецъ Знайка радостно воскликнулъ:

— Вотъ, смотрите, передъ нами Кремль! Видите эти стѣны: это—стѣны Кремля, а вотъ этотъ колоколъ — это Царь-Колоколъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— А вотъ тутъ, около этой рѣшетки!

Въ самомъ дѣлѣ, на землѣ, около желѣзной ограды, стоялъ огромнѣйшій колоколъ. Такого великана я никогда еще въ жизни не видѣлъ. Неподалеку виднѣлась большая церковь. Возлѣ нея стояла порядочная толпа народа.

— Ну, друзья, — говорилъ, между тѣмъ, Знайка, — не теряйте времени. Пойдемте,

обойдемъ колоколъ со всѣхъ сторонъ. Видите, какой онъ огромный! Онъ очень старый, ему уже нѣсколько сотенъ лѣтъ.

— А почему его не повѣсили на колокольнѣ?—спросилъ Заячья Губа.

— Потому что онъ такъ тяжелъ, что его трудно поднять.

— А я слышалъ, что его пробовали поднять,—заговорилъ Дѣдко-Бородачъ,—да онъ сорвался и при паденіи отъ него откололся порядочный кусокъ.

— Я тоже это слышалъ!—замѣтилъ я.

— И я! И я!—подхватили нѣсколько голосовъ.

— А гдѣ же онъ разбитъ?

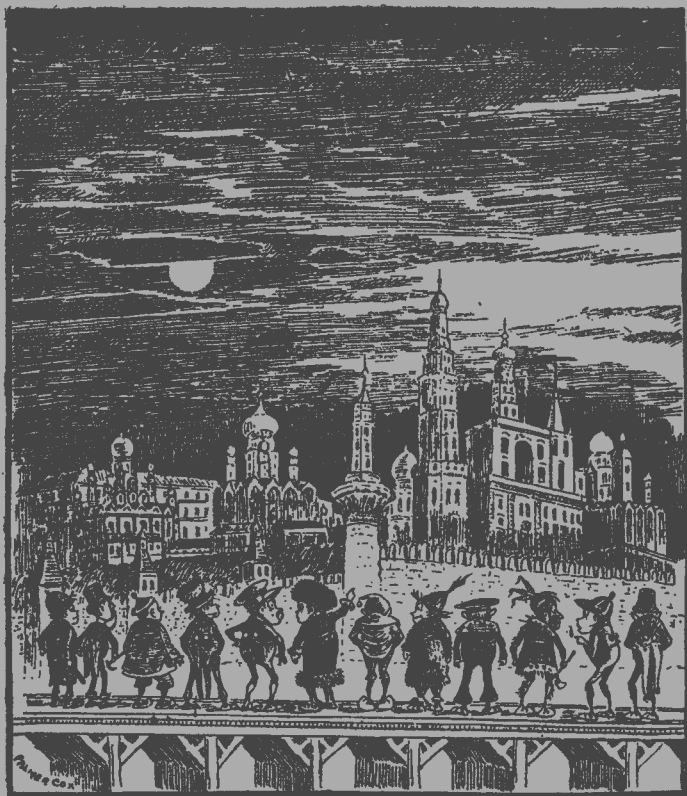
Мы обошли колоколъ со всѣхъ сторонъ пока, наконецъ, замѣтили отверстіе. Вошли во внутрь колокола, походили, разсмотрѣли отбитый кусокъ.

Я попробовалъ ударить по колоколу своей тросточкой. Колоколъ издалъ пріятный густой гулъ.

— Видите, какъ онъ гудитъ!—замѣтилъ Знайка,—сейчасъ видно, что Царь-Колоколъ.

— Слѣдовало бы какъ нибудь огмѣтить

что мы были здѣсь, — предложилъ докторъ Мазь-Перемазь.

— Вотъ смотрите, передъ нами Кремль...

— Недурно было бы! Но какъ? — отозвались многие.

— Я придумалъ!—вскричалъ я.

Схвативъ свою булавку изъ галстуха, я началъ выцарапывать на колоколѣ слова: «здесь былъ Мурзилка». Вышло отлично. Другіе послѣдовали моему примѣру.

Осмотрѣвъ Царь-Колоколъ, мы пошли осматривать Царь-Пушку.

— Вотъ бы намъ пострѣлять изъ этой пушки! — замѣтилъ я. — Тутъ, кстати, и ядра рядомъ лежать.

— Что еще выдумалъ! Развѣ мы справимся!—замѣтилъ Бородачъ.

— Отчего же? — поддержалъ меня охотникъ и стрѣлокъ Микъ.—Я умѣю обращаться съ ружьемъ, а ужъ съ пушкой-то справиться нетрудно.

— А въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы славно поднять вдругъ пальбу на всю Москву. Всѣ бы люди перепугались, забѣгали, стали бы узнавать, что случилось. А мы въ это время спрятались бы!

— Что вы выдумали? Довольно болтать пустяки!—разсердился докторъ Мазъ-Перемазъ.

— Идемте, поднимемся на колокольню Ивана Великаго, — предложилъ Скокъ,—она тутъ же сейчасъ.

Мы подошли къ колокольнѣ и попытались посмотрѣть вверхъ. Она была такъ высока, что верхъ ея терялся гдѣ-то въ небѣ.

Закидывая головы, чтобы взглянуть вверхъ на Ивана Великаго, мы всѣ разроняли свои шляпы и фуражки, но верхушки колоколни такъ и не разглядѣли.

— Вы какъ хотите, а я отказываюсь лѣзть на такую высоту, — сказалъ Мазь-Перемазь, отыскивая на землѣ свой котелокъ-шляпу, валявшійся въ грязи. — Если мы уже теперь растеряли свои шляпы, то что будетъ тамъ наверху?

— Что ты? какъ можно! — возражалъ Знайка. — Кто на Иванѣ Великомъ не бывалъ, тотъ и Москвы не видалъ.

— Намъ придется туда взбираться по крайней мѣрѣ дня два-три, — заговорилъ Бородачъ, — а тутъ теперь такой холодъ, что лучше поскорѣе осмотрѣть остальные достопримѣчательности Москвы да ѣхать куда-нибудь на ночь дальше.

— Я предлагаю вмѣсто колоколни отправиться въ Зоологическій садъ. Это гораздо интереснѣе! — сказалъ Заячья Губа.

— А мнѣ бы хотѣлось осмотрѣть нѣкоторые дворцы здѣсь, въ Кремлѣ, и Грановитую палату, — возразилъ Мазъ-Перемазъ.

Поднялся споръ куда идти. Большинство согласилось, однако, съ докторомъ, и мы отправились на осмотръ.

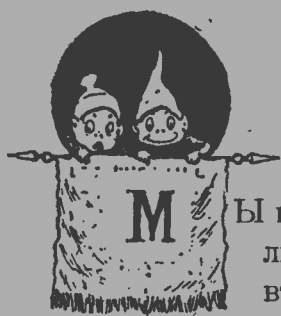
Грановитая палата привела насъ въ восторгъ. Никогда еще намъ не приходилось видѣть такой массы золота, серебра, драгоценностей. Другимъ понравились различные золотые кубки и блюда старинной работы, но меня больше всего заинтересовали роскошныя древнія царскія одѣянія изъ золотой парчи, усѣянныя драгоценными камнями.

Воображаю, какъ красиво выглядѣлъ бы я въ такомъ костюмѣ. Жаль, что не было возможности хоть на минутку накинуть на себя ни одного изъ нихъ: во-первыхъ, тутъ были на каждомъ шагу сторожа, и, во-вторыхъ, всѣ эти одежды были бы слишкомъ велики для меня.

Изъ Грановитой палаты мы прошли въ палаты бояръ Романовыхъ, которыя мнѣ не особенно понравились. Здѣсь тѣсно, довольно темно и нѣтъ такой роскоши, какъ въ Грановитой палатѣ.

Пройдясь по Кремлю, мы вышли, наконецъ, изъ него и пошли посмотрѣть на Москву-рѣку. Полюбовавшись еще разъ открывавшимся отсюда видомъ на Кремль, на его бѣлыя зубчатая стѣны, мы отправились обѣдать—одни въ ресторанъ «Славянскій базаръ», другіе — въ ресторанъ «Москва». Затѣмъ, въ десять часовъ вечера, всѣ собрались на вокзалъ. Раздался третій звонокъ. Пославъ прощальный привѣтъ Москвѣ, мы двинулись въ путь. Прощай, Москва, съ холодными ночами и мокрыми отъ снѣга улицами! Черезъ три дня мы будемъ подъ горячимъ солнцемъ Италіи!

III.

Мы предполагали ѣхать въ Ита-
лію по желѣзной дорогѣ, но
въ послѣднюю минуту рѣ-
шили иначе.

И вотъ почему.

Когда мы подходили къ вокзалу, вдругъ
я первый замѣтилъ подъ облаками какое-
то огромное чудовище, которое качалось
въ воздухѣ и шипѣло, точно мельница.

— Эй, братцы, поглядите-ка на небо! —
воскликнулъ я.

Всѣ эльфы, какъ одинъ человѣкъ, подняли головы къ небу. Многіе отъ удивленія рты разинули.

— Ахъ, это воздушный корабль! — воскликнулъ Знайка.

— Ты хотѣлъ сказать, — воздушный шаръ? — замѣтилъ Скокъ

— Нѣтъ, нѣтъ, именно корабль или, какъ его иначе называютъ, дирижабль, — возразилъ Знайка.

— Воздушный шаръ, воздушный корабль или дирижабль — не все ли равно? — вмѣшался Матросикъ.

— Совсѣмъ не все равно, — объяснилъ Знайка, — дирижабль это такой воздушный корабль, который летитъ туда, куда хотятъ сидящіе въ его лодкѣ, т.-е. его можно направлять куда угодно; а простой воздушный шаръ летитъ туда, куда его понесетъ вѣтеръ.

Въ то время, когда происходилъ этотъ разговоръ, воздушный корабль приближался все больше и больше, такъ что мы легко могли его рассмотреть.

Корабль состоялъ изъ длинной корзины, впереди которой находился руль. Корзина

была прикрѣплена на веревкахъ къ странному парусинному шару, имѣвшему форму длинной сигары, по бокамъ которой находились два быстро вертѣвшихся колеса. Съ лодки была спущена внизъ на землю веревка.

— Братцы, взберемся по этой веревкѣ на шаръ и полетимъ по воздуху!—предложилъ Матросикъ и, не дождавшись отвѣта, схватился съ ловкостью настоящаго матроса за веревку и сталъ по ней взбираться наверхъ. Его примѣру послѣдовали и другіе, кто какъ умѣлъ.

Вскорѣ всѣ мы, лѣсные человѣчки, уже сидѣли: кто въ корзинѣ, кто на длинной сигарѣ, кто на веревкахъ, соединявшихъ ее съ сигарой.

Знайка, тщательно осматрѣвъ корзину, замѣтилъ, что тамъ находится такъ называемый моторъ, и пустилъ его въ ходъ.

Корабль взвился высоко-высоко и, сдѣлавъ крутой поворотъ, полетѣлъ туда, куда его направилъ Знайка.

Я помѣстился у самого борта корзины-лодки и смотрѣлъ сквозь мое стеклышко на птицъ, летавшихъ вокругъ нашего воз-

душнаго корабля и очевидно очень удивлявшихся страннымъ путешественникамъ.

Летѣли мы долго. Подъ нами видны были города, села, деревни, поля, луга, лѣса, озера, рѣки.

— Вотъ это городъ Варшава... вотъ граница Россіи... вотъ здѣсь начинается Австрія... а вотъ и столица Австріи, Вѣна... Еще немножко, и мы уже будемъ въ Италіи, — раздавались объясненія Знайки, который такъ хорошо зналъ весь путь, что узнавалъ сразу всѣ мѣстности, надъ которыми мы пролетали.

Но вотъ передъ нами показалось море.

Мы сидѣли на веревкахъ...

Въ это же самое время Знайка замѣтилъ, что въ моторѣ что-то испортилось и что намъ придется спуститься въ море.

— Но вѣдь мы же всѣ утонемъ!—испуганно воскликнулъ Треуголка.

— Нѣтъ, не бойтесь. Эта корзина-лодка такъ устроена, что она будетъ держаться на водѣ, и мы какъ-нибудь доберемся на ней до берега, а то, быть можетъ, попадется на пути пароходъ, который заберетъ насъ всѣхъ.

Между тѣмъ мы спускались все ниже и ниже къ морю.

— Глядите, глядите, какія страшныя рыбы тутъ въ водѣ!—воскликнулъ Турокъ.

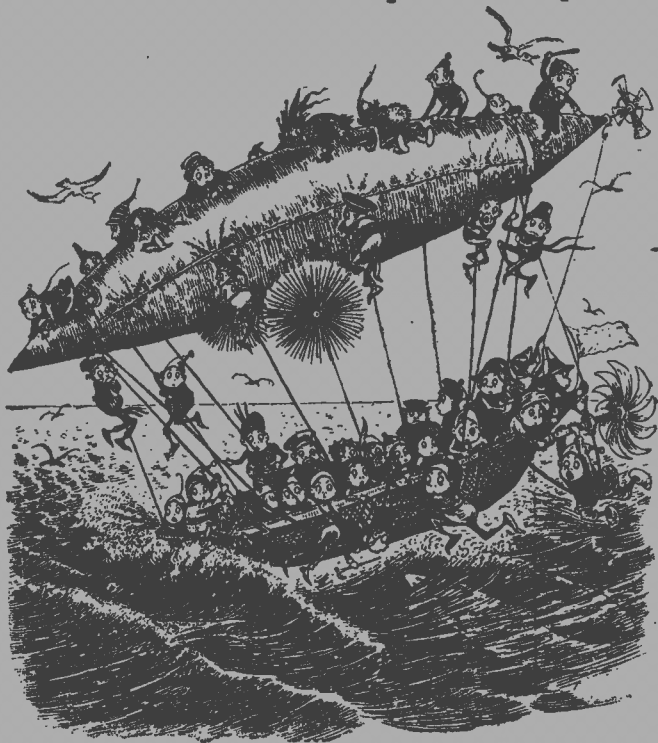
— Это акулы,—сказалъ Рикки,—онѣ очевидно думаютъ, что имъ достанется хорошая добыча, какъ только мы спустимся на воду.

— Я полагаю, что не особенно пріятно быть съѣденнымъ акулою,—замѣтилъ Карпузикъ.

Въ это время сильнымъ порывомъ вѣтра качнуло нашъ корабль такъ, что нѣсколько изъ насъ, лѣсныхъ человѣчковъ, вылетѣли

изъ лодки-корзины и едва удержались кто за бортъ, кто за руль.

Въ числѣ тѣхъ, которыхъ вѣтеръ вы-

Я повисъ на веревкѣ, прикрѣпленной къ лодкѣ-корзинѣ... толкнулъ изъ лодки, былъ и я, Мурзилка. Еще мгновеніе—и я очутился бы въ пасти страшной акулы, которая уже высунула

изъ воды свою голову, чтобы проглотить меня.

Къ счастью, я повисъ на веревкѣ, прикрѣпленной къ лодкѣ-корзинѣ, и благодаря этому не упалъ въ воду.

Знайка, между тѣмъ, замѣтилъ опасность, сдѣлалъ какой-то поворотъ въ моторѣ, и нашъ корабль опять взвился въ облака.

Черезъ три минуты мы уже благополучно спустились на берегъ.

IV.

— Ура! Приѣхали! Стопъ! Поздравляю, господа! — заговорилъ Знайка, когда нашъ воздушный корабль плавно опустился на землю.

Ура! Ура! — закричали мы разомъ и моментально выскочили изъ корзины.

— Мы были на берегу моря. Невдалекѣ виднѣлся какой-то небольшой городокъ.

— Гдѣ мы? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Въ Италіи, — увѣренно отвѣтилъ Знайка.

— А гдѣ именно?

— Не знаю! Вотъ посмотримъ!

Мы быстро зашагали къ городу, около котораго спустились.

— Съ чего же мы начнемъ наше первое знакомство съ Италіей?—спросилъ Скокъ.

— Нужно бы раздобыть географическую карту и путеводитель по Италиі,—замѣтилъ Чи-ка-чи, много путешествовавшій въ своей жизни.

— Къ чему карту? Я все знаю и безъ карты,—обидѣлся Знайка.

Однако, большинство эльфовъ рѣшило все-таки приобрести карту.

Знайка надулся, но промолчалъ.

Попавъ въ городъ, который оказался очень маленькимъ, чуть не деревней, мы долго напрасно искали книжнаго магазина. Наконецъ, совершенно случайно мы очутились передъ зданіемъ какой-то школы.

— Превосходная мысль! — воскликнулъ вдругъ Скокъ, ударяя себя по лбу.

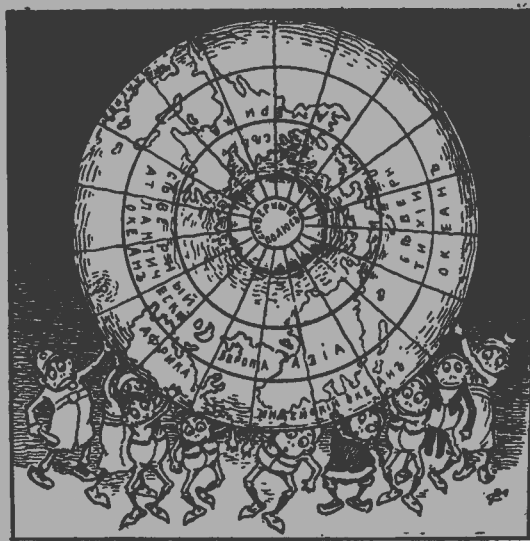
— Въ чемъ дѣло?

— Здѣсь мы достанемъ любую карту!—заговорилъ снова Скокъ.

— Гдѣ?—удивился я.

— Въ школѣ! Навѣрно, тамъ много
какихъ-угодно картъ.

— Молодецъ Скокъ! — похвалилъ докторъ Мазъ-Перемазъ. — Гдѣ-жъ и быть картамъ, какъ не въ школѣ!

Мы окружили глобусъ...

Живѣе туда!

Черезъ пять минутъ мы были уже въ
пустыхъ классахъ школы. Ничего не было
легче, какъ отыскать карты. Но ихъ оказа-
лось очень много! Какую же изъ нихъ

взять? Вѣдь мы собирались совершить кругосвѣтное путешествіе. Не всѣ же карты тащить?—Это слишкомъ много!

— Господа, а это что за штука?—спросилъ вдругъ Треуголка, указывая на какой-то большой цестрый стеклянный шаръ

— Это глобусъ, изображающій земной шаръ! — объяснилъ Знайка.—Да чего же еще лучше! — воскликнулъ онъ вдругъ. — Вмѣсто картъ возьмемъ глобусъ. Тутъ вся земля будетъ передъ нами.

— Отлично! Bravo, Скокъ! Умница! — закричали всѣ.

Всей толпой мы окружили глобусъ и подхватили его на плечи.

— А на чемъ же его ставятъ?—спросилъ я, — вѣдь такъ онъ не будетъ держаться.

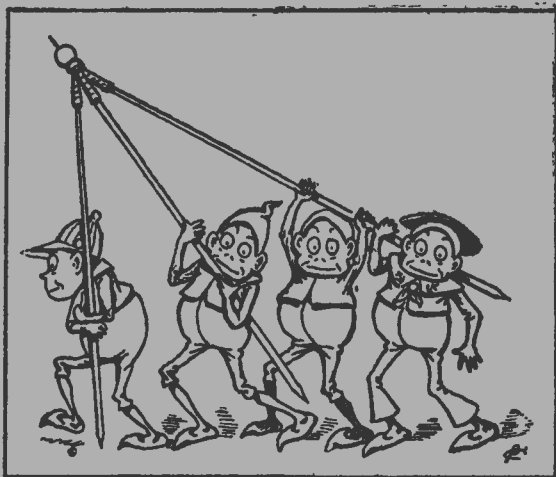
— А вотъ на этой подставкѣ-треножникѣ.

— Бери, ребята, и подставку!

Заячья Губа, Скокъ, Матросикъ и Пуговица схватили подставку, и шествіе двинулось.

Когда мы тащили глобусъ къ выходу, кто-то вдругъ споткнулся о порогъ.

Толчокъ передался другимъ. Кто-то свалился. За нимъ упало еще нѣсколько малютокъ. Глобусъ дрогнулъ и... разбился. Раздался звонъ стекла, испуганные крики,

— Бери, ребята, и подставку...

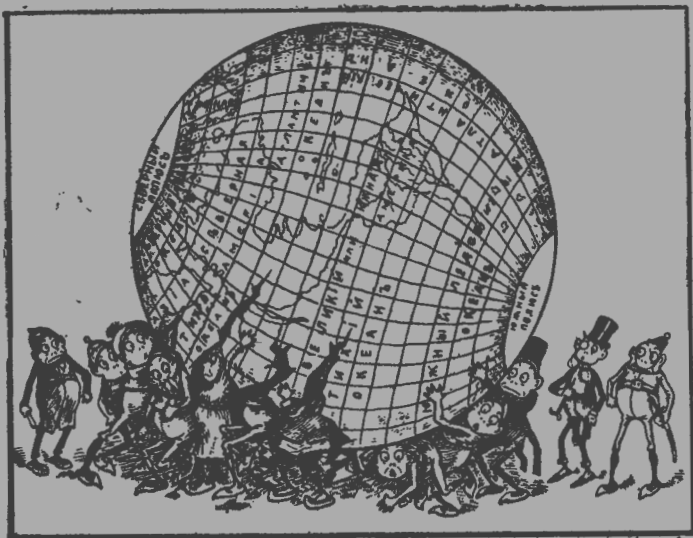
стоны... Оказалось, что у многихъ были ранены головы, а Скоку осколкомъ стекла поранило даже глазъ.

— Докторъ, скорѣй на помощь! Ай-ай-ой! Больно.

— Докторъ, помогите! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Докторъ Мазь-Перемазь метался отъ одного раненаго къ другому, не зная, кому первому подать помощь.

Наконецъ, всѣ пострадавшіе были уса-

Глобусъ дрогнулъ и разбился...

жены на одну скамейку. Ихъ было пятеро. Мазь-Перемазь осмотрѣлъ раны и сказалъ:

— Пустяки! Легкія царапины! Сейчасъ я перевяжу ихъ. Помогите-ка мнѣ кто-нибудь!

Дѣдко-Бородачъ и Индѣецъ вызвались помогать.

Докторъ порылся въ своей походной аптечкѣ и, доставъ оттуда нѣсколько склянокъ съ лекарствомъ, быстро принялся за дѣло.

Дѣдко-Бородачъ и Индѣецъ усердно по-

Дѣдко Бородачъ и Индѣецъ усердно помогали ему...

могали ему. Скоро всѣ раны были перевязаны, и мы могли двинуться дальше.

Вдругъ Треуголка выглянулъ въ окно.

— Господа, какой дождь на дворѣ!— воскликнулъ онъ.

— Что дѣлать? Вѣдь у насъ нѣтъ ни калошъ, ни зонтиковъ! Придется ждать!— сказалъ я.— Не портить же подъ дождемъ платья!

— Ну, вотъ еще, что выдумалъ — ждать! — возразилъ Карапузикъ. — Что сдѣлается нашимъ костюмамъ?

— Однако, идти подъ дождемъ непріятно! — поддѣрживали меня нѣкоторые.

Другіе были за то, чтобы идти дальше, несмотря на дождь.

— Неужели ни у кого нѣтъ зонта? — говорилъ Тузилка.

— Не можете же вы всѣ спрятаться подъ моимъ зонтикомъ! — сказалъ Фунтикъ, никогда не расстававшійся съ калошами и огромнымъ дождевымъ зонтомъ.

— А зачѣмъ намъ зонтики, когда тутъ столько книгъ? — сказалъ находчивый китаецъ Чи-ка-чи. — Раскрылъ книгу, надѣлъ на голову, вотъ и готово!

Мы всѣ послѣдовали мудрому совѣту, вынесли цѣлую кучу книгъ и, закрывшись ими, храбро выступили на улицу.

Фунтикъ, Вертушка и Треуголка захватили съ собой еще по нѣсколько книгъ, чтобъ почитать ихъ потомъ какъ-нибудь на досугѣ. Скокъ тоже взялъ съ собой двѣ книги, а вмѣсто зонтика прикрылся географической картой.

Такъ мы шли довольно долго. Книги наши намокли и тащить ихъ стало очень тяжело. Дождь, между прочимъ, совсѣмъ пересталъ. Унѣ давно уже надоѣло тащить книгу.

Мы вынесли цѣлую кучу книгъ...

Недолго думая, я ее бросилъ и быстро зашагалъ впередъ.

Вдругъ передо мной выросъ высокій деревянный заборъ. Вправо и влево тянулся онъ, совершенно заграждая дорогу.

Куда же идти?

Я минуту подумалъ и... вскочилъ на него. За заборомъ тянулись деревянные мостки, устроенные надъ канавой.

Я расправилъ фалды своего фрака, поправилъ стеклышко и цилиндръ, нацѣлился, но... трахъ-трахъ-кракъ... мостки подломпились, и я очутился въ канавѣ.

— Караулъ... спасите... помогите! — закричалъ я благимъ матомъ.

Къ счастью, въ эту минуту всѣ лѣс-

Закрывшись книгами, мы выступили на улицу. .

ные малютки были уже у забора и во-время успѣли мнѣ помочь.

Матросикъ подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ меня за руки.

Я отдѣлался только испугомъ и тѣмъ, что испортилъ свой костюмъ.

Еще не успѣлъ я вылѣзть изъ канавы, какъ споткнулся Дѣдко-Бородачъ и растянулся прямо въ самую грязь.

Оправившись отъ испуга, почистившись, насколько было возможно, мы рѣшили двинуться дальше. Однако, наши костюмы были

Матросикъ подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ меня за руки...

въ такомъ отчаянномъ видѣ, что путешествовать въ нихъ по городу было рѣшительно невозможно.

Огорченные, усталые, грязные и голодные, мы рѣшили пробраться снова къ своему дирижаблю, чтобъ, поднявшись на немъ, опуститься гдѣ-нибудь въ болѣе интересномъ мѣстѣ, чѣмъ этотъ захудалый городокъ.

Однако, не успѣли мы еще дойти до нашего воздушнаго корабля, какъ нашъ планъ измѣнился.

Идя берегомъ моря, мы услышали вдругъ разговоръ двухъ рыбаковъ, изъ котораго поняли, что они сегодня же со своей лодкой отправляются моремъ на базаръ въ Венецію.

— Въ Венецію! — воскликнулъ Знайка. — Вотъ чудесно! Я и не зналъ, что мы такъ близко отъ этого удивительнаго города! Это совсѣмъ необыкновенный городъ! — продолжалъ Знайка.

— А чѣмъ онъ замѣчателенъ? — спросилъ я.

— Сами увидите! — лукаво отвѣтилъ Знайка.

Незамѣтно для рыбаковъ мы ловко, одинъ за другимъ, вскочили въ ихъ лодку, спрятались на ея днѣ и стали ждать.

Ожидать пришлось недолго. Скоро мы двинулись въ путь.

Что за чудная это была прогулка по морю! Небо — чистое, темно-синее, бездонное; море — тихое, тихое, голубое, какъ бирюза!

Мы не переставали хвалить итальянское небо и море и восхищаться поѣздкой. Но нашъ восторгъ увеличился еще болѣе, когда мы подѣхали къ городу и повернули на лодкѣ въ одну изъ его улицъ. Оказалось, что Венеція совсѣмъ необыкновенный городъ: тамъ всюду вмѣсто улицъ — каналы, а вмѣсто экипажей — лодки.

Полные изумленія и восторга, забывъ и объ усталости, и о голодѣ, смотрѣли мы вокругъ себя. По темнымъ узкимъ каналамъ, окруженнымъ великолѣпными старинными домами и дворцами, скользили большія узкія венеціанскія лодки... Всюду слышался пріятный итальянскій говоръ, оживленный смѣхъ, даже пѣсни. Повидимому, итальянцы очень живой, веселый народъ.

— Какъ только наша лодка причалитъ, — сказалъ Знайка, — мы сойдемъ съ нея, возьмемъ гондолу и прокатимся по лучшимъ улицамъ Венеціи.

— Что такое гондола?—спросилъ Скокъ.

— А это лодки, замѣняющія тутъ экипажи. Вотъ посмотрите!

Мимо насъ во всѣхъ направленіяхъ сновали гондолы.

Рыбаки довели насъ до большой площади, гдѣ происходятъ базары, и мы тамъ такъ же незамѣтно покинули ихъ лодку, какъ и влѣзли въ нее.

— Знаете что, господа? — заговорилъ докторъ Мазъ-Перемазь, — я предлагаю теперь, прежде чѣмъ кататься въ гондолѣ, пойти гдѣ-нибудь пообѣдать хорошенько, а потомъ уже и гулять.

Всѣ единодушно приняли его предложеніе и направились въ ближайшую же гостиницу.

Послѣ плотнаго обѣда, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ разной рыбы, излюбленныхъ итальянскихъ макаронъ и фруктовъ, мы рѣшили немного отдохнуть.

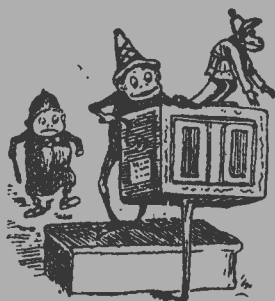
Мнѣ казалось, что я спалъ не болѣе получаса, какъ вдругъ услыхалъ надъ самымъ своимъ ухомъ громкіе звуки шарманки.

Недоумѣвая, вскочилъ я съ постели, — и что-же?

Въ комнатѣ стоялъ проказникъ Вертушка около шарманки и отчаянно крутилъ ея ручку. Хриплая, старая шарманка заунывно играла какую-то старинную итальянскую пѣсенку. Сверху ящика, привязанная цѣпочкой, танцевала тощая, маленькая обезьяна.

Всѣ лѣсные малютки, разбуженные и испуганные музыкой, недоумѣваяще протирали себѣ глаза.

— Вертушка, что это тебѣ вздумалось? — зѣвая, заговорилъ Чумилка-Вѣдунъ. — Только спать

стоялъ проказникъ Вертушка около шарманки...

Но Вертушка, смѣясь и кривляясь, еще живѣе завертѣлъ ручку шарманки и громко запѣлъ:

Вставайте, сони,
Полно спать!
Пойдемте лучше
Погулить!
Смотрите-ка
Скорѣй въ окно,
Гондола ждетъ насъ
Тамъ давно.

— Тсс... тише, тише, Вертушка! — закричалъ Тузилка, вбѣгая въ комнату. — Наши сосѣди сердятся на шумъ, еще жаловаться будутъ.

— Пойдемте лучше
Погуля-ять!

пѣлъ, между тѣмъ, не унимаясь, Вертушка.

— Господа, а вѣдь и правда, насъ ждетъ гондола! — проговорилъ Дѣдко-Бородачъ, заглянувъ за окно.

Мы взглянули на улицу. Около гондолы на мостикѣ стоялъ Матросикъ съ большимъ весломъ въ рукахъ.

На мостикѣ
стоялъ Ма-
тросикъ...

Мы живо одѣлись и выскочили на улицу.

Гондола оказалась небольшой, и мы съ трудомъ въ ней помѣстились.

Около двухъ часовъ катались мы по каналамъ Венеціи, любуясь роскошными старинными постройками, удивительно красивыми мостиками и пестрой суетой на каналахъ. Особенно намъ понравился знаменитый большой дворецъ, который, какъ объяснилъ Знайка, называется «Дворецъ до-

жей». Также понравился намъ старый соборъ Св. Марка.

Гондола налетѣла на каменный мостъ.

— Святой Маркъ считается покровителемъ Венеціи, — сказалъ намъ опять Знайка.

— Воображаю, какъ красива Венеція

вечеромъ, когда всюду сверкають огни, — заговорилъ Матросикъ, бывшій нашимъ гондольеромъ, т. е. управлявшій гондолой. — Представьте себѣ всюду разноцвѣтные фонарики, таинственный полумракъ, гладкія воды каналовъ и...

Онъ не успѣлъ окончить, какъ раздался трескъ и отчаянные крики: — «Тонемъ, тонемъ!»

Матросикъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ гондола налетѣла на каменный мостъ. Отъ толчка она сильно накренилась и, зачерпнувъ воды, стала тонуть.

Мы всѣ очутились въ водѣ, выбиваясь изъ силъ, чтобъ добраться до берега.

Къ счастью, никто не утозулъ.

Эта неудачная поѣздка въ гондолѣ насъ такъ испугала, что все удовольствіе отъ Венеціи и нашъ прежній восторгъ пропали.

Я первый заговорилъ объ отъѣздѣ отсюда.

— Что это за городъ, гдѣ каждую минуту можно, совершенно помимо желанія, выкупаться? — говорилъ я.

— Если жаркая погода, это даже пріятно! — смѣясь, возразилъ мнѣ Треуголка.

— Нѣтъ, ужъ увольте отъ этого! Я предпочитаю купаться въ открытомъ морѣ и безъ фрака!—говорилъ я.

— Ахъ, ты, франтъ! Фрака жалѣешь!

— Да и струсилъ къ тому же!—заговорили эльфы на мой счетъ.

Но на самомъ дѣлѣ, они всѣ тогда струсили не менѣе моего. Какъ бы тамъ ни было, а черезъ часъ мы стали уже укладываться и на другое же утро двинулись на вокзалъ, чтобъ поѣздомъ ѣхать въ Римъ.

V.

Быстро мчалъ насъ поѣздъ по дорогѣ въ Римъ, — столицу Италіи.

На остановкахъ мы часто выходили изъ вагона и прогуливались по платформѣ.

На одной изъ станцій нашъ поѣздъ стоялъ почему-то особенно долго.

Сначала мы весело прогуливались вдоль платформы, а потомъ долгая стоянка насъ стала беспокоить.

— Такъ мы никогда не доѣдемъ до Рима, — жаловался Скокъ.

— А почему мы стоимъ? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ доктора Мазъ-Перемазъ.

Но тотъ не зналъ.

— Вотъ идетъ Знайка съ Матросикомъ, — замѣтилъ докторъ, — спросимъ ихъ.

Однако, Знайка съ Матросикомъ тоже не знали.

— Впрочемъ, — отвѣтилъ Знайка, — вѣроятно что-нибудь испортилось въ машинѣ.

— Пойдемъ, — обратился онъ къ Матросику, — узнаемъ.

— И я съ вами пойду, — сказалъ я.

— И я!

— И я тоже!

— Возьмите и меня!

Всѣ лѣсные малютки хотѣли знать, что случилось съ машиной.

Цѣлой компаніей двинулись мы къ паровозу.

Знайка, знавшій рѣшительно все на свѣтѣ, смѣло выступилъ впередъ и началъ производить осмотръ паровоза: всюду заглядывалъ, открывалъ и закрывалъ разные клапаны, вертѣлъ винты.

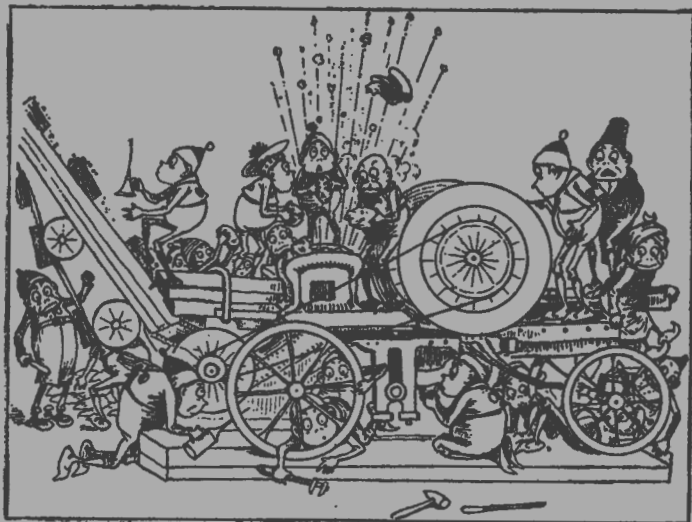
— Ну, вотъ и починилъ имъ машину! —

— Пойдемъ, — обратился онъ къ Матросику, — узнаемъ...

заговорилъ онъ, наконецъ, — теперь только подбросить угля въ печь, и тогда все въ исправности.

И онъ сталъ бросать уголь.

Знайка открывалъ и закрывалъ разные клапаны...

— А это не опасно? — спросилъ я.

— Что?

— Бросать уголь?

— Конечно, нѣтъ! Нисколько.

— Такъ и я тебѣ помогу!

Я осторожно поднялъ кверху рукава своего фрака, чтобъ ихъ не испачкать, и принялся бросать уголь.

Другіе тоже послѣдовали моему примѣру.

Скоро печь была полна угля.

Огонь весело трещалъ. Искры далеко летѣли во всѣ стороны.

— Смотри, Знайка, какъ бы не надѣлать намъ бѣды! — предостерегающе замѣтилъ Бородачъ. — Разведемъ пары, раскалимъ печь, еще котель разорветъ...

— Не беспокойтесь, я отлично знаю все... Впрочемъ, довольно угля.

— Послѣдній разъ брошу! — отозвался я, подходя къ самой печкѣ.

Вдругъ оттуда съ трескомъ вылетѣлъ цѣлый снопъ искръ. Мнѣ чуть не опалило все лицо. Съ крикомъ я отскочилъ въ сторону.

— Вотъ видишь! — укоризненно покачалъ головой Дѣдко - Бородачъ. — Отойдемте-ка отсюда! — осторожно продолжалъ онъ, прислушиваясь къ какому-то необыкновенному шуму внутри паровоза.

Мы двинулись вдоль платформы. Но не прошли и шаговъ десяти, какъ я почув-

ствовалъ, что мнѣ сильно жжетъ голову. Въ то же время запахло гарью.

— Ай-ай-ай, горю! — закричалъ я, хватаясь за голову.

— У Мурзилки цилиндръ горитъ! — закричалъ Заячья-Губа, смѣшно разставляя свои коротенькія руки и вытаращивъ глаза.

— Долой цилиндръ, скорѣе! — подскочивъ ко мнѣ, крикнулъ Скокъ и ловко сбросилъ съ меня шляпу.

Бѣдный мой цилиндръ! Отъ него столбомъ валилъ дымъ. Очевидно, онъ загорѣлся отъ искры.

— Братцы, спасайте мою шляпу! Пожаръ! — кричалъ я, метаясь вокругъ злополучнаго цилиндра.

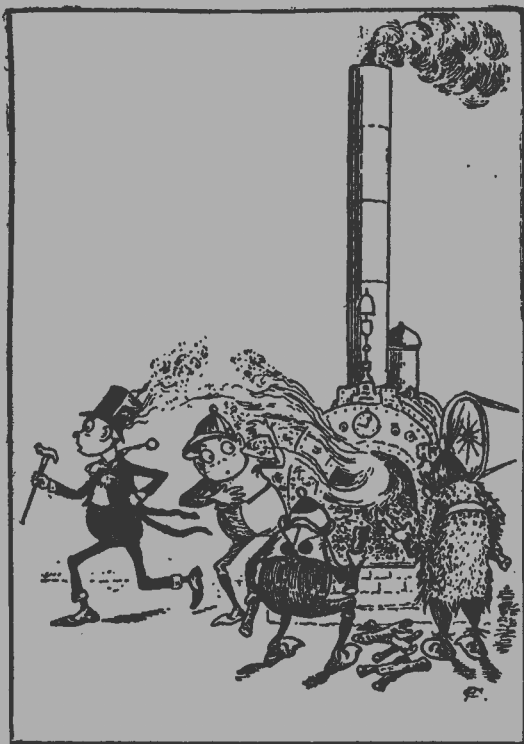
Всѣ растерялись и стояли, не двигаясь съ мѣста. Только я одинъ бѣгалъ вокругъ цилиндра и, что было силы, дулъ на него.

— Мурзилка, вѣдь ты еще хуже только раздуваешь огонь! Перестань дуть! — закричалъ мнѣ Дѣдко-Бородачъ.

— Мой цилиндръ! Мой цилиндръ! — стоналъ я.

Откуда-то въ это время выскочилъ Карапузикъ съ лейкой въ рукахъ. Однимъ

движеніемъ руки опрокинулъ онъ лейку на шляпу и моментально прекратилъ огонь.

Я съ крикомъ отскочилъ въ сторону...

— Молодецъ Карпузикъ! — похвалилъ Бородачъ.

Я поднялъ свою шляпу. Въ какомъ ужас-

номъ видѣ она была! Вся намокла, сморщилась, дно прогорѣло.

Я чуть не плакалъ.

— Ничего, — утѣшалъ меня Треуголка, — была бы голова на плечахъ, а шляпа...

Онъ не договорилъ. Изъ паровоза раздалось какое-то клокотаніе, шипѣніе, шумъ, и, къ нашему удивленію, онъ быстро покати́лъ вдоль рельсъ.

Заячья-Губа
разставилъ
свои руки...

— Поѣздъ ушелъ безъ насъ! Надо бѣжать вдогонку за нимъ! — кричалъ Скокъ.

— Скорѣе! Скорѣе! Догоняйте! — кричали другіе.

Но догнать поѣздъ мы, конечно, не могли.

— Какъ это такъ вышло? — недоумѣвалъ докторъ Мазь-Перемазь, а съ нимъ вмѣстѣ Дѣдко-Бородачъ, Треуголка и многіе другіе.

Машинисты, кочегары, вся поѣздная прислуга, начальникъ станціи, словомъ, всѣ тоже недоумѣвали, какимъ образомъ паровозъ, отцѣпленный отъ всего поѣзда, холодный, безъ машиниста, могъ укатить вдругъ совсѣмъ одинъ?

Это зналъ только Знайка, вертѣвшій и

открывавшій всѣ клапаны и винты и разво-
дившій пары.

— Вотъ и жди теперь слѣдующаго по-
ѣзда!—ворчалъ Дѣдко-Бородачъ.

Онъ опрокинулъ лейку на шляпу...

Впрочемъ, ждать намъ пришлось недол-
го. Скоро былъ поданъ новый поѣздъ, и мы
сѣли въ вагонъ.

Дорогой Знайка рассказалъ намъ исто-
рію Рима.

— Этотъ городъ, — говорилъ онъ, — осно-

вать давно-давно двумя братьями Ромуломъ и Ремомъ. Когда они только что родились, жестокий царь Апулій приказалъ бросить ихъ обоихъ въ рѣку Тибръ. Крикъ дѣтокъ случайно услыхала волчица. Ей стало жаль бѣдныхъ брошенныхъ малютокъ, и она вскормила ихъ. Потомъ ихъ нашелъ одинъ пастухъ и взялъ къ себѣ. Когда братья выросли, то они наказали за жестокость злого царя Апулія и затѣмъ основали новый городъ на берегу Тибра. Этотъ городъ и сталъ называться Римъ. Городъ Римъ быстро разрослся, украсился великолѣпными дворцами, храмами, статуями. Остатки этихъ дворцовъ и храмовъ сохранились и до сихъ поръ. Теперь въ Римѣ мы ихъ увидимъ, — закончилъ свой рассказъ Знайка.

— А Римъ большой городъ? — спросилъ кто-то изъ эльфовъ.

— Да, очень большой, — отвѣтилъ Знайка, — вѣдь это столица Италіи. Въ древнія времена это былъ главный городъ, самаго могущественнаго государства — Римскаго. Тогда Римъ считался первымъ городомъ во всемъ мірѣ.

Такъ незамѣтно, за разговорами, мы подѣхали и къ Риму.

— Куда же мы пойдемъ прежде всего! — спросилъ Скокъ, когда шумной толпой мы всѣ вышли изъ вагона.

— Прежде всего мы пойдемъ, — сказалъ я, — въ шляпный магазинъ...

— Ха-ха-ха! — расхохотался Скокъ. — Зачѣмъ тебѣ?

— Не могу же я ходить въ прожженномъ насквозь цилиндрѣ!

— Охъ, ужъ этотъ Мурзилка-франтъ! — качалъ головой Дѣдко-Бородачъ. — Поѣздъ ушелъ безъ насъ, — кричалъ Скокъ...

— Ну, что-жъ? Гдѣ-нибудь по дорогѣ зайдемъ, купимъ! — согласился Знайка. — А пока пройдемся просто по улицамъ Рима, чтобъ лучше съ нимъ ознакомиться.

Мы двинулись.

Римъ оказался очень красивымъ городомъ съ массой прекрасныхъ зданій, мраморныхъ памятниковъ, роскошныхъ дворцовъ.

По дорогѣ я зашелъ въ магазинъ, купилъ себѣ шляпу, потомъ зашелъ въ па-

рикмахерскую, чтобъ привести въ порядокъ свою прическу.

Когда я вышелъ оттуда, выбритый, причесанный, надушенный, въ новомъ блестящемъ цилиндрѣ—все ахнули, такъ я эффектно выглядѣлъ.

— Ну, теперь я готовъ идти куда угодно,—сказалъ я.—Кстати, что это за церковь?

Мы проходили по большой площади, на которой гордо высилась какая-то большая церковь, удивительно красивая.

— Это одна изъ достопримѣчательностей Рима,—отвѣтилъ Звайка,—соборъ Св. Петра. Обратите вниманіе, господа, какая чудная его отдѣлка, какъ онъ художественно сдѣланъ.

— А что, господа,—заговорилъ Скокъ,—не взобраться ли намъ на верхъ собора? Навѣрно, оттуда чудесно виденъ весь Римъ.

— Еще бы! Какая высота!—промолвилъ Карапузикъ, закидывая назадъ свою большую голову.

— Давайте, взберемся туда!

— Отлично!

Мы начали взбираться. Сначала добрались до купола.

— Какъ же дальше? Крыша купола такая скользкая, по ней не взберешься! — сказалъ я.

— Пустяки! — отвѣтилъ Матросикъ. — Я взберусь куда угодно!

И онъ съ ловкостью истаго матроса полѣзъ на крышу. Скоро онъ сидѣлъ уже на карнизѣ одного изъ маленькихъ окошечекъ и весело махалъ намъ оттуда своей матросской шапочкой.

Я эффектно выглядѣлъ...

— Теперь полѣзайте сюда вы! Вотъ вамъ веревка!

Онъ спустилъ веревку, случайно оказавшуюся у него въ карманѣ, и помогъ намъ подняться вверхъ. Съ помощью той же веревки скоро мы всѣ были на верху собора, облѣпивъ его со всѣхъ сторонъ, какъ мухи.

Подъ нами внизу на нѣсколькихъ холмахъ красиво раскинулся Римъ. Онъ весь былъ тутъ на виду.

— А что это за стѣны, вотъ тамъ на склонѣ холма? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ, указывая на развалины какихъ-то огромныхъ стѣнъ, расположенныхъ амфитеатромъ.

— Это Колизей — древній циркъ. Тутъ когда-то устраивались игры, состязанія, звѣринныя травли. Нерѣдко тутъ выпускали людей бороться съ дикими звѣрями — львами, тиграми...

— Ахъ, какъ это интересно! Пойдемте туда скорѣе! — предложилъ Скокъ.

— Пойдемъ, пойдемъ! — заговорили другіе.

Быстро спустившись съ крыши собора, мы направились разсматривать развалины Колизея.

Время сильно разрушило циркъ. Всѣ стѣны его были въ трещинахъ, полуразрушенныя; огромныя мраморныя ступени, ведущія къ аренѣ, развалились, стерлись, изъ щелей проглядывалъ зеленый мохъ и стебли травы. И все-таки, несмотря на это, Колизей былъ удивительно красивъ и величественъ.

Мы разбрелись во всѣ стороны.

Я какъ-то побаивался идти въ Колизей, мнѣ было жутко при мысли, что тутъ происходила борьба между людьми и львами.

— Ты, кажется, трусишь? — спросилъ меня Индѣецъ.

— Нѣтъ, не боюсь, а все-таки, вдругъ тутъ спрятался гдѣ-нибудь левъ или тигръ...

— Ха-ха-ха! Вотъ чудакъ, вѣдь все было тысячу лѣтъ тому назадъ...

— Ахъ, такъ давно! Что же онъ не сказалъ?

Я смѣло двинулся впередъ, но... тотчасъ попятился: въ одной изъ трещинъ что-то зашуршало, завозилося, застонало.

— Ай-ай-ай! Тигръ душить кого-то! — закричалъ я, бросаясь прочь.

Многіе изъ эльфовъ бросились за мной.

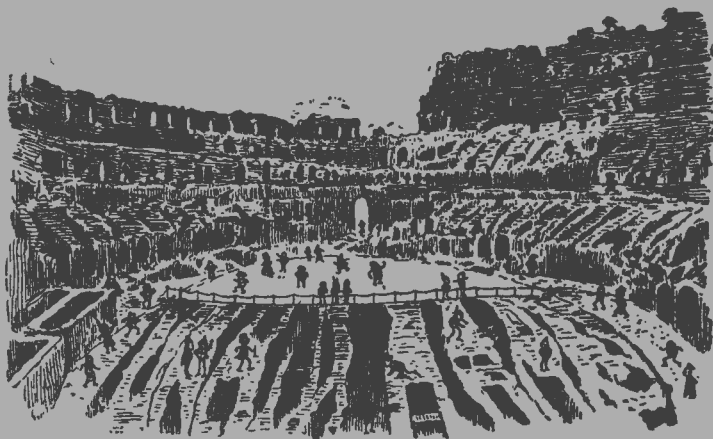
— Ай-ай! звѣри! — кричалъ я.

Мы были на верху собора..

Въ это время въ трещинѣ шумъ и возня усилились еще больше.

Закрывъ глаза и зажавъ уши, я безъ оглядки пустился бѣжать къ выходу и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока не натолкнулся

Мы разбредись во всѣ стороны...

на что-то. Въ страхѣ открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собой китайца Чи-ка-чи.

— Что съ тобой?—спросилъ Чи-ка-чи, широко раскрывая свои узкіе глазки.

— Тигръ!.. левъ!.. спасайся!—только и могъ вымолвить я.

Въ это время къ намъ подошли другіе

товарищи. Они рассказали удивленному китайцу, какъ было дѣло.

Оказалось, что то, что я принялъ за дикаго звѣря, былъ всего лишь голубь, свившій себѣ гнѣздо въ трещинѣ.

Товарищи много смѣялись, называя меня трусомъ, но я считаю, что лучше пять разъ ошибиться, чѣмъ одинъ разъ попасть въ когти льва или тигра. Осторожность никогда не мѣшаетъ!

На другой день, осмотрѣвъ достаточно Римъ, мы рѣшили двинуться дальше.

— Куда же теперь? — совѣтовались мы другъ съ другомъ.

— Мнѣ кажется, — замѣтилъ Индѣецъ, — съ Италіей мы ознакомились хорошо, поѣдемъ теперь въ Испанію.

— Я предложилъ бы вамъ, — сказалъ Знайка, — заѣхать еще въ Помпею.

— А что это такое? — спросилъ Скокъ.

— Это городъ, много лѣтъ тому назадъ засыпанный пепломъ и уничтоженный лавой при изверженіи вулкана Везувія. Тогда при изверженіи сразу два города — Помпея и

— Что съ тобой! —
спросилъ
Чи-ка-чи..

Геркуланумъ — были совершенно уничтожены; при этомъ погибло много тысячъ людей, и всѣ зданія скрылись подъ пепломъ и лавой...

Мы очутились въ Помпѣй...

— Ты сейчасъ сказалъ «подъ лавой». Что это такое лава?—спросилъ внимательно прислушивавшійся Карапузикъ.

— Лава это смѣсь изъ расплавлѣнныхъ камней, которую выбрасываетъ вулканъ

изъ своего жерла во время изверженія,—
объяснилъ Знайка.

— Такъ, значить, теперь уже не существуетъ ни Помпеи, ни Геркуланума?—
опять спросилъ Карапузикъ.

— Теперь тамъ производятся раскопки и
постепенно изъ-подъ пепла встаютъ цѣлыя
улицы.

— Ахъ, скорѣе туда! Это, должно быть,
замѣчательно интересно.

Мы быстро добрались до вокзала, сѣли
въ поѣздъ и скоро очутились уже въ Помпеѣ.

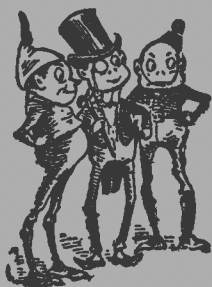
Тутъ было все такъ, какъ рассказывалъ
Знайка. Мѣстами цѣлые дома сохранились
въ такомъ видѣ, какъ ихъ засыпало при
изверженіи, мѣстами зданія были полураз-
рушены.

Проблуждавъ по этому мертвому городу
около полудня, мы рѣшили двинуться
дальше—въ Испанію.

IV.

Прошло уже болѣе двухъ недѣль, какъ мы были въ Испаніи. Мы изѣздили ее вдоль и поперекъ, побывали въ ея столицѣ—Мадридѣ, взбирались на Пиринейскія горы, катались по нѣкоторымъ испанскимъ рѣкамъ и, наконецъ, очутились какъ-то на берегу моря.

Погода была великолѣпная, день ясный, море спокойное.

Мы прогуливались по берегу, любовались видомъ на море и тихо бесѣдовали между собой.

— Вотъ бы прокатиться на лодкѣ! — сказалъ Скокъ. — Погода такая чудесная!

— Недурно было бы! — согласился Дѣдко-Бородачъ.

— Отлично! Ёдемъ! Ёдемъ! — подхватили мы всѣ.

— Ха-ха-ха! — разсмѣялся Пуговка, раскрывая свой огромный, какъ у щуки, ротъ. — А на чемъ мы поѣдемъ? Гдѣ же лодка?

Мы оглядѣлись вокругъ. Въ самомъ дѣлѣ, лодки нигдѣ не было видно.

— Ха-ха-ха! Далеко уѣхали! — хохоталъ Пуговка.

— А я вамъ говорю, что лодка должна быть! — заявилъ вдругъ Рикки.

— Почему? — удивились мы.

— Матросикъ, — позвалъ Рикки, — посмотри-ка, это что?

Онъ указалъ рукой на лежавшій на пескѣ какой-то огромный предметъ.

— Это, по-твоему, что?

— Что? Руль, конечно!

— Ну, а гдѣ есть руль, тамъ и лодка должна быть! — важно промолвилъ Рикки.

— Ха-ха-ха! —
разсмѣялся
Пуговка.

— Вѣрно, вѣрно, Рикки! — закричали мы.

— Однако, — замѣтилъ Матросикъ, — если лодка и нашлась бы, то мы все равно не могли бы на ней ѣхать, такъ какъ не справились бы съ ней. Смотри, какой большой руль!

— Совсѣмъ не большой! — упрямо возразилъ Рикки.

— Большой, конечно!

— Нѣтъ!

— Друзья, — остановилъ ихъ Дѣдко-Бородачъ, — о чемъ вы спорите: вѣдь лодки все равно нѣтъ.

— Поѣдемъ прямо на руль! — предложилъ Карапузикъ. — Стащимъ его въ воду. Онъ деревянный, не утонетъ.

— А я буду капитаномъ! — предложилъ я.

— Ты, Мурзилка, насъ утопишь!

— Нѣтъ, будьте покойны! — старался увѣрить я.

Однако, никто изъ лѣсныхъ малютокъ не согласился пуститься въ это путешествіе.

— Господа, — предложилъ Знайка, — пойдемте лучше къ той горѣ. Тамъ есть де-

ревня; можетъ быть, тамъ и найдемъ лодку.
Тутъ недалеко!

Рикки указалъ рукой на лежавшій на песокъ какой-то предметъ...

Мы двинулись.

Оказалось, однако, что деревня была да-

леко, и, пока мы туда шли, совсѣмъ стемнѣло. Кататься на лодкѣ было поздно.

Усталые, мы нашли какую-то заброшенную хижину на краю деревни и расположились на ночлегъ.

Скоро все стихло.

Я задремалъ вмѣстѣ съ другими. Вдругъ надо мной раздался чей-то шопотъ:

— Мурзилка, ты спишь?

Это былъ Карапузикъ.

— Сплю, — отвѣтилъ я сердито. — А что тебѣ?

— Ты слышишь музыку?

— Музыку? Гдѣ?

Я вскочилъ и сталъ прислушиваться.

Дѣйствительно, откуда-то неслись звуки веселой музыки.

— Знаешь, пойдѣмъ потихоньку, узнаемъ, что это такое, — предложилъ Карапузикъ.

Мы встали, тихо пробрались между сонными товарищами и вышли на улицу.

— Это тамъ! — сказалъ мнѣ Карапузикъ.

Мы двинулись на звуки.

Скоро при свѣтѣ яркой луны мы могли различить большую толпу народа. Тамъ танцевали.

Что это былъ за танецъ! Никогда еще въ своей жизни я не видалъ ничего подобнаго. Это было какое-то бѣшеное скаканье и прыганье! Подъ звуки веселой музыки, съ бубномъ и кастанъетами, танцующіе то поднимали руки надъ головой, то кружились, то присѣдали, чуть не задѣвая носами землю. Иногда они вдругъ на моментъ замирали на мѣстѣ, потомъ еще живѣе, еще быстрѣе принимались скакать.

— Это ужасъ, что такое!—промолвилъ я.

— А мнѣ нравится!—сказалъ Карапузикъ.—Смотри, какъ они легко танцуютъ. Испанцы славятся этимъ.

Мы довольно долго смотрѣли, наконецъ, я захотѣлъ спать.

— Я иду домой!—сказалъ я Карапузику.

— Подожди минутку, идемъ вмѣстѣ.

Карапузикъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ испанскихъ танцевъ, что всю дорогу напѣвалъ «Тра-ля-ля-ля!» и притопывалъ ногами.

На другое утро меня разбудилъ неистовый шумъ.

Съ трудомъ открывъ глаза, я увидѣлъ, что хижина пуста. Со двора доносилъ

ся смѣхъ, крики, топанье и припѣвъ «Тра-ля-ля-ля!»

Я поспѣшилъ къ двери, взглянулъ и остолбенѣлъ: всѣ лѣсные малютки отчаянно отплясывали, какъ настоящіе испанцы.

Впереди всѣхъ выступали Скокъ и Прыжокъ. За ними, скользя по песку, слѣдовали Индѣецъ и Тузилка, размахивавшій во всѣ стороны своей дубинкой, съ которой онъ никогда не разставался; далѣе танцовали, дружески обнявшись, Матросикъ и Треуголка, за ними выдѣлывали какіе-то замысловатые па Китаецъ и Чумилка и еще многіе другіе.

— Тра-ля-ля!—пѣлъ Карапузикъ, подбѣгая то къ одной парѣ, то къ другой, и вдругъ увидавъ меня, подлетѣлъ ко мнѣ и, схвативъ меня за руки, закружился со мной въ бѣшеномъ танцѣ.

— Тра-ля-ля-ля!—запѣлъ онъ вдругъ.

Тра-ля-ля-ля,
Чѣмъ мы не испанцы?
Засмотрѣлась вся земля
На такіе танцы.
Тра-ля-ля-ля,
Чѣмъ мы не испанцы?

Всѣ лѣсные малютки отчаянно отплясывали...

Посмотрите, господа,
Мы танцуемъ хоть куда
Ихъ родные таяцы.

— Довольно! Довольно!—отбивался я.

— Охъ, мнѣ худо! Голова кружится!

Но Карапузикъ былъ неумолимъ и кружилъ меня до тѣхъ поръ, пока я, совсѣмъ обезсиленный, не повисъ у него на рукахъ.

— Съ Мурзилкой обморокъ!—закричалъ онъ и сталъ опускать меня на землю. Но тутъ я вспомнилъ про свой костюмъ и быстро всталъ на ноги, чтобъ не испачкаться въ пыли.

— Ну, господа, довольно танцовать, — заговорилъ между тѣмъ Дѣдко-Бородачъ. — Пора двигаться дальше! Не забудьте, что мы хотѣли побывать въ знаменитомъ испанскомъ городѣ Севильѣ, чтобъ закончить свое путешествіе.

— Вѣрно, скорѣе въ дорогу!—подхватили всѣ. — А какъ добраться до Севильи?

— По-моему, — замѣтилъ Знайка, — лучше всего будетъ моремъ добраться до рѣки Гвадалквивира, а тамъ пароходомъ доѣхать и до Севильи, которая расположена на Гвадалквивирѣ.

— Отлично!

Мы двинулись въ путь и добрались до Севильи безъ всякихъ приключеній.

Блуждая по городу, кто-то изъ лѣсныхъ малютокъ вспомнилъ, что мы еще ни разу не видали боя быковъ, которыми славится Испанія.

— Мы обязательно должны это видѣть!— замѣтилъ Знайка.— Какъ же это, быть въ Испаніи, да не видѣть боя быковъ? Кстати, здѣсь, въ Севильѣ, бои быковъ часто устраиваются; нужно только отыскать мѣсто, гдѣ они происходятъ.

Мы отправились на поиски.

Скоро, проходя по площади, мы нашли афишу, наклеенную на заборъ, гдѣ говорилось, что на завтра назначено представленіе боя быковъ.

— Вотъ и отлично!— замѣтилъ докторъ Мазъ-Перемазъ.— Мы завтра...

— Тсс... господа, слышите? Это что?— прервалъ его Карапузикъ.

Мы прислушались.

— Вы слышали какое-то мычанье и возню за заборомъ? Можетъ быть, тамъ быки?

— Это интересно!— замѣтилъ я и при-

ложилъ глазъ къ щели забора. Но въ щель ничего почти не было видно.

— Пойдите, я сейчасъ влѣзу на заборъ, посмотрю!—сказалъ юркій Скокъ и въ два прыжка очутился на заборѣ.

— Быкъ! Быкъ! — закричалъ онъ, — да какой огромный!

Нѣкоторые изъ лѣсныхъ малютокъ послѣдовали его примѣру.

Я, Тузилка и Матросикъ прильнули снова къ щели.

— Смотри, смотри, онъ совсѣмъ близко!—шепнулъ мнѣ Матросикъ.

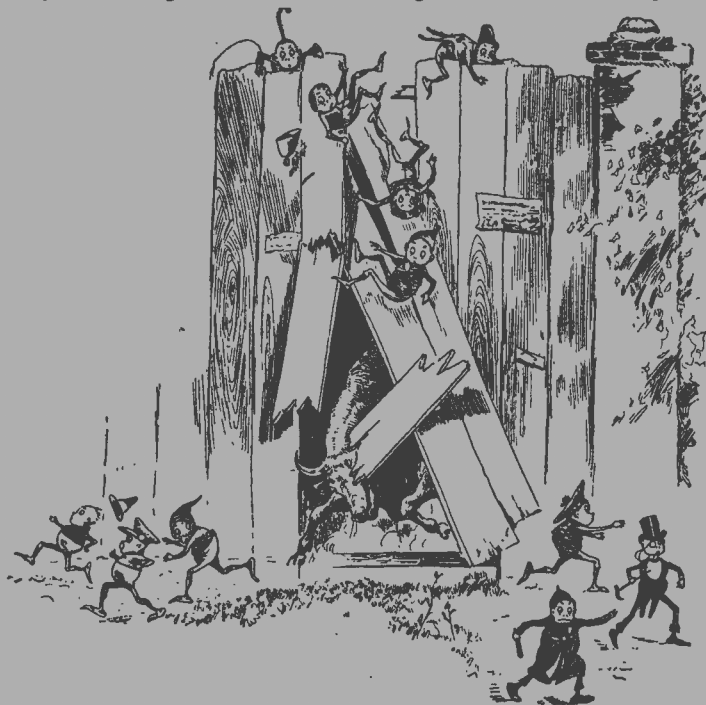
Я взглянулъ и, дѣйствительно, быкъ оказался такъ близко, что я могъ бы до него достать своей тросточкой.

Не долго думая, я схватилъ тросточку и всунулъ ее въ отверстіе.

Вдругъ раздалось отчаянное мычанье, трескъ, доски забора съ шумомъ повалились, и на насъ выскочило какое-то ужасное чудовище съ огромными рогами и кровью налитыми глазами. Никогда еще не видалъ я такихъ страшныхъ, огромныхъ быковъ.

Въ ужасѣ мы бросились спасаться, кто

куда могъ. Одни карабкались на заборъ, другіе на деревья, часть попряталась въ кусты. Пробѣгая мимо дерева, быкъ въ яро-

Доски забора съ шумомъ повалились и на насъ выскочило какое-то ужасное чудовище...

сти ударилъ въ него рогами и нѣсколько лѣсныхъ малютокъ отъ неожиданнаго толчка слетѣли оттуда прямо ему на спину. Но

быкъ не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и помчался прямо на меня. Должно быть, его сильно разсердила моя тросточка. Я удиралъ, какъ только могъ. Просто удивляюсь, какъ я благополучно избѣгъ

Быкъ помчался прямо на меня...

опасности. Однако мой цилиндръ упалъ съ головы да лакированные башмаки пострадали отъ этой бѣшеной скачки.

Это приключеніе сильно взволновало всѣхъ насъ.

— Благодарю за такія забавы! — говорилъ Чумилка, сильнѣе другихъ пострадавшихъ. — Поздравляю испанцевъ, но больше не желаю видѣть боя быковъ.

— Господа, уберемтесь-ка поскорѣе отсюда. Довольно, познакомились съ Испаніей! Иначе, пожалуй, никто изъ насъ въ живыхъ не останется.

— Вѣрно! Вѣрно! Прочь изъ Испаніи! — подхватили мы всѣ хоромъ.

Въ тотъ же день вечеромъ мы сѣли на большой пароходъ, доvezшій насъ по Гвадалквивиру до моря, а оттуда на большомъ морскомъ пароходѣ по Средиземному морю мы отплыли въ Турцію.

V.

Большой морской пароходъ мчалъ насъ къ берегамъ Турціи.

— Тукъ-тукъ-тукъ! — разда-
лось однажды рано утромъ у две-
рей нашей каюты.

— Тукъ-тукъ-тукъ!

— Что? Что за шумъ? Кто
стучить? — повскакали и переполошились мы.

— Тукъ-тукъ-тукъ! — раздалось еще
сильнѣе въ третій разъ, и дверь съ шу-
момъ распахнулась.

— Аллахъ, аллухумъ!

Передъ нами появились два турка. Одинъ
былъ нашъ пріятель Турокъ, а другой...
Сразу мы не могли узнать, кто это такой!

— Аллахъ, аллухумъ!—заговорили снова оба турка и какъ-то церемонно стали раскланиваться.

Мы повскакали со своихъ мѣстъ и принялись ихъ разсматривать.

— Ба! Да это Знайка нарядился такъ!—вскричалъ вдругъ Бородачъ. — Турецкій костюмъ и красная феска такъ измѣнили его, что и не узнать!

— Аллахъ, аллухумъ!—заговорили снова турки.

— Что это вы говорите?

— Это привѣтствіе на турецкомъ языкѣ,—объяснилъ Знайка. — Съ пріѣздомъ, господа, васъ! Мы въ Константинополѣ, столицѣ Турціи.

— Какъ? Уже? Скорѣе, братцы! На палубу!

Мы живо выбрались изъ каюты, выбѣжали на палубу и... замерли на мѣстѣ: открывавшійся съ парохода видъ на Константинополь былъ необыкновенно хорошъ.

— Какъ красиво! Смотрите, что за великолѣпныя зданія! Дворцы, должно быть! — заговорили всѣ сразу.

— Да, это все дворцы, — принялся объ-

яснять намъ Турокъ,—а вотъ эти башенки съ полумѣсяцами на верхушкахъ—это мечети или турецкіе храмы.

— Скорѣе, господа, идемте въ городъ!—предложилъ докторъ Мазъ-Перемазъ.

— Идемъ!

Мы сошли съ парохода и зашагали по улицамъ Константинополя.

— Съ чего начать осмотръ?—спросилъ Скокъ.

— Тутъ есть нѣсколько знаменитыхъ мечетей,—отвѣтилъ Турокъ,—начнемъ съ нихъ.

— Отлично!

— Идемте къ мечети Ая-Софія,—предложилъ Знайка.—Раньше это была христіанская церковь Св. Софіи, — продолжалъ онъ,—а потомъ, послѣ завоеванія Константинополя турками, они устроили тамъ свою мечеть. Это — удивительное зданіе! Тамъ была чудная живопись, которую турки варварски замазали своими пестрыми и аляповатыми рисунками...

Пока Знайка рассказывалъ, мы подошли къ мечети.

— Знаете, господа,—заговорилъ нашъ

Турокъ,—въ Турціи есть обычай не входить въ мечеть въ обуви.

Въ самомъ дѣлѣ, мы увидали, что всѣ входившіе снимали свои сапоги и брали у сторожей особыя туфли безъ пятъ, въ которыхъ и входили внутрь мечети.

— Нужно уважать чужіе обычаи!—ска-

Мы шагали по улицамъ...

залъ Дѣдко-Бородачъ. — Послѣдуемте ихъ примѣру!

Мы подошли къ мѣсту, гдѣ были сложены туфли, и стали выбирать самыя маленькія. Однако, увы! Сколько мы ни старались, всѣ туфли были такъ велики, что въ нихъ нельзя было ступить ни шагу: ежеминутно онѣ падали съ ногъ. Кое-какъ мы все-таки надѣли ихъ и зашлепали дальше. Какъ трудно было идти! Ноги скользили, туфли падали...

Сначала я смотрѣлъ только на свои туфли и потому совсѣмъ почти не видѣлъ ничего кругомъ. Наконецъ, это мнѣ надоѣло. Я храбро двинулся впередъ.

Что за чудное зданіе! Несмотря на то, что живопись была вся замазана, мечеть Св. Софіи выглядѣла все-таки очень красиво. Я внимательно глядѣлъ кругомъ, стараясь не пропустить ни одной мелочи. Я подходилъ къ стѣнамъ, дотрагивался до колоннъ, поднималъ голову вверхъ.

Вдругъ, слышу:

— Мурзилка... ха-ха-ха!

— Мурзилка, туфли... ха-ха-ха!

Кругомъ меня всѣ сдержанно смѣялись.

— Тсс... тише, господа!—останавливалъ Турокъ строго.

— Туфли... ха-ха-ха! Мурзилка! — не унимались лѣсные малютки.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на свои ноги и... остановился на мѣстѣ: я былъ въ однихъ чулкахъ, мои туфли остались гдѣ-то далеко позади меня. Кругомъ всѣ хохотали. Смущенно отыскалъ я свои туфли и зашлепалъ къ выходу. Мнѣ казалось, что не только мои товарищи, но и всѣ турки,

бывшіе въ мечети, замѣтили, что случилось съ моими туфлями, и сдержанно улыбались.

— Теперь идемте въ другую мечеть! — предложилъ Знайка, когда мы покинули св. Софію.

— Ну, нѣтъ, — сказалъ я, — я больше не согласенъ терять туфли...

— Идемте, идемте, — заговорилъ Турокъ. — Ты, Мурзилка, не безпокойся, — обратился онъ ко мнѣ, — если не хочешь надѣвать туфель, то можешь только хорошенько выбить свои ноги о метлу; это тоже въ мечетяхъ иногда дѣлается.

— Ну, это другое дѣло! — согласился я.

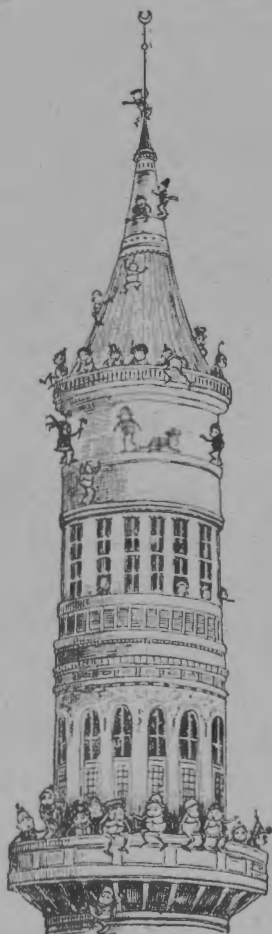
Скоро мы очутились около другой мечети.

— Ого! Какая тутъ высокая башня! — замѣтилъ Тузилка, закидывая вверхъ голову.

— Не забраться ли намъ на нее? — предложилъ Скокъ. — Оттуда, навѣрно, все отлично видно.

— Что же! Полѣземъ!

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на башнѣ, облѣпивъ ее со всѣхъ сторонъ, какъ мухи.

Мы были на башнѣ,
облѣпивъ ее со всѣхъ
сторонъ, какъ мухи...

Матросикъ хотѣлъ за-
браться какъ можно вы-
ше, и успокоился только
тогда, когда добрался до
золотого полумѣсяца на
самой верхушкѣ и торже-
ственно усѣлся на немъ.

— Господа, идемте
теперь на набереж-
ную!—предложилъ Знай-
ка.— Мнѣ хочется про-
вести васъ хоть въ
одинъ изъ дворцовъ...

— Вотъ тутъ, брат-
цы, — заговорилъ онъ,
когда мы очутились пе-
редъ высокой каменной
стѣной, — тутъ жилъ
когда-то турецкій госу-
дарь или султанъ. Мо-
жетъ быть теперешній
султанъ живетъ тоже
здѣсь, а потому мы долж-
ны быть осторожны...
Прежде всего перелѣ-
земъ черезъ эту стѣну.

Съ большимъ трудомъ одинъ за другимъ, подавая другъ другу руки, мы взобрались на стѣну.

— Теперь сюда!

Мы миновали густой, довольно запущенный садъ и очутились передъ дворцомъ. Это было очень красивое зданіе со множествомъ башенокъ, какихъ то маленькихъ окошекъ, странныхъ переходовъ.

— Сначала, — предложилъ Турокъ, — мы попробуемъ забраться на самый верхъ, чтобы полюбоваться открывающимся оттуда видомъ...

— Хорошо! Отлично! Мы взобрались на стѣну... Заберемся! — согласились мы и начали взбираться.

Видъ, открывшійся сверху, вознаграждалъ насъ за всѣ наши усилія.

Передъ нами разстилалось голубое море, усаженное множествомъ разныхъ судовъ. Позади виднѣлся пестрый городъ, утопавшій въ зелени садовъ.

Мы долго сидѣли на крышѣ.

— Господа! Господа! Скорѣе сюда! —
закричалъ вдругъ Матросикъ.

Онъ, Пуговица и Скокъ стояли
около маленькаго круглаго око-
шечка, выходившаго на крышу.

Мы долго сидѣли на крышѣ...

Мы поспѣшили на зовъ.

— Смотрите! Какая тамъ роскошь!

Въ самомъ дѣлѣ, комната была необы-
кновенно роскошно убрана. Всюду пестрыя
съ золотомъ ткани, восточные ковры, то-

ченые низенькіе столики, круглыя, мягкія подушки.

— Не забраться ли намъ внутрь?—предложилъ я.

— Что же! Полѣземъ!

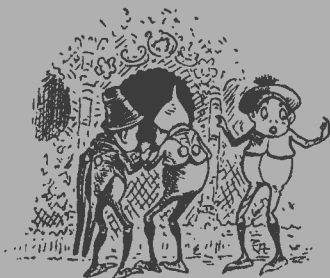
Мы разсыпались по комнатѣ и стали все разсматривать.

— Обратите, господа, вниманіе на этотъ приборъ, — говорилъ Турокъ, указывая на какой-то странный предметъ, не то графинъ, не то кувшинъ. — Это кальянъ — приборъ для куренія табаку. Турки очень любятъ курить при посредствѣ кальяна, въ которомъ дымъ предварительно проходитъ черезъ воду.

— Это интересно! Не попробовать ли намъ покурить!—предложилъ Пуговица.

— Что ты выдумалъ? Курить очень вредно!—сказалъ Дѣдко-Бородачъ.

— Лучше уйдемъ отсюда!—поддержалъ его Мазь-Перемазь.

Матросикъ, Пуговица и Скокъ стояли около маленькаго круглаго окошечка...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Надо покурить! — заговорилъ китаецъ Чи-Ка-Чи. — Кто хочетъ со мной?

— Я! — сказалъ Турокъ.

— Я! — подхватилъ Пуговица.

— И меня возьмите! — заявилъ я.

Турокъ привелъ въ порядокъ приборъ, закурилъ табакъ и, разсавивъ насъ на мягкихъ подушкахъ, которыя турками употребляются вмѣсто стульевъ, роздалъ намъ трубки.

— Обратите, господа, вниманіе, — эгговорилъ Турокъ...

— Вотъ покуримъ! — сказалъ я и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя дымъ.

Брр... Кха-кха-кха! Что это за ужасъ! Я чуть не задохся. Носъ, ротъ, горло, — все захватило отъ дыму. Мнѣ сразу сдѣлалось худо. Я вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ къ окну.

Другіе курившіе выдержали немного дольше меня; имъ тоже отъ табаку сдѣлалось такъ худо, что они едва выбрались изъ комнаты.

— Ну, что, покурили? — смѣялись надъ нами остальные эльфы.

Тѣмъ же путемъ, какъ и прежде, мы спустились въ садъ, подошли къ стѣнѣ и уже хотѣли перебраться черезъ нее, какъ къ намъ подбѣжалъ Скокъ, шедшій впереди всѣхъ, и испуганно проговорилъ:

— Мы погибли! Весь дворецъ въ тре-

Я вскочилъ съ мѣста...

вогъ. Кругомъ вооруженные сторожа! Вѣроятно, они замѣтили насъ!

— Скорѣе, спасайтесь!

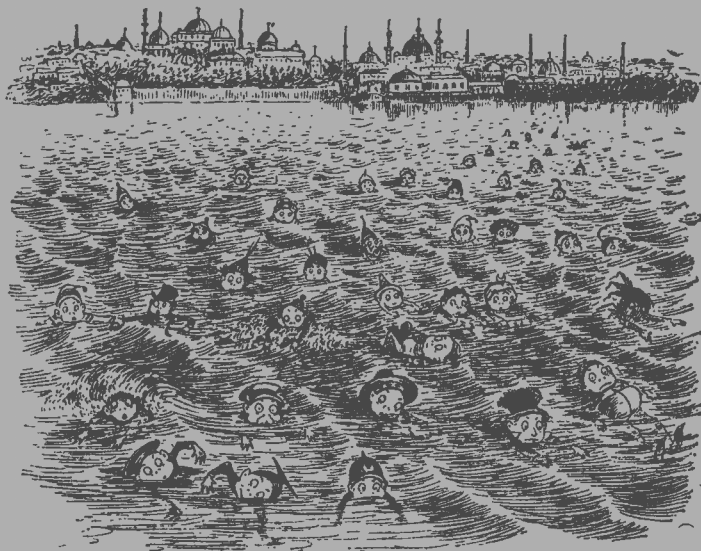
Со стѣнъ дворца гремѣли, между тѣмъ, выстрѣлы.

Мы бросились бѣжать, но куда?

Кругомъ передъ нами была высокая стѣна, а за ней море.

Не долго думая, мы перебрались черезъ стѣну и бросились въ море.

Какъ мы всѣ не утонули, просто удивительно. На наше счастье скоро насъ подобралъ американскій корабль, нагружен-

Мы бросились въ море...

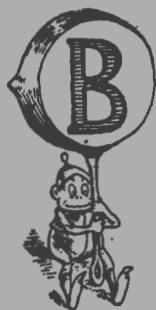
ный товарами, который, какъ мы узнали, привезъ въ Турцію хлопокъ и теперь возвращался обратно въ Америку.

На кораблѣ, кромѣ капитана и матросовъ, не было больше никого, и мы отлично размѣстились въ большой каютѣ.

Матросы насъ не замѣчали...

VIII.

СТАВАЙТЕ, братцы, вставайте!
Мы у береговъ Америки!—кри-
чалъ рано утромъ Знайка.

Это было четыре недѣли
послѣ того, какъ мы благопо-
лучно убѣжали отъ грозившей
намъ въ Константинополь ужас-
ной опасности.

На американскомъ кораблѣ намъ жилось
хорошо, привольно. Никто намъ не мѣшалъ,
никто насъ не преслѣдовалъ. Матросы либо
спали, либо были заняты своимъ дѣломъ и

не обращали на насъ никакого вниманія. Они даже, кажется, насъ не замѣчали. Только разъ какъ-то одинъ старый матросъ сказалъ, указывая на насъ:

— Откуда это на нашемъ кораблѣ набралось столько черныхъ мошекъ?

Мы развлекались, забираясь въ лодку, стоящую на площадкѣ, въ трубы...

Очевидно, они приняли насъ за простыхъ мошекъ.

Не замѣчали они и того, что мы спокойно кормились на кораблѣ тою пищею, которая готовилась для матросовъ.

Во время плаванія нашего парохода, мы старались не скучать и развлекались, то забираясь въ лодку, стоящую на площадкѣ, то въ разныя трубы, то влѣзая на

мачты. Однажды при этомъ чуть не случилось несчастія: Тузикъ вдругъ перегнулся черезъ перила и упалъ въ воду. Къ счастью, это тотчасъ же замѣтилъ карабкавшійся на мачту Знайка и закричалъ:

— Спасите! Спасите! Тузикъ упалъ въ воду!

И Тузика благополучно вытащили изъ воды, гдѣ онъ навѣрное попалъ бы на обѣдъ акуламъ...

Другой разъ мы, желая помочь кочегарамъ, чуть было всѣ не сгорѣли. Захотѣлось

Тузикъ упалъ въ воду...

намъ бросить уголь въ большую печь на кораблѣ, но еда мы открыли дверцы, какъ оттуда обдало насъ краснымъ, горячимъ огнемъ. Карапузикъ при этомъ упалъ въ обморокъ и если бы Вѣдунъ не схватилъ его во время, быть бы страшной бѣдѣ.

— Ну, братцы, скорѣе, вставайте!—го-

ворилъ Знайка. — Посмотрите, отсюда виденъ памятникъ Колумбу.

— Колумбу? А кто такой Колумбъ? спросилъ Тузикъ.

— Это испанскій путешественникъ, открывшій ту часть свѣта, которая называется

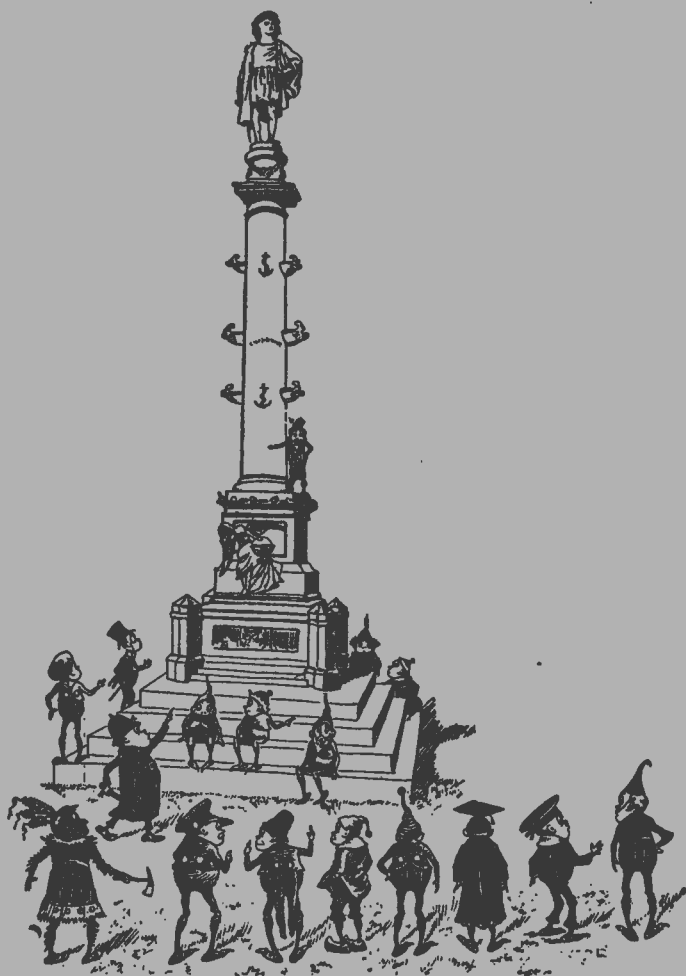

Насъ обдало огнемъ...

Америкой. До него никто въ Европѣ не зналъ о томъ, что далеко за океаномъ существуетъ огромная богатая земля. Онъ первый съ храбрыми матросами отправился туда.

— А это давно было? — спросилъ я.

— О, давно, — отвѣтилъ Знайка, — болѣе

Памятникъ Колумбу...

четырехсотъ лѣтъ тому назадъ, когда люди плавали не на такихъ пароходахъ, какъ теперь, а на корабляхъ съ парусами. Вотъ этому то Колумбу, открывшему Америку, и поставили памятникъ.

Когда мы всѣ встали, одѣлись, напились кофе, нашъ корабль медленно подходилъ къ берегу.

— Ну, что-жъ, скоро пойдемъ осматривать Америку?—предложилъ Дѣдко-Бородачъ.

— О, это не такъ легко, какъ тебѣ кажется, — объяснилъ Знайка. — Америка занимаетъ огромное пространство и состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ. Вотъ мы теперь находимся у береговъ такъ называемыхъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Этихъ штатовъ или, какъ бы губерній, 13. А городъ, который мы видимъ отсюда, это Нью-Йоркъ, самый населенный и самый значительный городъ въ Америкѣ.

Мы по очереди смотрѣли въ зрительную трубу, а Скокъ съ Карапузикомъ вывѣсили флагъ, чтобы дать знать, что мы приближаемся къ берегу.

— Земля! Земля! — кричалъ сидѣвшій на трубѣ Кнопка.

— Земля! — вторили остальные.

Въ то время, какъ всѣ были заняты раз-
сматриваніемъ виднѣвшихся вдаль зданій,
Скокъ что-то сколачивалъ и мастерилъ
въ углу каюты. Оказалось, онъ нашелъ
тамъ маленькій велосипедъ, какъ разъ
по его росту, и старался приспособить
его для себя. Какъ только корабль при-

Скокъ на-
шелъ вело-
сипедъ...

сталъ недалеко отъ берега, мы,
вмѣстѣ съ матросами, спустились на
лодкахъ и вскорѣ очутились на
твердой землѣ. Скокъ благополучно
притащилъ свой велосипедъ и, не
успѣли мы опомниться, какъ онъ
уже усѣлся и помчался впередъ.

— Стой! Стой! Куда ты? — кри-
чали Индѣецъ, Дѣдко-Бородачъ, Вертушка
и другіе и погнались за велосипедомъ.

— Вы не беспокойтесь, — отвѣтилъ
Скокъ, — я осмотрю дорогу и рѣшу, гдѣ бы
намъ лучше всего остановиться.

И онъ помчался впередъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Скокъ
уже важно возвращался обратно.

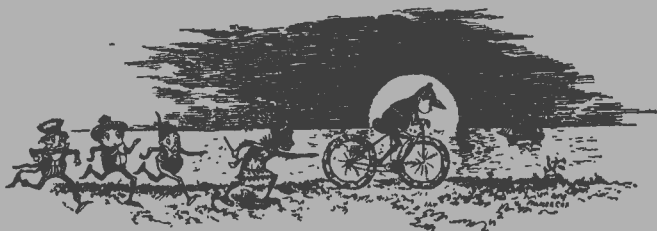
— Тутъ поблизости прекрасная ку-
пальня, — докладывалъ онъ. — Послѣ нашего

долгаго путешествія пріятно будетъ всѣмъ выкупаться. Не правда-ли?

— Конечно! Конечно!—отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Такъ вотъ, идите за мною,—продолжалъ Скокъ.—Я покажу вамъ дорогу.

— Но намъ не поспѣтъ за твоимъ велосипедомъ!—замѣтилъ Тузилка.

— Стой! Стой! Куда ты?—кричалъ Индѣецъ...

— Я поѣду медленно,—отвѣтилъ Скокъ.

Вскорѣ всѣ мы очутились у стоявшаго на берегу высокаго деревяннаго зданія съ башнею. Это, оказалось, были морскія купальни, но—увы!—для дамъ. Такъ какъ, однако, было еще очень рано, а дамы приходятъ купаться поздно, то мы и рѣшили выкупаться до ихъ прихода.

Въ купальнѣ оказались въ большомъ количествѣ костюмы для купанія, сушившіеся

на солнцѣ. Не долго раздумывая, наши лѣсные человѣчки стали переодѣваться въ эти костюмы и одинъ за другимъ погружались въ воду.

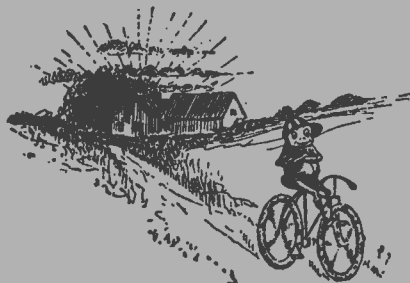
— А ты, Мурзилка, не будешь купаться?—спросилъ меня Дѣдко-Бородачъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—у меня нѣтъ охоты; лучше посмотрю, какъ другіе будутъ купаться.

И, вмѣстѣ съ Тузилкою, Карапузикомъ, Кнопкою и Самоѣдомъ, я отправился на башенку купаленъ, откуда видно было море кругомъ.

Но купавшіеся съ такимъ наслажденіемъ плескались въ водѣ и такъ восхищались купаніемъ, что, въ концѣ-концовъ, я тоже рѣшилъ одѣть купальный костюмъ и спуститься въ воду. Но я все-таки предусмотрительно одѣлъ спасательный поясъ, хотя я и ничуть не боялся утонуть.

Не успѣлъ я окунуться, какъ на-

Сколько важно возвращался
обратно...

Лѣсные человѣчки одинъ за другимъ погружались въ воду...

летѣла огромная волна, которая чуть не погубила всѣхъ нашихъ лѣсныхъ человѣчковъ. Раздались крики, стоны. Тутъ только

всѣ убѣдились, какъ умно я сдѣлалъ, что запасаю спасательнымъ поясомъ, ибо я одинъ изъ первыхъ успѣлъ выбраться на берегъ,

Вдругъ налетѣла огромная волна...

а безъ этого пояса я бы навѣрно утонулъ...

Когда опасность миновала, и всѣ благополучно выбрались на берегъ, рѣшено было отдохнуть на пескѣ. И вотъ, повѣсивъ

опять на мѣсто костюмы, мы всѣ стали бѣгать по песчаному берегу, а нѣкоторые

Нѣкоторые приняли песочныя ванны...

приняли даже песочныя ванны, погрузившись по шею въ песокъ.

— Ну-съ, довольно братцы, пора приниматься за дѣло!—раздался голосъ Знайки.

И всѣ тотчасъ же бросили забаву.

IX.

ВОЗВРАЩАЯСЬ изъ купальни, мы замѣтили большую вывѣску: «Зоологическій садъ». Конечно, мы не упустили случая, чтобы побывать въ этомъ саду.

Было еще очень рано, сторожа всѣ спали крѣпкимъ сномъ, и мы незамѣтно проникли въ садъ.

Первое, что намъ бросилось въ глаза, были высоченные жираффы.

Подойдя къ клѣткѣ съ жираффами, мы увидали, что у забора, за которымъ они находились лежитъ сѣдло.

— Вотъ бы прокатиться на жираффѣ!—
предложилъ Вертушка.

— Что-жъ, это можно!—рѣшилъ Скокъ.—

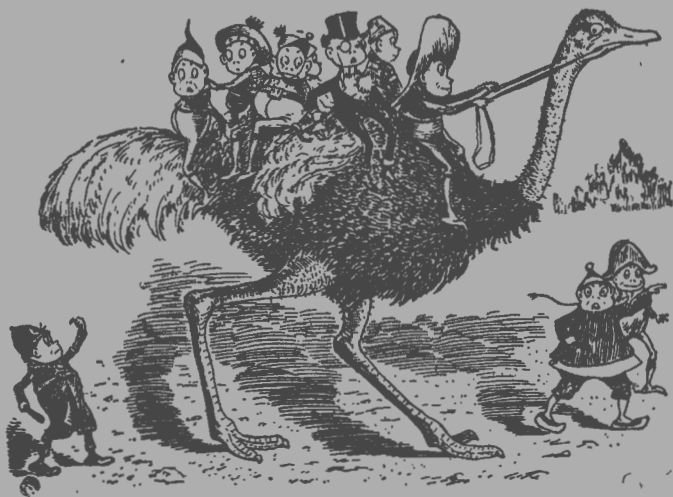

Знайка и Вертунь старались укрѣпить сѣдло...

Давайте, выведемъ на площадку этого большого жираффа. Онъ кажется очень смирный.

Едва мы открыли дверцы забора, за которымъ помѣщались жираффы, какъ самый большой изъ нихъ тотчасъ же прошелъ въ садъ и, очевидно, уже привыкшій, что на

немъ ѣздить по саду, опустился на колѣни и приникъ головой къ землѣ. Скокъ ловко набросилъ ему на шею веревку, Микъ придержалъ за голову, а въ это время Знайка и Вертунъ старались укрѣпить сѣдло.

Микъ заставилъ страуса пробѣжать по аллеямъ сада...

— Нужно бы лѣстницу подать!—распоряжался между тѣмъ Мельникъ. — Иначе намъ не забраться въ сѣдло.

Вдругъ, неожиданно, жираффъ, которому очевидно надоѣло такъ долго стоять на колѣняхъ, поднялся на ноги и, не обращая

на насъ никакого вниманія, направился обратно за заборъ.

Такъ намъ и не пришлось прокатиться на жирафѣ.

Мы подошли къ домику обезьянъ...

Зато мы, по крайней мѣрѣ я и шесть самыхъ храбрыхъ изъ насъ, отлично прокатились на страусѣ. Кучеромъ былъ Микъ, и онъ ловко заставилъ страуса пробѣжать съ нами по всѣмъ аллеямъ сада.

Послѣ этой прогулки мы рѣшили провѣ-
дать обезьянъ, которыя помѣщались въ
особомъ домикѣ, за рѣшеткою. Когда мы
подошли къ домику обезьянъ, тѣ еще

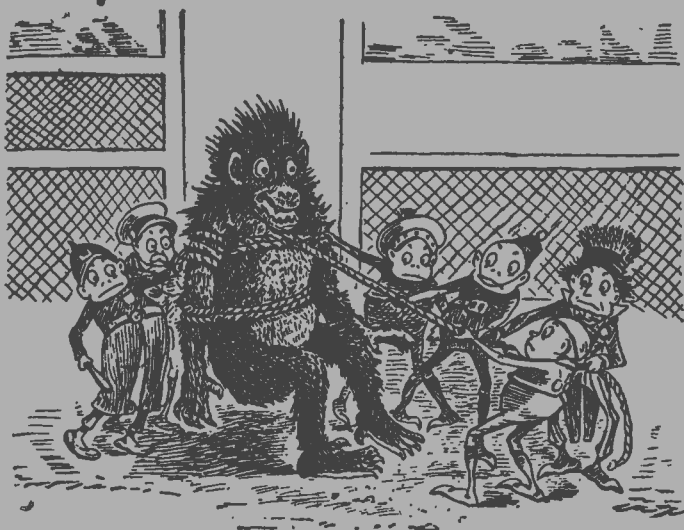

Обезьяны ползали на деревья, на крыши бесѣдокъ, на
заборы...

спали и, очевидно, крѣпко спали, потому
что намъ пришлось долго кричать, пока
онѣ проснулись.

Съ обезьянами у насъ вышла маленькая
непріятность, которая чуть не окончилась

очень плачевно. Карапузикъ, подходя къ дому обезьянъ съ другого конца, увидаль маленькую дверцу и, не зная, куда она ведетъ, открыль ее. Обезьяны тотчасъ же

Много возни было съ большою, свирѣпою обезьяною...

замѣтили это и выскочили одна за другой въ садъ. Когда перепуганный Карапузикъ пришель въ себя, обезьяны уже были въ саду, полѣзли на деревья, на крыши бесѣдокъ, на заборы. Тутъ началась погоня за бѣглецами. Всѣ мы погнались за ними, но

обезьяны ловко бѣжали отъ насъ. Одна изъ нихъ обратила вниманіе на мою шляпу и непременно хотѣла сорвать ее съ головы. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы Микъ во-время не успѣлъ наки-

Обезьяны, привязанныя къ одной веревкѣ, были обратно введены въ домъ...

нуть ей на шею веревку и не потащилъ обратно въ обезьянникъ. Обезьяна страшно закричала, пробовала разорвать веревку, но Скокъ съ Карапузикомъ, Тузилкою и Вертушкою такъ ловко схватили ее, что она ничего не могла подѣлать. Но особенно много возни было съ большою, свирѣпою обезья-

ною, которую съ трудомъ удалось связать и водворить на мѣсто. Въ концѣ-концовъ всѣ обезьяны, привязанныя къ одной веревкѣ, были нами обратно введены въ ихъ домъ, гдѣ онѣ подняли страшный вой и крикъ.

Въ это время мы оставили садъ и гурьбой отправились въ большую гостиницу въ главной улицѣ Нью-Йорка, гдѣ и переночевали всѣ въ одной изъ пустыхъ комнатъ.

Х.

РЕТЬЮ недѣлю мы уже въ Америкѣ, а не видѣли еще знаменитой Ніагары, — сказалъ какъ-то разъ утромъ Знайка.

— Ніагара?! А что такое Ніагара? — хоромъ спросили всѣ лѣсные человѣчки.

— Ніагара — это знаменитый водопадъ. Вода въ немъ падаетъ въ пропасть съ такимъ страшнымъ шумомъ, что этотъ шумъ слышенъ за нѣсколько верстъ...

— Поѣдемъ смотрѣть Ніагару, поѣдемъ! — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ я объ этомъ и думалъ, — ска-

заль Знайка. — Я узналъ, что туда отправляется завтра цѣлый поѣздъ съ путешественниками.

— Мы тоже путешественники, значить и намъ можно, — замѣтилъ я.

— Да, но надо позаботиться, чтобы намъ дали вагонъ въ этомъ поѣздѣ, — сказалъ Скокъ.

— Ничего, мы какъ-нибудь устроимся. Надо только найти дорогу къ вокзалу.

— У Знайки есть планъ, на которомъ отмѣчены всѣ улицы и всѣ вокзалы. Онъ живо найдетъ, — рѣшилъ докторъ Мазь-Перемазь.

Дѣйствительно, на слѣдующее же утро Знайка смѣло повелъ насъ разными улицами прямо на вокзалъ, откуда шелъ поѣздъ съ путешественниками, ѣхавшими смотрѣть водопадъ Ніагару.

Путешественниковъ было много, но одинъ вагонъ все же оказался пустымъ. Мы туда и устремились.

Ѣхали мы долго, хотя поѣзда въ Америкѣ идутъ ужасно быстро.

Вдругъ слышимъ ужасный шумъ, точно кто-то бросалъ огромные камни въ пропасть.

— Это Ніагара шумить!—закричалъ Чумилка.—Вотъ мы скоро и у цѣли.

Дѣйствительно, вскорѣ поѣздъ остановился. Путешественники вышли изъ вагоновъ и отправились къ водопаду пѣшкомъ. Мы за ними.

Разговаривать по дорогѣ мы не могли, потому что изъ-за шума ничего не было слышно.

Но вотъ и водопадъ.

Вода тамъ бѣжитъ съ ужаснымъ шумомъ, сверху внизъ. Даже страшно смотрѣть.

Китаецъ Чи-ка-чи подошелъ къ самому берегу и хотѣлъ поближе посмотреть, какъ падаетъ вода.

— Что ты дѣлаешь, Чи-ка-чи!—воскликнулъ докторъ Мазъ-Перемазь.—Упадешь въ водопадъ, такъ и пропадѣшь!—и оттащилъ Чи-ка-чи за косу.

Мнѣ тоже захотѣлось посмотреть поближе водопадъ. Я сталъ на самомъ краю скалы. Но тутъ у меня чуть было не закружилась голова, и я едва-едва удержался: водопадъ такъ и тянулъ меня къ себѣ.

Мазъ-Перемазь оттащилъ Чи-ка-чи за косу...

Но все это ничего въ сравненіи съ тою опасностью, которую мы пережили, взобравшись на самую верхушку скалы, откуда начинается падать вода.

На скалѣ, у самаго края, стояло большое дерево. Чтобы лучше наблюдать, какъ бѣжитъ водопадъ, десять самыхъ храбрыхъ изъ насъ — въ томъ числѣ и я — взобрались на дерево.

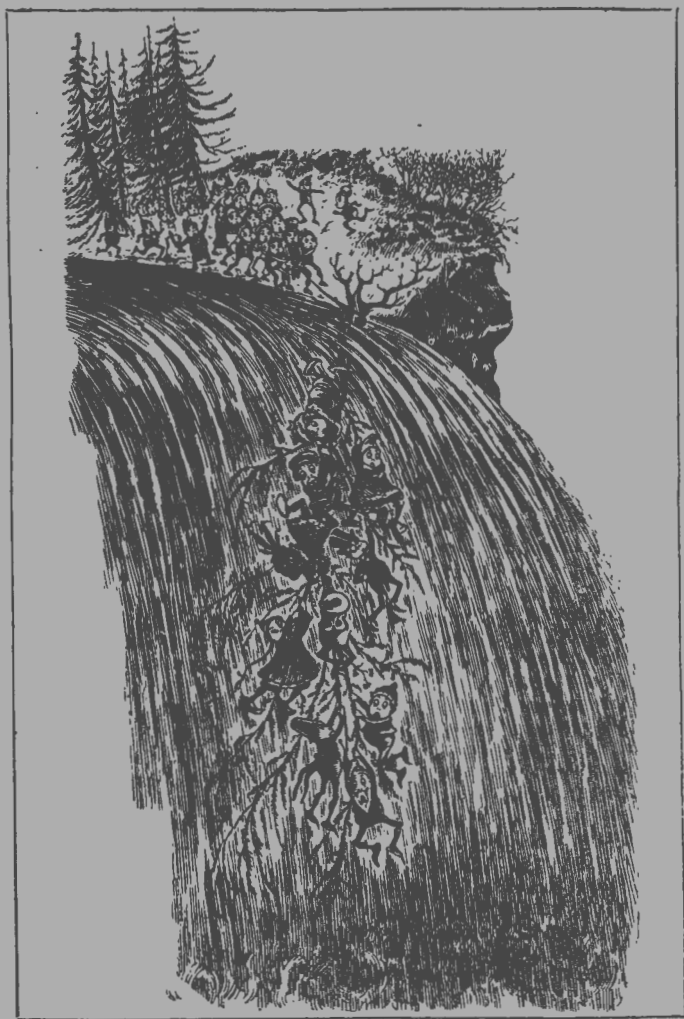
Я стоялъ на
самомъ краю
(скалы...

— Какая прелесть! — вскричалъ Дѣдко - Бородачъ, восторгаясь чуднымъ видомъ.

— Да, дивно... — хотѣлъ было подтвердить докторъ Мазъ-Перемазь, какъ дерево внезапно покачнулось и, не выдержавъ тяжести, покатилося къ водопаду.

Еще минута — и всѣ нашихъ десять храбрецовъ погибли бы въ пропасти, унесенные водопадомъ.

Къ счастью, Скокъ и другіе, оставшіеся на землѣ, не растерялись, закинули на дерево веревку и удержали его отъ паденія. Только благодаря этому мы и остались живы и невредимы.

Дерево покатилося къ водопаду...

Послѣ такого приключенія, всѣ потеряли охоту смотрѣть Ниагару и съ первымъ же поѣздомъ вернулись обратно въ Нью-Йоркъ.

XI.

СЕГОДНЯ мы поѣдемъ
смотря Бѣлый
домъ, — сказалъ
однажды утромъ Знайка.

— Бѣлый домъ! Что же это за Бѣлый домъ? Развѣ онъ чѣмъ-нибудь замѣчательнъ? Мало ли мы видѣли бѣлыхъ домовъ? — раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, братцы, вы ошибаетесь. Тотъ Бѣлый домъ совершенно особенный. Бѣлымъ домомъ называется домъ или дворецъ, гдѣ живетъ президентъ государства, въ которомъ мы находимся, т.-е. Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Здѣсь нѣтъ ни императора, ни короля, а

мѣсто царя занимаетъ президентъ, котораго выбираетъ самъ народъ на нѣсколько лѣтъ. Выслужить такой президентъ свой срокъ и опять становится обыкновеннымъ гражданиномъ, а на его мѣсто выбираютъ другого.

— Это какъ во Франціи, — замѣтилъ Карапузикъ.

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ Знайка. — Такъ вотъ мы поѣдемъ смотреть домъ, гдѣ онъ живетъ. Почти каждый американецъ старается хоть разъ въ жизни побывать въ Бѣломъ домѣ, повидать президента и пожать ему руку.

— Ха! ха! ха! — разсмѣялся Микки, — если бы всѣ американцы вздумали пожимать руки президента, чѣмъ бы сдѣлался калѣкою, у него отвалились бы руки...

— Это вѣрно, но все-таки многимъ удается побывать у президента. Бываютъ дни, когда нѣсколько тысячъ человѣкъ посѣщаютъ Бѣлый домъ.

— А гдѣ же находится этотъ Бѣлый домъ? — спросилъ Скокъ.

— Онъ находится въ Вашингтонѣ, главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, —

объяснилъ Знайка.—Мы туда поѣдемъ по желѣзной дорогѣ.

Вечеромъ того же дня мы уже сидѣли въ поѣздѣ, который мчалъ насъ къ Вашингтону.

Въ вагонѣ Знайка продолжалъ намъ рассказывать, что городъ Вашингтонъ названъ по фамиліи знаменитаго американскаго героя и перваго президента, Джорджа Вашингтона, благодаря которому Соединенные Штаты, которые принадлежали англичанамъ, стали самостоятельнымъ государствомъ. Онъ, Вашингтонъ, былъ главнокомандующимъ американскихъ войскъ, одержавшихъ побѣду надъ англичанами.

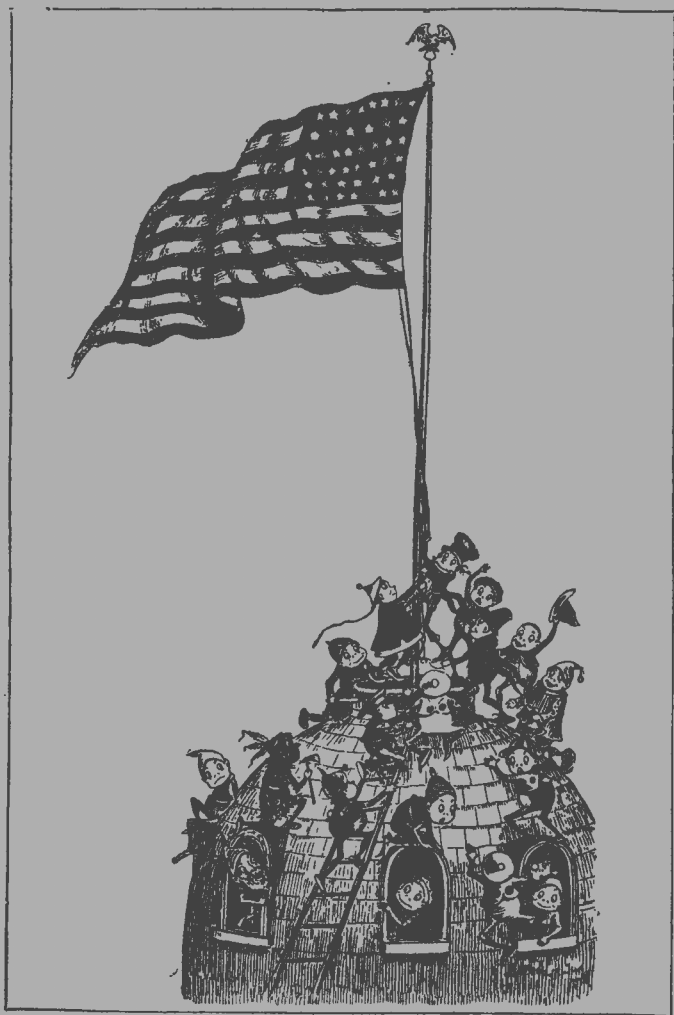
Но вотъ пріѣхали мы въ Вашингтонъ и первымъ дѣломъ пошли смотрѣть Бѣлый домъ. Остановились на площади передъ домомъ и стали разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Мы думали, что увидимъ роскошный дворецъ, а на самомъ дѣлѣ оказалось, что президентъ живетъ очень скромно. Правда, домъ большой, залы въ немъ огромныя, но никакой роскоши. Хотѣли мы войти въ самый домъ, посмотрѣть президента, но оказалось, что онъ уѣхалъ, а потому мы отправи-

лись смотрѣть другое замѣчательное зданіе въ Вашингтонѣ—Капитолій, гдѣ засѣдаютъ сенаторы и избранники народа, которые рѣшаютъ всѣ главные государственныя дѣла

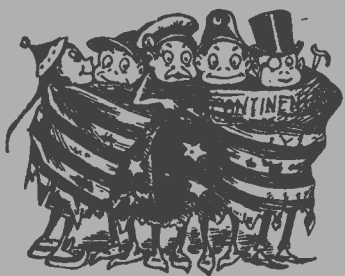
Мы остановились на площади передъ домомъ...

Соединенныхъ Штатовъ. Что намъ особенно здѣсь понравилось, это большія картины по стѣнамъ, на которыхъ изображена вся исторія Америки. Понравилась намъ также огромная библіотека, въ которой читателямъ до-

— Ура! Да здравствует Америка! — закричалъ Цуговка...

ставляютъ книги для чтенія изъ разныхъ залъ на особыхъ повозкахъ и черезъ трубы, съ помощью сложныхъ машинъ. Проходя затѣмъ по улицамъ Вашингтона и осматривая прекрасные дома города, мы замѣтили, что на одномъ зданіи виситъ американскій флагъ, но что онъ спущенъ на крышу башенки

Мы завернулись во флагъ...

— Давайте, братцы, поднимемъ этотъ флагъ наверхъ, дабы всѣ американцы знали, что въ Вашингтонѣ гостили лѣсные человѣчки-эльфы, — предложилъ Чумилка.

Предложеніе многимъ понравилось, и мы тотчасъ же побѣжали на башню и подняли флагъ. Благодаря вѣтру флагъ развернулся широко.

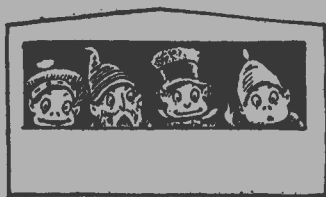
— Ура! Да здравствуетъ Америка! — закричалъ Пуговка, когда флагъ сталъ развѣваться во всѣ стороны.

— Ура! — прокричали и всѣ остальные.

Я стоялъ въ то время внизу и увидалъ, какъ полицейскій, услышавъ шумъ, обер-

нулся и посмотрѣлъ на верхушку башни. Но онъ, должно быть, принялъ лѣсныхъ человѣчковъ за мухъ или паучковъ, потому что спокойно повернулъ голову и пошелъ своей дорогой...

Между тѣмъ взобравшіеся на башню спустили опять флагъ и, снявъ его съ палки, унесли внизъ. Тамъ мы, пятеро, завернулись въ флагъ и въ такомъ видѣ отправились на вокзалъ, гдѣ тотчасъ же и помѣстились въ поѣздъ, который отправлялся обратно въ Нью-Йоркъ.

ХІІ.

Ъ утра и до поздняго вечера гуляли мы каждый день по городу Нью-Йорку, смотрѣли высокіе, шестнадцатизэтажные дома, нѣсколько разъ побывали на главной улицѣ Бродвай, были въ паркѣ Риверсейдъ, заходили въ соборы и церкви, осматривали университетъ и пр., и пр.; но все-таки оставалось посмотреть еще многое.

Насъ особенно заинтересовала здѣсь огромная статуя богини Свободы, которая возвышается на маленькомъ островкѣ при вхождѣ въ гавань.

Эту статую, какъ объяснилъ намъ

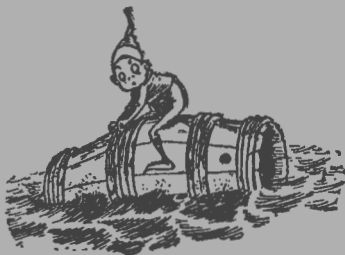

Статуя богини Свободы возвышается при входѣ въ гавань...

Знайка, подарили американцамъ французы.

Она огромная, вся мѣдная. Изображаетъ она женщину, стоящую на высокомъ фундаментѣ и держащую факелъ въ рукахъ. Этотъ факелъ бросаетъ электрическій свѣтъ на очень далекое разстояніе.

— Хорошо бы намъ забраться на верхушку статуи. Оттуда вѣрно видна вся Америка, — замѣтилъ я въ разговорѣ съ Вертушкою, когда мы стояли на берегу, какъ разъ напротивъ того

островка гдѣ стояла огромная статуя;

— Что - жъ, попробуемъ взобраться туда, — отвѣтилъ Вертушка.

Нашъ разговоръ подслушали другіе, и сейчасъ же всѣ рѣшили, что намъ непременно слѣдуетъ побывать на верхушкѣ статуи.

Перебраться на островокъ, гдѣ возвышается статуя, было не такъ трудно. На взморѣ стояли лодки и корабли, и мы вѣчеркомъ, когда матросы улеглись спать,

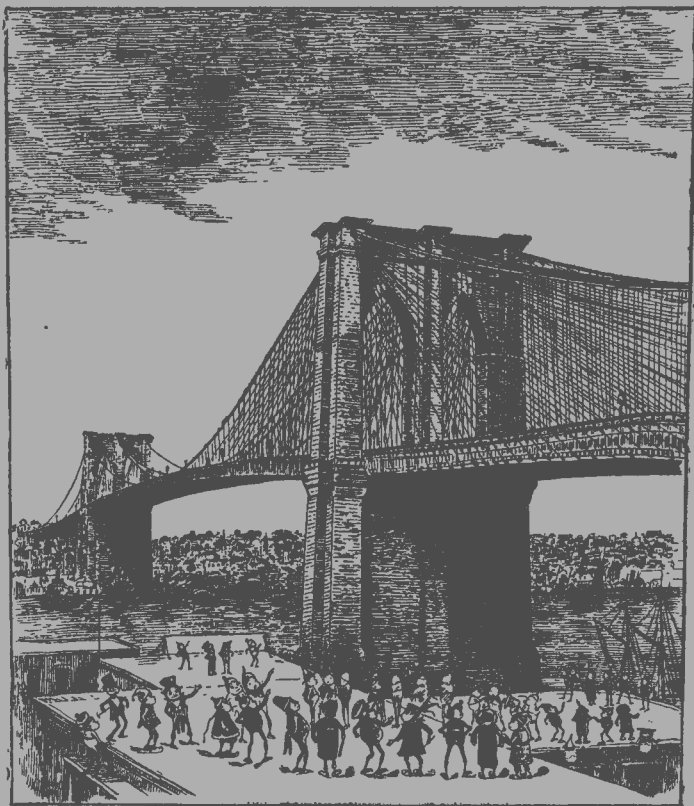
незамѣтно усѣлись въ лодки и поплыли по направленію къ статуѣ.

Когда мы уже были на половинѣ пути, то вдругъ замѣтили, что среди насъ нѣту

Мы на головѣ «Свободы», украшенной короною съ семью огромными лучами...

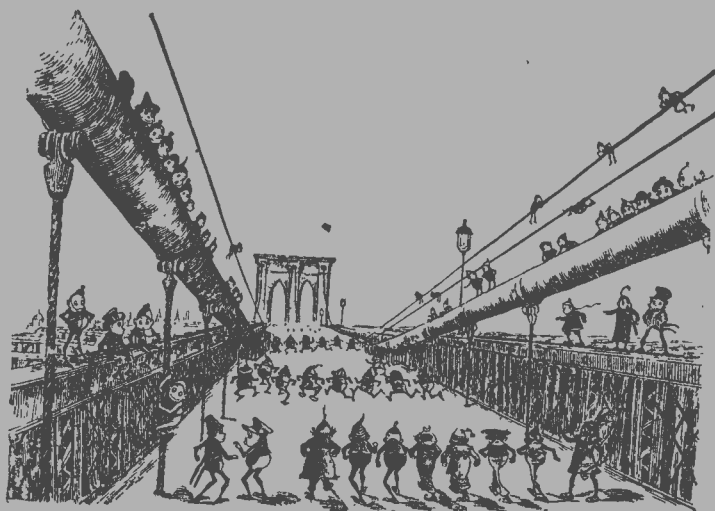
Карапузика. Онъ остался на берегу. Хотѣли уже вернуться, чтобы захватить его, но Карапузикъ, не дожидаясь насъ, сѣлъ верхомъ на бочку и поплылъ по волнамъ. Не безъ труда удалось захватить бочку багромъ и притянуть къ лодкѣ.

— Это самый замѣчательный мостъ въ мірѣ,—объяснилъ намъ Знайка...

Но вотъ мы внутри статуи. Тамъ, оказывается, лѣстница до самой верхушки. Разъ, два, три—и мы уже наверху, на са-

мой головѣ «Свободы», украшенной короною съ шестью огромными лучами. Матросикъ, не долго думая, сейчасъ же сталъ карабкаться на одинъ изъ лучей. Его примѣру послѣдовали и другіе, между тѣмъ какъ я,

Смѣло вошли на мостъ...

Знайка, Карапузикъ, Скокъ остановились немного ниже, у прилегающей къ волосамъ статуи короны, и стали смотрѣть въ устроенныя тамъ отверстія.

Замѣтили ли насъ люди кругомъ — не знаю. Но едва-ли. Слишкомъ, вѣроятно,

уже крошечными должно быть казались мы издалека.

Всей Америки съ верхушки статуи не было видно, но весь Нью-Йоркъ мы отлично видѣли, особенно я. Вотъ когда пригодилося мое стеклышко, надъ которымъ такъ часто смѣялись наши лѣсные человѣчки!..

Налюбовавшись вдоволь, мы спустились внизъ и отправились осматривать Бруклинскій мостъ.

— Это самый замѣчательный мостъ въ мірѣ,—объяснялъ намъ Знайка. — Онъ соединяетъ Нью-Йоркъ съ городомъ Бруклиномъ.

— Давайте, братцы, пройдемъ по этому мосту,—предложилъ Скокъ.

— А не провалится онъ подъ нами? — спросилъ я.

Конечно, спросилъ я не потому, что боялся, а просто потому, что я люблю быть осторожнымъ.

— Почему же онъ долженъ провалиться?—полюбопытствовалъ Индѣецъ.

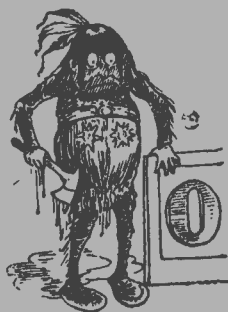
— Какъ-же, смотрите, вѣдь это мостъ висячій. Онъ держится всего на двухъ столбахъ... А насъ такъ много...—отвѣтилъ я.

Однако другіе не раздѣляли моихъ опасеній и смѣло вошли на мостъ. Нѣкоторые стали даже карабкаться на толстые желѣзные канаты, которыми придерживается мостъ.

Я ждалъ, когда всѣ пройдутъ, и только тогда вслѣдъ за другими рѣшился пройти по мосту.

Я шелъ очень осторожно, и мостъ подомною не провалился.

XII.

ЧЕНЬ долго мы засидѣлись въ Нью-Йоркѣ, пора бы намъ отправиться въ другія мѣста Америки,—сказалъ однажды утромъ Скокъ.

— У меня другое предложеніе,—возразилъ обыкновенно молчаливый китаецъ Чи-ка-чи.—Изъ Нью-Йорка очень часто отправляются корабли на мою родину, т.-е. въ Небесную имперію...

— Небесную имперію?! Какая такая Небесная имперія?—спросилъ Карапузикъ.

— Небесною Имперією называютъ Китай, — объяснилъ Чи-ка-чи, — а нашего

китайскаго императора величаютъ «сыномъ неба».

— Ого!—воскликнулъ Чумилка.

— А какъ же съ Америкою?—спросилъ Знайка.—Вѣдь мы побывали только въ Соединенныхъ Штатахъ, а не видѣли совсѣмъ другихъ государствъ, которыя находятся въ Америкѣ, не видѣли Мексики, Канады, Бразиліи...

— Мы какъ-нибудь еще разъ соберемся въ Америку и тогда все посмотримъ,—сказалъ докторъ Мазь-Перемазь.—А въ Китай хотѣлось бы попасть: это должно быть интересная страна.

— О, ужасно интересная,—подтвердилъ Чи-ка-чи.—Тамъ насъ угостятъ такимъ чаемъ, какого никто изъ васъ никогда не пилъ. Вѣдь чай получается изъ моей роины, Китая. Хотите, я вамъ многое могу рассказать про Китай,—добавилъ Чи-ка-чи и уже влѣзъ на пень, чтобы начать рассказывать, но его прервалъ Дѣдко-Бородачъ.

— Подожди, Чи-ка-чи,—сказалъ онъ,—потомъ расскажешь. Вотъ среди насъ находится Индѣецъ Красное Перо, и онъ очень

обиженъ, что мы находимся въ Америкѣ, а Знайка ничего намъ не рассказалъ про индѣйцевъ.

— Вѣрно! Вѣрно! — раздались отовсюду голоса. — Знайка, расскажи намъ пожалуйста все, что ты знаешь про индѣйцевъ.

Знайка, ставъ на возвышеніи у дерева, сказалъ:

— О, я знаю такъ много про индѣйцевъ, что въ одинъ день всего не рассказать. Но вотъ слушайте:

— Краснокожіе индѣйцы, къ числу которыхъ принадлежитъ и нашъ милый братецъ Красное Перо, жили въ Америкѣ въ то время, когда европейцы еще совсѣмъ не знали, что существуетъ такая страна свѣта, открытая, какъ я вамъ рассказывалъ, Колумбомъ. Жили, занимаясь большею частью охотою, въ небольшихъ хижинахъ, сдѣланныхъ изъ бамбука и покрытыхъ древесными листьями. Часто воевали они между собою, такъ какъ у нихъ много разныхъ племенъ, которыя старались овладѣть землею и палатками своихъ сосѣдей. И были индѣйцы хозяевами Америки, когда появились въ ней испанскіе и другіе моряки

и воины, которые стали вытѣснять индѣйцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили много лѣтъ. Индѣйцы защищались, вели войны съ испанцами и другими европей-

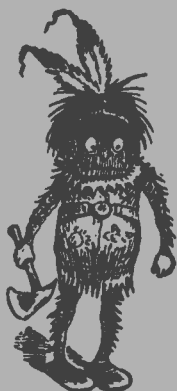

Чи-кя-чи уже влѣзъ на пень, чтобы начать разсказывать...

цами, но ничего не могли подѣлать и удалялись все дальше и дальше въ глубь страны... Теперь уже осталось немного индѣйцевъ въ Америкѣ и почти всѣ они подчиняются бѣлокожимъ американцамъ...

Нашъ индѣецъ Красное-Перо, слушая

разскажъ Знайки, прослезился, а затѣмъ громко заплакалъ и сердито сжалъ въ рукѣ свой топоръ.

Индѣецъ Красное Перо, сердито сжалъ въ рукѣ свой топоръ...

Мы поняли, что онъ плачетъ о судьбѣ несчастныхъ краснокожихъ своихъ родственниковъ...

Знайка старался утѣшить индѣйца и разсказалъ ему, что въ Америкѣ есть еще другой несчастный народъ—чернокожіе негры, которыхъ тоже сильно притѣсняли бѣлокожіе, сдѣлавъ своими рабами, заставляя ихъ страшно работать, наказывая за малѣйшую оплошность.

— Эти негры были долго рабами бѣлокожихъ. Они ихъ продавали точно животныхъ, отнимали дѣтей у родителей, разлучали мужей съ женами, пока наконецъ не изданъ былъ законъ, который освободилъ негровъ отъ рабства...

Знайка старался утѣшить индѣйца...

Разскажъ Знайки однако не утѣшилъ

Индѣйца. Онъ продолжалъ грустить, сверкая сердито глазами.

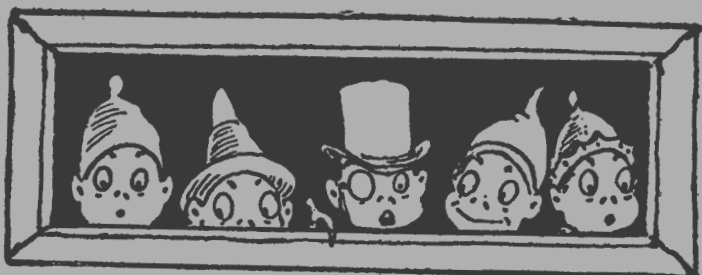
Но вотъ раздался громкій голосъ Мика:

— Братцы, если мы рѣшаемъ ѣхать въ Китай, то надо приготовиться. Прежде всего узнаемъ, когда уходитъ корабль, который отправляется въ Китай.

— Это я скоро узнаю! — воскликнулъ Скокъ. -- Дайте мнѣ сюда велосипедъ, я поѣду въ гавань и тамъ все разспрошу.

Спустя часъ, мы уже знали, что большой американскій корабль готовъ къ отплытію въ Китай и что для насъ найдется на немъ достаточно мѣста.

XIV.

ЕПЕРЬ, Чи-ка-чи, ты долженъ показывать дорогу, куда намъ идти или ѣхать, — сказалъ Знайка, когда нашъ корабль послѣ долгаго путешествія подошелъ къ берегамъ Китая. — Ты самъ китаецъ, умѣешь по-китайски говорить, такъ будь нашимъ проводникомъ.

— Чингъ-ченгъ-чангъ, то есть по-китайски «съ удовольствіемъ», — отвѣтилъ Чи-ка-чи. — Идите за мною.

И онъ открылъ большой китайскій зонтикъ.

— Зачѣмъ ты открылъ зонтикъ?—спросилъ я.—Вѣдь дождя нѣтъ.

— У насъ, въ Китаѣ, такой обычай, что всѣ знатные люди ходятъ съ зонтиками даже въ хорошую погоду,—объяснилъ Чи-ка-чи.

— А попадемъ ли мы куда-нибудь съ тобою, Чи-ка-чи? Я слышалъ, что весь Китай огороженъ Великой стѣной.

— Да, Великая стѣна, или по-нашему Ван-ли-чангъ-чингъ... Но что-жъ изъ этого?

— Насъ не пропустятъ.

— Э, пустяки! Я васъ проведу!—успокоилъ Чи-ка-чи.

Вскорѣ мы очутились передъ высокой каменной стѣной.

— Вотъ и Ван-ли-чангъ-чингъ,—сказалъ Чи-ка-чи.

— Ого!—воскликнулъ Скокъ, окидывая взглядомъ Великую стѣну,—черезъ нее въ самомъ дѣлѣ трудно перебраться.

— Пустяки!—возразилъ Чи-ка-чи, хитро улыбаясь.

— А къ чему построена эта стѣна?

— О, это очень, очень старая стѣна,—сказалъ Чи-ка-чи,—она была выстроена кру-

гомъ всего Китая, чтобъ непріятель не могъ вторгнуться въ Китай. Строили ее много-много лѣтъ. Ея длина около 4000 верстъ. Если бы собрать всѣ камни и кирпичи, употребленные сюда, то изъ нихъ можно было бы выстроить 2 милліона домовъ. Вдоль всей стѣны были раньше укрѣпленныя башни, и всюду разставлена была стража. Вотъ тогда мы не могли бы такъ легко проникнуть въ Китай. Только бы подошли къ стѣнѣ, стража сейчасъ — пафъ!

— Ай! — невольно вырвалось у меня. — Уйдемъ скорѣе!

— Не бойся, Мурзилка, — успокоилъ меня Чи-ка-чи, — вѣдь это было много лѣтъ тому назадъ. Теперь тутъ никакой стражи нѣтъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — обрадовался я. — Ну, такъ впередъ!

И я, не дожидаясь другихъ, сталъ карабкаться на стѣну. Но это было не легко: не поднявшись и на аршинъ отъ земли, я кувыркомъ полетѣлъ обратно и навѣрно разбился бы, если-бы меня не поддержали товарищи.

— Подождите, друзья, — замѣтилъ Чи-

ка-чи,—идемте дальше, тамъ есть въ стѣнѣ трещина, по ней мы и проберемся.

Мы пошли за китайцемъ и скоро, въ самомъ дѣлѣ, нашли трещину, по которой удобно было взобраться на верхъ стѣны.

Минуть черезъ пять безъ всякихъ приключеній мы всѣ были уже наверху.

— Сейчасъ спустимся и будемъ въ Не-

Мы всѣ были уже наверху...

бесной имперіи, т.-е. въ настоящемъ Китаѣ, и двинемся прямо къ нашей столицѣ, къ Пекину.

— А не поздно ли будетъ, Чи-ка-чи?—спросилъ осторожный Дѣдко-Бородачъ.—Смотри, какъ стемнѣло!

— Ничего!—отвѣтилъ Чи-ка-чи.—Подождите, я сейчасъ зажгу фонарь!—и онъ скрылся куда-то.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся держа въ рукѣ на длинной бамбуковой палкѣ прехорошенькій пестрый бумажный фонарикъ.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнуло въ одинъ голосъ нѣсколько лѣсныхъ чело-вѣчковъ.—Откуда ты его взялъ?

— Это еще не все! — засмѣялся Чи-ка-чи,—смотрите!

Онъ потрянулъ широкимъ рукавомъ своего кафтана и оттуда что-то посыпалось.

— Что это?

— Наши бумажные складные фонарики,—съ гордостью отвѣтилъ Китаецъ и принялся раскрывать фонари.

— Зачѣмъ же ты ихъ положилъ въ рукавъ?—удивился я.

— А куда же?—спросилъ съ недоумѣніемъ Чи-ка-чи.

— Въ карманъ!

— Въ китайскихъ платьяхъ кармановъ почти никогда не дѣлается, — отвѣтилъ Чи-ка-чи.

— Въ самомъ дѣлѣ?—удивился я.—Ну-ка покажи свое платье, я никогда не присматривался къ твоему костюму.

— Вотъ смотри: широкія панталоны, синяя куртка, а сверху черная кофта. Зимой мы носимъ обыкновенно нѣсколько куртокъ, которыя у богатыхъ дѣлаются изъ шелка. Богачи носятъ также поверхъ еще длинную верхнюю одежду съ длиннѣйшими рукавами. Никакихъ украшеній на своей одеждѣ мы не любимъ. Иногда лишь украшаемъ свое платье вышивками.

Пока китаецъ рассказывалъ о китайской одеждѣ, остальные лѣсные малютки развернули бумажные фонарики и, засвѣтивъ ихъ, взяли каждый себѣ по одному.

Только у одного меня Онъ вернулся, держа въ
рукъ бумажный фона-
рикъ... не оказалось фонаря.

— Послушай,—обратился я къ Знайкѣ,—дай мнѣ твой фонарикъ, а то я близорукъ и впотьмахъ, пожалуй, упаду.

— Я не могу,—возразилъ Знайка;—у меня у самого только одинъ. А вотъ, смотри, у Матросика два фонаря.

Я взглянулъ: въ самомъ дѣлѣ у Матросика въ рукахъ было два фонарика.

— Дай мнѣ твой фонарикъ...

Онъ подѣлился со мной, и мы двинулись дальше.

Едва мы прошли шаговъ пятьдесятъ, какъ въ темнотѣ послышался какой-то стонъ.

— Кто это стонетъ? Что случилось?—

переполошились всѣ.

— Охъ! Охъ! Ой!— раздавалось гдѣ-то впереди на дорогѣ.

Чумилка-Вѣдунъ, бывшій впереди всѣхъ, побѣждалъ на стонъ.

За нимъ поспѣшили другіе.

— Да это Карапузикъ! воскликнулъ Чумилка, нагибаясь и освѣщая своимъ

У Матросика въ рукахъ было два фонарика...

кругленькимъ фонаремъ чью-то темную фигуру.

Въ самомъ дѣлѣ, на травѣ сидѣлъ Карапузикъ, потирая рукой свое правое колѣно.

— Что съ тобой?

— Охъ, охъ! — сто-
налъ Карапузикъ, — упалъ,
ушибъ или вывихнулъ се-
бѣ ногу; дальше идти не
могу.

— Да это Карапузикъ! —
воскликнулъ Чумилка .. — Ну-ка, посмотримъ,
что съ тобой! — сказалъ

докторъ Мазь-Перемазь, выдвигаясь впе-
редъ.

— Посвѣтите-ка мнѣ!

Пуговка продвинулся впередъ и освѣ-
тилъ Карапузика своимъ
фонаремъ.

— Пустяки! Маленькая
ссадина! — заговорилъ
Мазь-Перемазь. — Сейчасъ На травѣ сидѣлъ Кара-
пузикъ...
я тебѣ достану изъ моей
аптечки примочку, забинтую ногу, и все
пройдетъ. Только, друзья, — обратился онъ

къ намъ,—совѣтую прекратить это ночное путешествіе, пока мы всѣ не искалѣчились.

— Въ самомъ дѣлѣ, вернемся, переночуемъ, а завтра утромъ пораньше въ путь!—предложилъ Бородачъ.

Какъ ни спорилъ Чи-ка-чи, но ему пришлось подчиниться общему рѣшенію.

Найдя подходящее мѣстечко, мы расположились на ночлегъ.

Утромъ насъ разбудили звуки колокольчика.

— Что это за звонъ?—спросилъ я Чи-ка-чи.

— Это звонятъ въ китайской церкви или пагодѣ,—отвѣтилъ онъ;—когда китайцы молятся, они всегда звонятъ въ колокольчики... Вотъ, видите, тамъ виднѣется башня?

— Да, да,—воскликнулъ Заячья-Губа,—я вижу какое-то странное зданіе въ видѣ башни.

— Это и есть пагода!

— Скорѣе идемъ туда!—предложилъ Скокъ.

Мы пошли и скоро всей толпой окружили пагоду.

— Не попробовать ли взобраться наверхъ? — сказалъ Скокъ.

— Не надо, лучше внутри ее посмотреть, — возразилъ Дѣдко-Бородачъ, — а то вотъ и Карапузику будетъ трудно, взбираться съ больной ногой, да и я не охотникъ лазить по верхамъ.

— Ну, вотъ еще! — возразилъ Скокъ. — Я полѣзу, а вы какъ хотите.

— И я полѣзу съ тобой! — сказалъ я.

— И мы! — присоединились къ намъ нѣкоторые другіе.

Мы начали взбираться.

Мнѣ въ это время вздумалось подшутить надъ

Карапузикомъ, напугать его. Я остановился и, подойдя къ самому краю одного изъ выступовъ, окружавшихъ въ видѣ крыши каждый этажъ башни, крикнулъ ему нарочно очень громко:

— Карапузикъ, берегись! Сейчасъ я прыгну отсюда прямо тебѣ на голову! Посторр...

Пуговка придвинулся впередъ...

Вдругъ—кракъ! Трескъ, шумъ! Выступъ обломился и, не успѣвъ договорить, я въ самомъ дѣлѣ полетѣлъ внизъ. Навѣрно, мнѣ не миновать бы головы Карапузика, если бы не выступъ слѣдующаго этажа, задержавшій меня.

— Браво, Мурзилка!—засмѣялся снизу Карапузикъ.—Говорилъ—полетишь и полетѣлъ. Молодецъ! Честно держишь слово!

— Ну, ну, молчи!—крикнулъ я, опра-вляясь,—а то еще вторую ногу подобьешь себѣ... Это все китайцы виноваты, даже своей церкви не сумѣли прочно сдѣлать. Что за страна такая!?

— Мурзилка, придержи свой языкъ,—замѣтилъ мнѣ Чи ка-чи.—А то, если мои со-родичи услышатъ, бѣда тебѣ будетъ: живо разложатъ тебя на землѣ и накажутъ по пяткамъ бамбуковыми палками или своими длинными косами... Они не любятъ, когда кто-нибудь порицаетъ ихъ...

— Ну, ну, Чи-ка-чушка, не буду!—заговорилъ я, украдкой оглядываясь.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь китаецъ, могъ услышать мои слова. Къ счастью, кругомъ все было спокойно и тихо.

Я полетѣлъ внизъ...

Городокъ былъ маленькій, тихій, въ родѣ деревни, улицы пустыя, безлюдныя.

Не теряя времени, мы двинулись дальше по дорогѣ къ Пекину.

На пути намъ часто стали встрѣчаться чайныя плантаціи, рисовыя поля, большія пространства, засѣянные хлопкомъ.

XV.

ТЕПЕРЬ, братцы, осторожниѣе, чтобы насъ какъ-нибудь не замѣтили китайцы,—сказалъ Знайка, когда мы проходили мимо одной китайской деревни.—Китайцы,—объяснилъ при этомъ Знайка,—не любятъ приѣзжающихъ въ ихъ страну чужихъ людей, и даже бывали случаи, когда они убивали этихъ людей...

— Неужели убивали!?—воскликнулъ я и предложилъ лучше вернуться обратно.

Но Чи-ка-чи насъ успокоилъ.

— Это было прежде, — сказалъ онъ.— Теперь мои сородичи, китайцы, уже не такъ строго относятся къ чужестранцамъ. Правда, и теперь бываютъ случаи, что китайцы уби-

вають иностранцевъ, но наше правительство строго наказываетъ за это виновныхъ. Теперь даже въ нашей столицѣ, Пекинѣ, живутъ иностранцы.

— Все-таки мнѣ кажется, чтобы избѣгнуть всякой опасности, намъ слѣдовало бы переодѣться китайцами.

— Что-же, это можно, — отвѣтилъ Чи-ка-чи. — Вотъ тутъ какъ разъ стоитъ китайская хижина, въ которой живутъ работники съ чайныхъ полей или, какъ ихъ называютъ, плантацій. У нихъ, навѣрное, въ хижинѣ спрятана праздничная одежда. Вы можете всѣ переодѣться. А только лицомъ-то никто изъ васъ не похожъ на китайца...

— Это ничего. Никто не разглядитъ, — рѣшилъ Дѣдко-Бородачъ.

Спустя нѣсколько минутъ, мы уже были въ хижинѣ.

Чи-ка-чи не ошибся. Тамъ была тщательно сложена праздничная китайская одежда рабочихъ и ихъ дѣтей, и, кромѣ того, тамъ же находились носилки, на которыхъ въ Китаѣ носятъ важныхъ сановниковъ - мандариновъ, китайскія знамена, вооруженіе китайскаго воина и много дру-

гихъ вещей. Мы стали быстро переодѣваться и вскорѣ уже многіе изъ насъ превратились въ настоящихъ китайцевъ. Въ

Вскорѣ уже многіе изъ насъ превратились въ настоящихъ китайцевъ...

хижинѣ нашлись даже длинныя косы, которыя носятъ китайцы, и Чи-ка-чи искусно придѣлывалъ ихъ по очереди всѣмъ намъ, лѣснымъ человѣчкамъ.

Въ носилки, которыя нашлись въ хижинѣ, мы усадили самого толстаго изъ насъ, Мика, а докторъ Мазь-Перемазь, Карапузикъ, Незнайка и Индѣецъ понесли носилки на плечахъ. Впереди пошелъ Хрипунъ съ большой китайской грамотой, выкрикивая непонятныя слова; сзади — понесли китайскія знамена, а Скокъ и Кнопка, переодѣтые китайскими воинами, одинъ съ саблей, другой съ большой китайскою пикою въ рукахъ, заняли мѣсто рядомъ съ носилками—и шествіе двинулось въ путь.

Сзади за носилками пошли остальные человѣчки, въ томъ числѣ я, Заячья-Губа, Тузикъ и другіе.

Я выбралъ себѣ самое изящное китайское платьѣ, какое только нашлось въ хижинѣ, прикрѣпилъ къ нему букетъ и, захвативъ мое стеклышко и тросточку, двинулся вмѣстѣ съ остальными. Но въ китайскихъ войлочныхъ туфляхъ очень неудобно было шагать впередъ, и я предпочелъ помѣститься въ корзинкѣ для овощей, прикрѣпленной къ длинной бамбуковой палкѣ, которую несли Заячья-Губа и Тузикъ.

Въ нашемъ шествіи были и переодѣтые китайскими торговцами рыбою и овощами лѣсные ,человѣчки, были и надзиратели плантацій, съ кнутомъ въ рукѣ, разѣз-

Шествіе двинулось въ путь...

жавшіе на осликахъ, и т. д. Словомъ, если-бы насъ и встрѣтилъ кто-нибудь, то едва-ли отличилъ бы насъ отъ настоящихъ китайцевъ.

Свади всѣхъ ѣхалъ на осликѣ Рикки, въ очкахъ, имѣя впереди переодѣтаго ки-

тайскимъ трубачемъ Дундука, а сзади—китайскаго воина съ пикою и саблею.

Долго шли мы, не встрѣчая никого на пути, но вдругъ Чи-ка-чи крикнулъ:

Въ китайскихъ войлочныхъ туфляхъ очень неудобно было шагать впередъ...

— Спасайтесь! Хунхузы приближаются!
Хунхузы — это китайскіе разбойники.

Конечно, всѣ испугались и пустились бѣжать.

Тутъ произошло нѣчто такое, что даже описать трудно.

Несшіе носилки съ Микомъ споткнулись, и вслѣдъ затѣмъ Микъ и всѣ его четверо носильщиковъ очутились на землѣ.

Сзади всѣхъ ѣхалъ на осликѣ
Рикки...

Я въ это время сидѣлъ, скорчившись, въ моей корзинѣ и никакъ не могъ оттуда выбраться. Напрасно кричалъ я: «Стойте! Остановитесь! Дайте мнѣ вылѣзть изъ корзины!» Никто, очевидно, не слышалъ моего

голоса. Всѣ бѣжали по направленію къ той хижинѣ, гдѣ лежало наше платье.

Мы уже были у самой хижины, когда Чи-ка-чи вдругъ расхохоталсѣ :

— А знаете, вѣдь я ошибся, — сказалъ онъ. —

Несшіе носилки съ Микомъ споткнулись...

Никакихъ хунхузовъ не видать. Это просто были... полевые мыши...

Переодѣвшись, мы рѣшили отправиться дальше. Но я такъ усталъ, что идти никакъ не могъ. Вѣдунъ и Скокъ рѣшили мнѣ помочь и понесли меня на носилкахъ,

сдѣланныхъ изъ двухъ бамбуковыхъ палокъ и куска китайской матеріи. Пройдя довольно длинный путь, мы замѣтили китайскій домъ, куда и вошли незамѣтно.

Вся семья сидѣла прямо на полу, на

Микъ и всѣ четверо носильщиковъ очутились на землѣ...

разостланныхъ коврахъ изъ соломы и, по-видимому, ужинала. На низенькомъ столикѣ стояла большая миска съ варенымъ рисомъ и маленькія пестрыя чашечки съ чаемъ. Ни ложекъ, ни вилокъ не было. Китайцы ѣли рисъ гладко оструганными деревянными

палочками, такъ ловко управляя ими, что не роняли ни одного зернышка.

Видъ ужинавшихъ людей возбудилъ у меня аппетитъ, и я рѣшилъ пробраться къ ихъ столу. Ко мнѣ присоединились Скокъ и Пучеглазка. Но только успѣли мы подойти къ мискѣ, какъ одинъ изъ китайцевъ, принявъ насъ, очевидно, за мухъ, замахнулся и со всей силы ударилъ меня своей палочкой. Не помню, какимъ чудомъ я остался живымъ. Въ это время Пучеглазка и Скокъ благополучно удрали.

Намъ пришлось лечь спать голодными.

На другой день съ утра мы отправились осматривать городъ Пекинъ. Забравшись на высокую стѣну, раздѣляющую городъ на двѣ части, мы увидѣли огромное число домовъ и садовъ, желтые и зеленые верхи храмовъ, пагодъ, и причудливые, покрытые блестящими кирпичами крыши какого-то огромнаго дворца.

— Что это за дворецъ? — спросилъ Дѣдко-Бородачъ.

— Это дворецъ императора, — отвѣтилъ Чи-ка-чи. — А вотъ здѣсь рядомъ — храмъ Конфуція.

— Кто это Конфуцій?—спросилъ я.

— Конфуцій былъ мудрецъ, самый умный изъ китайцевъ. Онъ составилъ нѣсколько книгъ, гдѣ сказано, какъ китайцы должны жить, молиться и т. д. Едва лишь мальчику-китайцу исполнится шесть лѣтъ, его засаживаютъ обучаться тому, что написано въ этихъ книгахъ. Чѣмъ лучше онъ выучитъ это и чѣмъ больше сдастъ экзаменовъ, тѣмъ высшую займетъ должность.

Чи-ка-чи рассказывалъ намъ о Конфуціи...

Пока Чи-ка-чи рассказывалъ намъ это, мы присматривались къ китайской жизни на улицѣ. Взадъ и впередъ вокругъ

Вѣдунъ и Скокъ понесли меня на носилкахъ...

насъ сноваль народъ, торговцы, дѣти, женщины. Всѣ они были похожи одинъ на другого: у

всѣхъ желтыя лица, узенькіе глаза, приплюснутые носы, длинныя черныя косы.

Я обратилъ вниманіе, что на нѣкоторыхъ мужчинахъ были надѣты шапочки съ какими-то странными, разноцвѣтными стеклянными шариками.

— Что это за шарики? — спросилъ я Чи-ка-чи.

— Этими шариками отличаются по своимъ чинамъ китайскіе чиновники или мандарины. У однихъ—стеклянные, у другихъ коралловые, у третьихъ—хрустальные, а у высшихъ чиновъ—даже золотые.

Мы пробродили по улицамъ Пекина почти весь день.

— Теперь куда же мы направимся? — спросилъ, наконецъ, Пуговица, не любившій быть долго на одномъ мѣстѣ.

— Я покажу вамъ другіе китайскіе города, — отвѣтилъ Чи-ка-чи.

— А по-моему, — возразилъ Дѣдко-Бородачъ, — нужно намъ подумать и объ обратномъ путешествіи.

— Бородачъ правъ, — подтвердилъ Знайка, — только я бы предложилъ побывать еще въ Японіи, это близко отсюда, и къ тому же страна очень интересная.

— Вотъ еще! Стоитъ-ли ѣхать въ Японію?—съ презрѣніемъ замѣтилъ Чи-ка-чи.

— Какъ хочешь, Чи-ка-чи, — отвѣтилъ ему Бородачъ;—можешь оставаться здѣсь. Мы знаемъ, что вы, китайцы, не любите японцевъ.

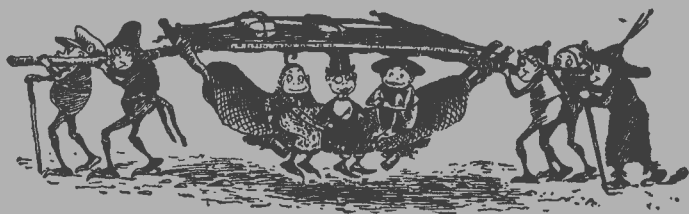
— Нѣтъ,—сказалъ китаецъ, —я не хочу разлучаться съ вами; кромѣ того, мнѣ тоже интересно посмотрѣть Японію. Говорятъ, что китайцы и японцы родственны.

— Значить, ѣдемъ въ Японію!—закричалъ Знайка такъ громко, что проходившіе мимо два китайскихъ мандарина оглянулись.

— Въ Японію, въ Японію!—подхватили хоромъ мы.

Покинувъ Пекинъ, мы пѣшкомъ добрались до моря и тамъ сѣли на пароходъ, отправлявшійся въ Японію.

XVI.

сейчасъ узналъ, что на нашемъ пароходѣ находится японецъ, который намъ расскажетъ много интереснаго про Японію, — сказалъ Знайка, когда мы очутились въ открытомъ морѣ на пути изъ Китая въ Японію. — Подождите, я его сейчасъ приведу.

Черезъ минуту онъ снова появился, ведя съ собой подъ руку маленькаго человѣчка, такого же маленькаго какъ мы, эльфы, но одѣтаго въ широкое японское платье съ открытымъ вырѣзомъ спереди и подпоясанаго пестрымъ широкимъ поясомъ.

— Вотъ это японецъ, Бирюшима, а это

мои товарищи! — торжественно произнесъ Знайка.

Маленькій японецъ раскланялся и про-
бормоталъ что-то по-японски.

— Вы ѣдете вмѣстѣ съ нами въ Японію
и, конечно, поможете намъ познакомиться
съ вашей родиной, — любезно началъ Дѣдко-
Бородачъ, подходя къ Бирюшимъ, и вдругъ
расхохотался.

— Ахъ, проказникъ! Ха-
ха-ха! Ловко обманулъ! Хо-
рошъ Бирюшима!

Мы съ недоумѣніемъ смо-
трѣли то на Бородача, то на — Я—Бирюшима...
японца и вдругъ сами расхохотались.

Японецъ Бирюшима былъ не кто иной,
какъ нашъ же пріятель, одинъ изъ са-
мыхъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ,
Бирюлька.

— Ха-ха-ха! Ай да Бирюлька!

— Я—Бирюшима, — серьезно произнесъ
мнимый японецъ, стараясь самъ удержаться
отъ смѣха.

— Теперь Бирюльки больше нѣтъ, — за-
мѣтилъ Знайка, — смотрите, какой онъ сталъ
желтолицый! — и Знайка запѣлъ:

Подъ горячимъ южнымъ солнцемъ
Нашъ Бирюлька сталъ японцемъ,
Въ халатъ японскій нарядился
И въ Бирюшиму превратился.

Тутъ Скокъ подхватилъ:

А мы не далия впросакъ:
Сейчасъ смекнули—что и какъ.
Бирюльку живо въ немъ узнали
И Бирюшиму развѣнчали...

— Значитъ, вы не вѣрите, что я японецъ? — засмѣялся Бирюлька-Бирюшима, — вотъ подождите, прїедемъ въ Японію, я вамъ докажу, какъ я ее хорошо знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ Знайка, — нашъ Бирюшима отлично знаетъ Японію и потому предводителемъ въ путешествіи по Японіи будетъ онъ; а не я.

— Ну, куда же ты прежде всего поведешь насъ, Бирюлька? — спросилъ докторъ Мазъ-Перемазь.

— Въ японскую столицу—Токио, — отвѣтилъ Бирюлька. — Какъ только пароходъ подойдетъ къ японскому берегу, мы направимся пѣшкомъ въ Токио...

— Пѣшкомъ? — въ ужасѣ вскричали я и Карапузикъ. — Мы не въ состояніи...

— Ну, для васъ можно сдѣлать паланкинъ!—отвѣтилъ Знайка.

— Это еще что за штука?—спросилъ я.

— Это ты сейчасъ увидишь. А пока идите, друзья, наберите побольше небольшихъ кусковъ дерева, да веревокъ...

Работа быстро закипѣла.

Когда пароходъ подошелъ къ Японіи, паланкинъ былъ уже готовъ. Это было не что иное, какъ носилки, которыя у японцевъ замѣняютъ экипажи.

— Ну, Карапузикъ и Мурзилка, садитесь въ паланкинъ!—скомандовалъ докторъ Мазь-Перемазь.

Мы сѣли. Докторъ, Заячья-Губа, Самоѣдъ, Пуговица и Вертушка приготовились насъ нести.

— Господа,—замѣтилъ я, придвигаясь къ Карапузику,—тутъ столько мѣста, что можетъ еще кто-нибудь сѣсть.

— Садись, Бирюшима, — предложилъ Заячья-Губа,—ты теперь японецъ, тебѣ слѣдуетъ по-японски и путешествовать.

— Съ удовольствіемъ! — отвѣтилъ Бирюлька, усаживаясь въ паланкинъ.

Мы двинулись въ путь.

Путешествіе въ паланкинѣ оказалось очень пріятнымъ. Меня скоро убаюкало, и я незамѣтно задремалъ. Мнѣ казалось, что я ѣду въ лодкѣ. Вдругъ сильный толчекъ! Я качнулся и чуть-чуть не вылетѣлъ кувиркомъ. Только успѣлъ схватиться за Бирюльку.

— Что случилось? — съ испугомъ спросилъ я.

— Ничего не случилось, — отвѣтилъ Бирюлька, — а только мы сейчасъ пойдемъ осматривать статую Будды.

— Будды? — переспросилъ я. — Что такое Будда.

— Будда — это былъ индійскій царевичъ, жившій много тысячъ лѣтъ назадъ. Это былъ очень умный и добрый царевичъ. Этотъ то Будда основалъ новую вѣру, которую сначала приняли индусы, потомъ китайцы и, наконецъ, японцы. Теперь Будда считается японскимъ святымъ. Въ Японіи много статуй Будды, но особенно славится одна, громаднхъ размѣровъ, украшенная драгоцѣнными камнями. Эту статую мы теперь и посмотримъ, — объяснилъ Бирюлька.

Вскорѣ мы увидали огромную статую великана, голова котораго блестѣла издалека.

— Что это тамъ блеститъ на этой статуѣ?—спросилъ Карапузикъ.

— Это головной уборъ Будды изъ дорогихъ камней,—отвѣтилъ Знайка.

— Давайте, заберемъ на Будду!—предложилъ Скокъ.—Посмотримъ, что за камни у него на головѣ.

Мы начали карабкаться. Первымъ забрался на самый верхъ Матросикъ. За нимъ полѣзъ Чи-ка-чи, но покачнулся и едва удержался, схватившись за одинъ изъ драгоценныхъ камней. Пока Индѣецъ, Самоѣдъ и я взбирались на плечи къ Буддѣ, докторъ Мазъ-Перемазъ со Знайкой очутились на каменномъ столикѣ съ золотыми ножками, стоявшемъ передъ Буддой. На этомъ столикѣ стоялъ довольно большой горшокъ, отъ котораго шелъ паръ.

— Смотрите, — сказалъ Треуголка, — какъ японцы кормятъ своего Будду.

— Ну, — замѣтилъ Знайка, — врядъ ли каменный Будда можетъ ѣсть.

— А вкусно пахнетъ!—воскликнулъ Пучеглазка, заглядывая въ горшокъ.

— Это совсѣмъ не кушанье, а благо-
вонное куренье,—сказалъ Бирюшима.

Мы долго пробыли у статуи и, на-
конецъ, рѣшили двинуться дальше. Былъ
какъ разъ полдень. На улицѣ стояла такая
ужасная жара, что буквально трудно было
дышать.

— Куда бы спрятаться отъ солнца,—
застоналъ Карапузикъ,—а то я скоро растаю
отъ жары.

— Надо просто зайти въ какой-нибудь
домъ, переждать жару, — сказалъ Дѣдко-
Бородачъ, — а то въ самомъ дѣлѣ трудно
идти.

Мы согласились съ этимъ и подошли къ
ближайшему же маленькому домику.

Въ комнатахъ никого не было, кромѣ
молоденькой японки, крѣпко спавшей на
деревянной низенькой подставкѣ, замѣняв-
шей ей кровать. Въмѣсто подушки у нея
была маленькая деревянная скамеечка.

— Какъ ей, бѣдной, неудобно спать на
такой скамеечкѣ! — замѣтилъ Путька, лю-
бившій поспать.

— Такія подставки подъ головы японки
употребляютъ, чтобы не помять своихъ

Первымъ забрался на самый верхъ Матросикъ ..

причесокъ. Смотрите, какъ она причесана! — объяснилъ намъ Знайка.

Въ самомъ дѣлѣ, у спящей японки была какая-то необыкновенно затѣйливая высокая прическа, при чемъ волосы держались точно склеенные чѣмъ-то.

Въ то время, какъ мы разсматривали спящую японку, въ сосѣдней комнатѣ раздался грохотъ.

Разбуженная шумомъ, японка вскочила на ноги.

Мы выглянули изъ-за вѣра...

Мы, какъ мыши, метнулись въ разныя стороны.

— Это кто - то изъ нашихъ напроказилъ, — замѣтилъ

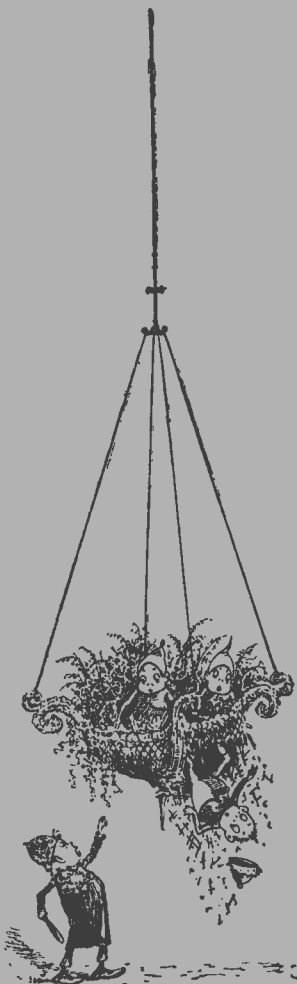
Чи-ка-чи, прячась вмѣстѣ со мной за большой вѣеръ, разставленный въ комнатѣ въ видѣ ширмы.

Когда черезъ минуту мы оттуда выглянули, въ комнатѣ никого уже не было: всѣ лѣсные малютки выбѣжали на улицу. Мы вышли изъ своей засады и пустились за ними.

— Что тамъ случилось? — спросилъ я, догоняя Бородача.

— Скокъ, Путька и Пуговица, увидѣли въ японскомъ домикѣ висячій вазонъ съ цвѣтами и, забравшись на него, давай качаться, какъ на качеляхъ,—вмѣшался въ разговоръ Тузилка.—Я только успѣлъ крикнуть имъ:—«Смотрите, оборветесь!» какъ — трахъ — Скокъ полетѣлъ внизъ головой, веревка оборвалась и тяжелый вазонъ грохнулъ на полъ.

На улицѣ было по-прежнему жарко. Чтобы спастись какъ-нибудь отъ палящаго солнца, мы раздобыли въ игрушечномъ магазинѣ много маленькихъ дѣтскихъ японскихъ зонтиковъ и, закрывшись ими, рѣшили продол-

Скокъ полетѣлъ внизъ головой...

жать наше путешествіе. Эти зонтики оказались очень удобными въ пути. Далѣе мы съ ними уже не разставались, и все наше путешествіе по Японіи мы совершили подъ зонтиками.

Добравшись сначала до города Іокагамы, а оттуда до столицы Японіи, Токио, мы принялись осматривать дворцы, улицы, сады. Но столица Японіи оказалась совсѣмъ не красивой. Въ ней много домовъ маленькихъ, низенькихъ, деревянныхъ, среди которыхъ выдѣляются храмы, одна огромная пагода и прекрасный дворецъ микадо, т. е. японскаго императора, окруженный высокой каменной стѣной и широкимъ, наполненнымъ водою, рвомъ. Что намъ понравилось въ Токио, такъ это большой паркъ Шiba, въ которомъ находится гробница шести сіюгуновъ — т. е. правителей Японіи. Экипажей въ Токио мы не встрѣчали, но за то тамъ много двухколесныхъ повозокъ, которыя везли люди. Это японскіе извозчики или дженерикши.

Но болѣе всего насъ поразило въ Токио то, что изъ японцевъ, которыхъ мы встрѣчали, одни носили японскія платья, въ особен-

ности длинные халаты, вышитые пестрыми цвѣтами, между тѣмъ какъ другіе были одѣты въ европейское платье.

— Почему это?—спросили мы Знайку.

— Видите-ли, — объяснилъ намъ Знайка, — прежде всѣ японцы одѣвались въ свои народные костюмы, носили косы, какъ ки-

Все путешествіе мы совершили подъ зонтиками...

тайцы, и чуждались другихъ образованныхъ народовъ. Но теперь японцы, особенно живущіе въ большихъ городахъ, одѣваются уже по-европейски, стригутъ волосы и стараются во всемъ походить на европейцевъ. Они усердно учатся и даже теперь уже настолько образованы, что не уступаютъ самымъ просвѣщеннымъ народамъ Европы, у

нихъ свои университеты, академии, много школъ, фабрикъ и т. п.

Мы, вѣроятно, остались бы нѣсколько дней въ Токио, но жара становилась все больше и больше. Поэтому рѣшено было уѣхать изъ Японіи на первомъ же пароходѣ, который уйдетъ въ Сибирь.

И на слѣдующій же день мы уже опять двинулись въ путь.

по
бе
не
ко
по

XVII.

ЗЪ Японіи мы благополучно, безъ особенныхъ приключе- ній, прибыли въ предѣлы Россіи, въ Сибирь, и рѣшили сѣсть въ сибирскій поѣздъ, который довезъ бы насъ обратно до Москвы.

Отъ другихъ пассажировъ на границѣ потребовали паспорта. Насъ-же пропустили безъ всякихъ препятствій. Очевидно, насъ не замѣтили и приняли за мухъ или жучковъ. Извѣстно, что у мухъ и жучковъ пас- портовъ не бываетъ...

— Завтра мы уже будемъ сидѣть въ

поѣздѣ, который отправляется въ Москву, — мечталъ я. Но моимъ мечтамъ не суждено было сбыться.

Въ поискахъ вокзала мы сбились съ пути и очутились въ глухихъ, пустынныхъ мѣстахъ. Всѣ дороги куда-то исчезли.

Къ тому же и погода измѣнилась, наступили холода, повалилъ снѣгъ. Долго блуждали мы туда и сюда, разыскивая дорогу. Наконецъ, мы очутились въ тайгѣ, какъ называютъ въ Сибири густые, непроходимые лѣса. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще. Въ довершеніе всего поднялась мятель.

Идти сдѣлалось совсѣмъ невозможно. Снѣгъ слѣпилъ глаза, рѣзкій ледяной вѣтеръ пронизывалъ насквозь.

Мы дрожали отъ холода, не зная, какъ отогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Особенно жалокъ былъ Китаецъ. Въ его легкомъ китайскомъ платьѣ ему было хуже, чѣмъ намъ всѣмъ.

— За-а-амерз-ззаю! — едва могъ выговорить онъ, вытаращивъ свои узенькіе глазки и выбивая зубами мелкую дробь.

— А я уже замерзъ! — заявилъ Тре-

уголка.—Мои ноги не ходять, придется ихъ передвигать руками!—и говоря это, Треуголка поднялъ руками свою лѣвую ногу и такъ махнулъ ею въ воздухъ, что чуть не попалъ въ носъ подвернувшемуся Скоку.

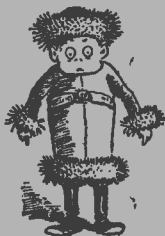
Хорошо чувствовалъ себя одинъ только Эскимосикъ.

— Просто прелесть какой морозецъ!—восторгался онъ.

— Ты, Эскимось, молчи!—сердито остановилъ его Матросикъ.—Тебѣ одному хорошо въ твоёмъ мѣховомъ мѣшкѣ!

За-а-амер-
ззаю!—едва
могъ выгово-
рить онъ...

Хорошо чув-
ствовалъ себя
Эскимосикъ...

Матросику самому было очень холодно и потому у него было плохое настроеніе. Онъ вытаращилъ глаза, разставилъ руки и выглядѣлъ такъ свирѣпо, точно собирался вступить въ рукопашную.

— Вы бы развели огонь! — посоветовалъ Эскимосикъ.

— А въ самомъ дѣлѣ! — обрадовался Матросикъ.—Скорѣе, друзья, давайте, разведемъ костеръ!—и онъ живо принялся за

дѣло. Мы усердно стали помогать ему. Изъ-за вѣтра и снѣга дѣло долго не ладилося, но, наконецъ, благодаря стараніямъ Матросика, огонь запылалъ. Мы съ удовольствіемъ начали грѣться.

Онъ вытара-
щилъ глаза и
разставилъ
руки...

А снѣгъ, между тѣмъ, сыпалъ и сыпалъ.

Переносить мятель долѣе стало невозможно. Насъ могло совсѣмъ занести снѣгомъ. Съ сожалѣніемъ покинувъ костеръ, мы двинулись дальше.

Мѣстами снѣгу насыпало столько, что мы проваливались по самое горло. Иногда казалось, что намъ никогда уже не удастся выбраться отсюда.

Наконецъ, къ нашей радости, лѣсъ сталъ рѣдѣть, и мы очутились на открытой полянѣ

— Господа, — весело закричалъ Вертушка, — смотрите-ка, жильѣ близко! Вотъ тамъ виднѣются два огонька!

— Нѣтъ, даже больше двухъ, — замѣтилъ

Благодаря стараніямъ
Матросика, огонь за-
пылалъ...

Скокъ, всматриваясь вдаль при наступившихъ сумеркахъ.—Три, четыре, пять... Ого! Да тутъ, вѣроятно, цѣлая деревня!

Заинтересованные, мы всѣ тоже стали вглядываться. Вдали, въ самомъ дѣлѣ, сверкали какія-то свѣтлыя точки.

— Удивительно,—бормоталъ Индѣецъ,

Мы проваливались по самое горло...

вперя свои зоркіе глаза въ даль,—мнѣ кажется, будто эти огоньки движутся. Странно! Очень странно!

— Волки!—закричалъ онъ и судорожно схватился за свой топорикъ...

Вдругъ его глаза стали совсѣмъ круглыми.

— Это волки! — кричалъ онъ не своимъ голосомъ и судорожно схватился за свой топорикъ.

Волки насъ совсѣмъ до-
гнали...

— Волки! Вол-
ки!—какъ эхо повто-
ряли мы и отъ страха
не были въ силахъ
двинуться съ мѣста.

Наконецъ первый
опомнился Знайка.

— Спасайтесь! —
крикнулъ онъ, — бѣ-
жимъ въ лѣсъ, ско-
рѣе, на деревья!

И онъ бросился
бѣжать.

Мы пустились за
нимъ.

Къ нашему ужа-
су, скоро до нашего
слуха долетѣлъ жа-
лобный вой.

Собравъ всѣ свои
силы, мы, казалось,
не бѣжали, а летѣли
все впередъ и впе-
редъ. Однако, голод-
ные волки почуяли,
должно быть. до-

бычу. Они бросились за нами и преслѣдовали насъ такъ быстро, что скоро стало слышно щелканье ихъ страшныхъ зубовъ.

Никогда еще намъ не приходилось такъ плохо. Прошла минута, другая, и волки насъ совсѣмъ догнали.

Съ ужасомъ я почувствовалъ вдругъ, что одинъ изъ нихъ схватилъ меня за ногу.

Я обернулся и ударилъ волка по лбу...

Не помня себя, подпрыгнувъ отъ боли, я обернулся и со всего размаха ударилъ волка по лбу своей тросточкой. Ошеломленный хищникъ на моментъ отступилъ, но потомъ снова кинулся на меня. Мнѣ не миновать бы его острыхъ зубовъ, если бы, къ счастью, вблизи не было большого дерева. Быстрѣе молніи метнулся я къ дереву и, съ ловкостью дикой кошки, взобрался на вѣтку.

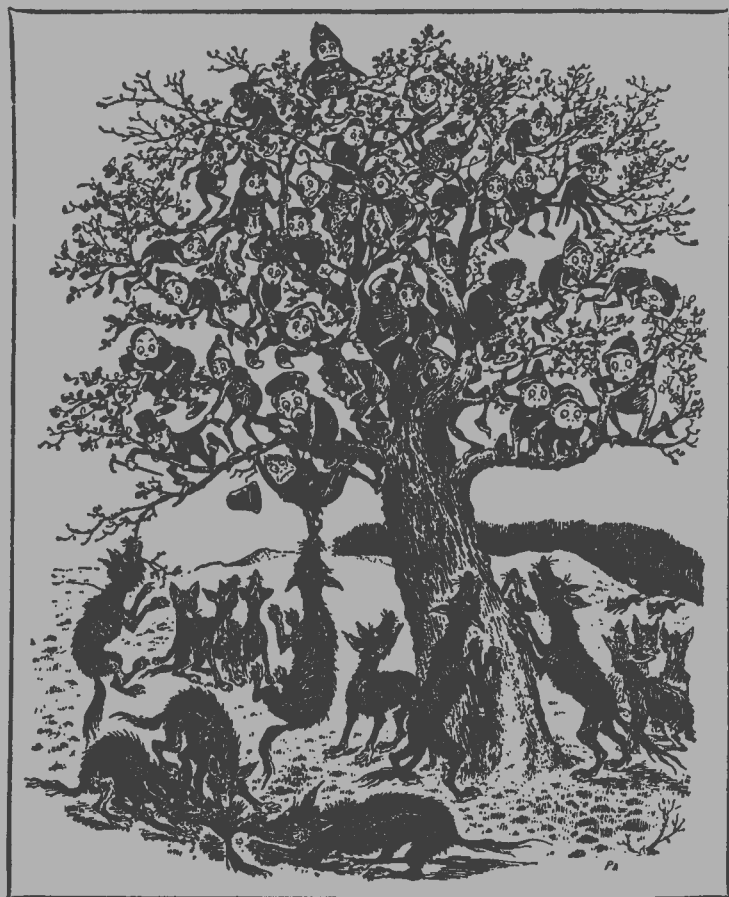
Разозленный волкъ остался внизу щелкать зубами.

На деревѣ было уже много лѣсныхъ малютокъ, спасшихся, какъ и я, отъ своихъ преслѣдователей.

Разсвирѣпѣвшіе волки окружили дерево, скаля зубы и стараясь достать до насъ. Они подпрыгивали, царапали по стволу когтями, выли...

Едва я успѣлъ взобраться на дерево, какъ одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ волковъ, подпрыгнувъ, вцѣпился зубами въ ту вѣтку, на которой я сидѣлъ. Только ударъ моей тросточки вторично спасъ меня отъ него. Въ ту же минутудругой волкъ, ловко прыгнувъ, ухватилъ зубами фалды сюртука доктора Мазь-Перемазь. Бѣдный докторъ, навѣрно, свалился бы съ дерева, если бы его не удержалъ Заячья-Губа. Во всякомъ случаѣ, сюртукъ его сильно пострадалъ, такъ какъ часть его осталась въ зубахъ у волка.

Между тѣмъ волки, озлобленные тѣмъ, что никто изъ насъ, лѣсныхъ малютокъ, не попалъ имъ на зубы, выли, стонали, скулили. Очевидно, однако, они все еще не потеряли надежды насъ схватить и не хотѣли

На деревѣ было уже много лѣсныхъ малятокъ...

такъ скоро разстаться съ ускользнувшей отъ
нихъ добычей. Проходилъ часъ за часомъ, а

они все еще караулили насъ подъ деревомъ, страшно щелкая зубами и жалобно воя. Въ темнотѣ наступившей ночи сверкали лишь ихъ горящіе глаза, принятые нами раньше за огоньки.

Мы стали приходить уже въ отчаяніе.

Что будетъ, если волки вздумаютъ караулить насъ цѣлую недѣлю? Не сидѣтъ же намъ вѣчно на деревѣ и ждать голодной смерти.

Я, какъ самый храбрый, первый заговорилъ о томъ, что намъ слѣдовало бы какъ-нибудь спуститься, обмануть волковъ и убѣжать.

— Что ты! что ты! Мурзилка!—закричали всѣ лѣсные человѣчки.

Такъ прошла ночь, въ теченіе которой никто изъ насъ, конечно, не сомкнулъ глазъ.

Къ счастью, волкамъ, очевидно, надоѣло ждать, и на разсвѣтѣ они покинули насъ и удалились въ глубину лѣса.

Со страхомъ спустились мы съ дерева и, осторожно, чтобы случайно не обратить вниманія волковъ, по одиночкѣ направились въ противоположную сторону. Снова нача-

лось наше путешествіе по снѣжной пусты-
нѣ. Много дней блуждали мы, совершенно
не зная, гдѣ мы находимся, пока, наконецъ,
какимъ-то чудомъ добрались до самоѣд-
скаго селенія.

Самоѣды еще мирно спали, когда мы
подошли къ первому съ краю жилищу или,
какъ ихъ называютъ самоѣды, кибиткѣ,
сдѣланной изъ шкуръ собакъ.

У этого жилища стояли сани, запря-
женные собаками, такъ какъ самоѣды
ѣздить, большею частью, на собакахъ,
впряженныхъ въ легкія санки. Въ каждыя
санки впряжены были по три пары собакъ.
Не было сомнѣнія, что самоѣды рѣшили
въ это утро совершить какое-нибудь боль-
шое путешествіе.

— А что, братцы, не воспользоваться
ли случаемъ и не проѣхаться ли на соба-
кахъ?—предложилъ Скокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — произнесъ Карапу-
зикъ.—Какъ можно отнимать у бѣдныхъ
самоѣдовъ ихъ собакъ.

— Мы ихъ и не отнимемъ,—объяснилъ
Скокъ.—Доѣдемъ только до ближайшаго
города, а тамъ пустимъ ихъ обратно. Со-

баки и вернутся домой. Самоѣды даже, пожалуй, и знать не будутъ, что мы воспользовались ихъ собаками.

Предложеніе Скока было послѣ этого принято единогласно.

Но насъ было такъ много, что собакъ не хватило.

— Ну, что-жъ, не бѣда!—воскликнулъ Знайка,—я вижу, здѣсь стоятъ олени. Самоѣды ѣздить и на оленяхъ. Олени отлично замѣняютъ имъ лошадей. Санки здѣсь имѣются—давайте запрягать оленей.

Прошло нѣсколько минутъ, и олени уже запряжены въ сани.

Размѣстившись, мы тронулись въ путь. Собаки мчались такъ быстро, что нѣкоторые изъ насъ не удержались и попадали въ снѣгъ. А санки съ оленями едва поспѣвали за нами.

Бѣда на собакахъ и оленяхъ продолжалась нѣсколько часовъ. Наконецъ, мы доѣхали до какого то маленькаго сибирскаго городка. Тамъ мы остановились и отпустили собакъ и оленей, привязавъ санки, запряженные оленями, сзади санокъ, запряженныхъ собаками. Сами же мы отправились

нанимать лошадей. Вскорѣ лошади были наняты, мы разсѣлись въ удобныя почтовые

Мы тронулись въ путь...

сани и благополучно, безъ всякихъ приключеній добрались до ближайшей станціи желѣзной дороги.

Здѣсь мы сѣли въ поѣздъ. Усталые, измученные, мы тотчасъ же заснули, за-

бывъ даже о томъ, что мы нѣсколько дней ничего не ѣли.

Прошло нѣсколько времени, раздался звонокъ, и поѣздъ тронулся.

— До свиданія! До свиданія!—кричали мы, махая изъ окна вагона шляпами и платками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Правда ли все, что сказано тутъ въ книжкѣ, или это только сказка? Существуютъ ли лѣсные человѣчки - малютки на Божьемъ свѣтѣ или нѣтъ? Есть ли, былъ ли когда-нибудь Мурзилка-Пустая-Голова? Существовали ли его товарищи: Знайка, Незнайка, Микъ, Скокъ, Чумилка, Чи-ка-чи, Пучеглазка, Заячья Губа, Пичужка, Индѣецъ, Вертушка, Дѣдко-Бородачъ, Докторъ Мазь-Перемазь, Матросикъ и всѣ остальные?

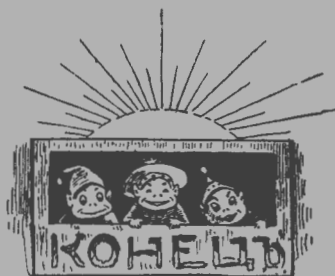
ДПЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ.

Догадайтесь объ этомъ сами.

Но если даже никакихъ лѣсныхъ чело-
вѣчковъ нѣтъ, вы, навѣрное, не безъ удо-
вольствія прочли все то, что
 про нихъ рассказано. Можетъ
быть даже кое-чему научились,
узнали кое-что такое, чего вы
раньше не знали.

Если приключенія лѣсныхъ чело-
вѣчковъ дѣйствительно принесли вамъ хотя бы кру-
пицу пользы, то цѣль рассказа о нихъ до-
стигнута.

И, навѣрное, когда вы, юные читатели,
станете взрослыми, вы будете вспоминать
и Мурзилку, и другихъ лѣсныхъ чело-
вѣч-ковъ, и расскажете про ихъ путешествія и
приключенія такимъ же, какъ вы теперь,
маленькимъ, любознательнымъ дѣтямъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I. ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ.

	СТІ
ГЛАВА I. Кто мы такіе	1
« II. Прогулка на сняхъ	9
« III. Какъ мы ѣдили въ товарномъ поѣздѣ	19
« IV. Сраженіе съ разбойниками	25
« V. Неудачное путешествіе по морю	33
« VI. Игра въ обручи	45
« VII. Непріятная ошибка	60
« VIII. Лѣсные малютки въ музыкальной школѣ	73
« IX. Циркъ Мурзилки	88
« X. Какъ мы строили печь	103
« XI. Въ княжескомъ дворцѣ	118
« XII. Лѣсные человѣчки—маляры	133
« XIII. Мы играемъ въ мячъ	142
« XIV. Завтракъ	151
« XV. Путешествіе по водопаду	164
« XVI. Парусныя гонки	172
« XVII. Совѣщаніе	185

ЧАСТЬ II. НОВЫЙ ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ.

ГЛАВА I. Пріѣздъ лѣсныхъ человѣчковъ въ Москву	1
« II. Прогулки по Москвѣ	7

	СТР.
ГЛАВА III. Путешествіе по воздуху въ Италію.	20
« IV. Пребываніе въ Венеціи.	27
« V. Приключенія въ Римѣ.	46
« VI. Лѣсные малютки въ Испаніи.	64
« VII. Пребываніе въ Турціи.	78
« VIII. На пароходѣ изъ Константинополя въ Америку.	91
« IX. Въ зоологическомъ саду въ Нью-Йоркѣ.	103
« X. Поездка къ водопаду Ниагара.	111
« XI. Лѣсные человѣчки въ Бѣломъ домѣ.	117
« XII. Прогулка по Нью-Йорку.	124
« XIII. Разсказъ Знайки про индійцевъ.	132
« XIV. На родинѣ Чи-ка-чи.	138
« XV. Лѣсные человѣчки превращаются въ китайцевъ.	151
« XVI. Странствованіе по Японіи.	164
« XVII. Пребываніе въ Сибири.	177
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.	191

ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ
ВЫПУЩЕНА
СЕРІЯ ИЗДАНІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ
ПРО МУРЗИЛКУ И ЛѢСНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧКОВЪ
4 ИМЕННО:

ЦѢНА ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ 3 РУБ.

Въ этой книжкѣ разсказывается о маленькихъ лѣсныхъ карликахъ - эльфахъ, ихъ путешествіи, о томъ, что они видѣли, какія были съ ними приключенія и пр., и пр. Главное мѣсто въ книгѣ отведено маленькому щеголю - франту Мурзилкѣ. Но тутъ и другіе эльфы-малютки: докторъ Мазъ-Перемазъ, Знайка, Незнайка и пр. Книга полна разныхъ смѣшныхъ, веселыхъ сценъ, въ которыхъ главную роль играетъ Фатъ и трусъ Мурзилка. Но въ то же время книга даетъ цѣлый рядъ свѣдѣній изъ географіи и незамѣтно, забавляя, поучаетъ маленькихъ читателей, которые, слѣдя за приключеніями лѣсныхъ человечковъ-эльфовъ, знакомятся съ различными странами и народами.

Игра въ Мурзилку состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Большой карты, съ указаніемъ государствъ и ихъ главнѣйшихъ городовъ или столицъ, которые посѣщаютъ во время своего путешествія лѣсные человечки, 2) 20 фигуръ лѣсныхъ человечковъ въ ростъ - для раскладки или разстановки, 3) 21 шапекъ съ головками лѣсныхъ человечковъ, 4) 20 жеребьевыхъ нуѣрковъ, 5) 20 продолговатыхъ табличекъ, которыя указываютъ сравнительную величину городовъ, посѣщенныхъ лѣсными малютками во время ихъ путешествія (все на большомъ листѣ). Кромѣ того, прилагаются: особая книжка съ подробнымъ объясненіемъ игры въ Мурзилку.

Игра въ видѣ забавы знакомитъ дѣтей съ главными государствами и ихъ столицами. Ц. 50 коп.

Являясь въ одно и то же время работою для разрѣзыванія и наклеиванія и игрою, «Альбомъ Мурзилки» состоитъ изъ 28 фигуръ, замѣняющихъ костяшки и размѣщенныхъ на одномъ листѣ, съ изображеніями 24 маленькихъ лѣсныхъ человечковъ - эльфовъ. Правила игры такія же простыя, какъ въ обыкновенномъ домино. Цѣна 15 коп.

АЛЬБОМЪ МУРЗИЛКИ

Альбомъ Мурзилки - это собраніе портретовъ наиболее дѣятельныхъ и вѣстныхъ маленькихъ лѣсныхъ человечковъ, во всю страницу, съ веселымъ текстомъ къ нимъ Мурзилки, въ стихахъ. Цѣна въ папачномъ переплетѣ 50 к.

**ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ**

ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

С.-Петербургъ

Москва

Гост. Дворъ, 18 и Невск. 13.

Кузнецк. М., 12 и Мохов., 22.

ПРОДАЕТСЯ

МУРЗИЛКИНЪ ТЕАТРЪ

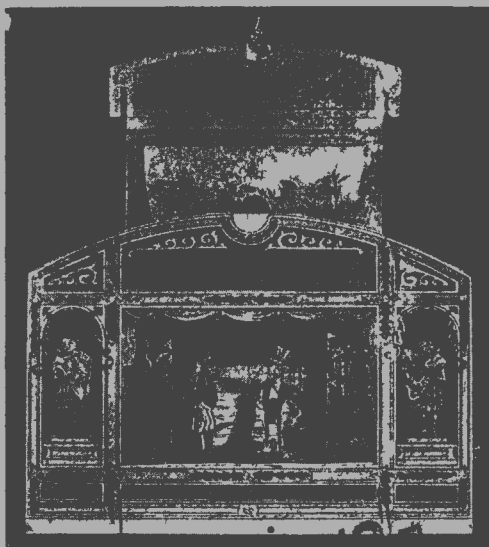
ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МУРЗИЛКИ

▪ ПЬЕСКА ▪

ИЗЪ ЖИЗНИ ЛѢСНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧКОВЪ

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ

Сцена, занавѣсъ, декораціи и фигуры въ краскахъ
по рисункамъ **В. Г. БЕРЕНШТАММА**

МУРЗИЛКИНЪ ТЕАТРЪ

въ готовомъ, составленномъ и склеенномъ видѣ.

Пьеска написана такъ, что ее можно исполнять въ кукольномъ театрѣ (для чего прилагается сцена, занавѣсъ, декораціи и фигуры, съ подробнымъ объясненіемъ, какъ ихъ надо склеить и составить, и какъ играть), а также можно играть въ дѣтскомъ театрѣ въ соответственныхъ костюмахъ.

ъ

ГПБ Русский фонд

38.35.4.59.

